

ЛЕВ ГУМИЛЕВ

ТРИ ГЛАВНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
О ЕВРАЗИИ

*Способность жертвовать собою ради идеала –
это и есть проявление пассионарности*

ОТ РУСИ К РОССИИ

*Почему тюрки возникли и почему исчезли, оставив свое имя в наследство
многим народам, которые отнюдь не являются их потомками?*

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ

*Сердце Евразии – это Великая степь
от Китайской стены до Карпат*

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ВОКРУГ КАСПИЯ

МОСКВА
2023

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)
Г94

Гумилев, Лев Николаевич.

Г94 От Руси к России ; Древние тюрки ; Тысячелетие вокруг Каспия / Лев Гумилев. — Москва : Эксмо, 2023. — 992 с. — (3 главных произведения).

ISBN 978-5-04-173333-9

Лев Николаевич Гумилев (1912—1992) — выдающийся ученый-историк, этнограф и философ, создавший теорию пассионарного этногенеза. В своих исследованиях Гумилев раскрывает, каким образом зарождаются и угасают цивилизации, что движет развитием народов и отдельных личностей, каким образом стремление к развитию отдельного человека может повлиять на историю целой страны.

В этой книге собраны три ключевых произведения историка и философа, рассказывающие об истории России и народов, ее населяющих, а также о развитии Евразии: «От Руси к России», «Древние тюрки», «Тысячелетие вокруг Каспия».

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-04-173333-9

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Содержание

От Руси к России	5
Древние тюрки	247
Тысячелетие вокруг Каспия.	667

**От Руси
к России**

Вместо предисловия

Сегодня в нашей стране наблюдается небывалый рост интереса к истории. Чем он вызван, на чем основан? Часто можно слышать, что, запутавшись в проблемах современных, люди обращаются к истории в поисках выхода из тяжелых ситуаций, как говорили в старину, «за поучительными примерами». Пусть так, но в таком случае интерес к истории свидетельствует и о другом: современность и история воспринимаются большинством наших соотечественников как принципиально разные, несовместимые временные стихии. Часто история и современность просто сталкиваются лбами: «Нам интересна только современность и нужно знание только о ней!» Похожее суждения можно услышать и в ученом споре, и в беседе за чаем, и даже в базарной склоке.

Действительно, для противопоставления современности и истории есть некоторые основания. Само слово «история» подразумевает «бывшее раньше», «несегодняшнее», а значит, историческая наука немыслима без учета изменений, отделяющих «вчера» от «сегодня». Количество и масштабы этих изменений могут быть ничтожны, но вне их история не существует. Говоря «современность», мы, напротив, имеем в виду некоторую привычную и кажущуюся нам стабильной систему взаимоотношений внутри страны и вне ее. Вот это-то привычное, знакомое, почти неизменное и понятное и противопоставляется обычно истории — чему-то неочевидному, неосязаемому и потому непонятному. А дальше просто: если мы не можем с современной точки зрения объяснить действия исторических персонажей, это значит, что они не были образованны, обладали многочисленными сословными предрассудками и вообще жили без благ научно-технического прогресса. Тем хуже для них!

И ведь мало кому приходит в голову, что в свое время прошлое тоже было современностью. Значит, видимое постоянство современ-

ности — обман, и сама она ничем не отличается от истории. Все хваленое настоящее — лишь момент, тут же становящийся прошлым, а вернуть сегодняшнее утро ничуть не легче, чем эпоху Пунических или Наполеоновских войн. И как это ни парадоксально, именно современность мнима, а история — реальна. Для нее характерна смена эпох, когда внезапно рушится равновесие народов и держав: малые племена совершают великие походы и завоевания, а могучие империи оказываются бессильными; одна культура сменяет другую, а вчерашние боги оказываются ничемными истуканами. Чтобы понять исторические закономерности, работали поколения настоящих ученых, книги которых до сих пор находят своего читателя.

Итак, история — это постоянные изменения, вечная перестройка кажущейся стабильности. Взглянув в каждый отдельный момент на определенную территорию, мы видим как бы фотографический снимок — относительно устойчивую систему из взаимосвязанных объектов: географических (ландшафтов), социально-политических (государств), экономических, этнических. Но как только мы начинаем изучать не одно состояние, а множество их, то есть процесс, картина резко меняется и начинает напоминать скорее детский калейдоскоп, а не строгое картографическое изображение с сухими надписями.

Взглянем, к примеру, на Евразию в начале I в. н. э. Западную оконечность великого Евразийского континента занимала Римская империя. Эта держава, выросшая из крошечного городка, основанного племенем латинов за восемь столетий до нашей эры, вобрала в себя множество народов. В состав империи органично влились культурные эллины, остававшиеся в общем лояльными подданными очень долгое время. С германцами же, жившими за Рейном, римляне, напротив, начали воевать. И хотя их победоносные полководцы Германник и будущий император Тиберий доходили во главе легионов до Эльбы, уже к середине I в. н. э. от покорения германцев римляне отказались.

К востоку от германцев обитали славянские племена. Римляне называли их, как и германцев, варварами, но в действительности это был совершенно другой народ, отнюдь не друживший с германцами.

Еще восточнее, в беспредельных степях Причерноморья и Казахстана, мы обнаруживаем в это время народ, мало напоминающий европейский, — сарматов. А на границе с Китаем, на территории нынешней Монголии, кочевал народ хунны.

Восточная окраина Евразии, так же как и западная, была занята огромной державой — империей Хань. Китайцы, подобно римлянам, считали себя культурным, цивилизованным народом, живущим среди окружающих их варварских племен. Друг с другом римляне и ки-

тайцы практически не сталкивались, однако связь между ними все же была. Нитью между двумя империями, невидимой, но прочной, стал Великий шелковый путь. По нему китайский шелк тек в Средиземноморье, оборачиваясь золотом и предметами роскоши.

Но и на Великом шелковом пути китайцы и римляне не встречались, ибо ни те, ни другие не ходили с караванами. С ними ходили согдийцы — обитатели Средней Азии — и евреи, осваивавшие международную торговлю. Под их руководством караваны пересекали огромные пространства континента. А на окраинах его, в римских крепостях и на Великой китайской стене, часовые день и ночь охраняли покой «цивилизированных» империй.

Зададимся простым вопросом: а что помешало этой отлаженной статичной системе отношений дожить до нашего времени? Почему мы сегодня не видим ни римлян, ни Великого шелкового пути? Да потому, что уже в конце I — начале II в. н. э. положение изменилось принципиально: пришли в движение многие народы, дотоле спокойные жившие в привычных им условиях.

Десантом гóтов — обитателей Скандинавии — в устье Вислы началось Великое переселение народов, ставшее в IV в. причиной гибели единой Римской империи. Тогда же начали свое продвижение и славяне, покидавшие территорию между Вислой и Тисой и распространившиеся впоследствии от Балтики на севере до Адриатики и Балкан на юге, от Эльбы на западе до Днепра на востоке.

Племя даков, занимавшее территорию современной Румынии, начало войну с Римом, и империи потребовалось 20 лет борьбы, чтобы силами всего Средиземноморья, объединенными военным и государственным гением императора Траяна, победить этот народ.

Из возникших в Сирии и Палестине христианских общин к тому времени возник новый этнос¹ — «этнос по Христу». Носители некогда преследовавшегося учения сумели не только сохранить его, но и сделать официальной идеологией в одной из частей распавшейся империи. Так в противовес умирающему Западному Риму — Гесперии — возникла новая, христианская держава — Византия.

В той же Палестине возник очаг сопротивления римскому господству. Небольшой народ — иудеи — после двух восстаний, жестоко подавленных римлянами, покинул свою историческую родину. Но появление иудейской диаспоры и проповедь христианства обернулись

¹ Этнос — естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как энергетическая система (структура), противопоставляющая себя всем другим таким коллективам, исходя из ощущения комплиментарности. // Ермолаев В. Ю. Толковый словарь понятий и терминов. Под ред. Л. Н. Гумилева. — в книге Л. Н. Гумилев. Этногенез и биосфера Земли. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.

для римлян усилением позиций восточных религий в самом центре империи и в ее провинциях.

Не только Ближний, но и Дальний Восток стал в это время источником бед для Рима. Ветвь хуннов, покинув степи Монголии, в результате беспримерной миграции оказалась в Европе. Уже в IV в. их потомки сокрушили королевство гóтов и едва не уничтожили саму Римскую империю.

Таким образом, если мы попытаемся представить себе Евразию V—VI вв., то увидим картину, совершенно не похожую на ту, что была в I в. Новые империи располагаются на окраинах континента, совсем другие народы кочуют по просторам Великой степи.

Вся история человечества состоит из череды подобных изменений. Может быть, смена империй и царств, вер и традиций не имеет никакой внутренней закономерности, а представляет собой не поддающийся объяснению хаос? Издавна люди пытливые (а такие есть всегда) стремились найти ответ на этот вопрос, понять и объяснить истоки своей истории. Ответы получались, естественно, разные, ибо история многогранна: она может быть историей социально-экономических формаций или военной историей, то есть описанием походов и сражений; историей техники или культуры; историей литературы или религии. Все это — разные дисциплины, относящиеся к истории. И потому одни — историки юридической школы — изучали человеческие законы и принципы государственного устройства; другие — историки-марксисты — рассматривали историю сквозь призму развития производительных сил; третьи опирались на индивидуальную психологию и т. д.

А можно ли представить человеческую историю как историю народов? Попробуем исходить из того, что в пределах Земли пространство отнюдь не однородно. И именно пространство — это первый параметр, который характеризует исторические события. Еще первобытный человек знал границы территории своего обитания, так называемый кормящий и вмещающий ландшафт, в котором жил он сам, жили его семья и его племя.

Второй параметр — время. Каждое историческое событие происходит не только где-то, но когда-то. Те же первобытные люди вполне сознавали не только «свое место», но и то, что у них есть отцы и деды и будут дети и внуки. Итак, временные координаты существуют в истории наряду с пространственными.

Но в истории есть еще один, не менее важный параметр. С географической точки зрения все человечество следует рассматривать как антропосферу — одну из оболочек Земли, связанную с бытием вида *Homo sapiens*. Человечество, оставаясь в пределах этого вида, обладает замечательным свойством — оно мозаично, то есть состоит из

представителей разных народов, говоря по-современному, этносов. Именно в рамках этносов, контактирующих друг с другом, творится история, ибо каждый исторический факт есть достояние жизни конкретного народа. Присутствие в биосфере Земли этих определенных целостностей — этносов — составляет третий параметр, характеризующий исторический процесс. Этности, существующие в пространстве и времени, и есть действующие лица в театре истории. В дальнейшем, говоря об этносе, мы будем иметь в виду коллектив людей, который противопоставляет себя всем другим таким же коллективам, исходя не из сознательного расчета, а из чувства комплиментарности — подсознательного ощущения взаимной симпатии и общности людей, определяющего противопоставление «мы — они» и деление на «своих» и «чужих».

Каждый такой коллектив, чтобы жить на Земле, должен приспособиться (адаптироваться) к условиям ландшафта, в пределах которого ему приходится жить. Связи этноса с окружающей природой и рожают пространственные взаимоотношения этносов между собой. Но естественно, что, живя в своем ландшафте, члены этноса могут приспособиться к нему, только изменяя свое поведение, усваивая какие-то специфические правила поведения — стереотипы. Усвоенные стереотипы (историческая традиция) составляют основное отличие членов одного этноса от другого.

Чтобы описать свою историческую традицию, членам этноса становится необходима система отсчета времени. Легче всего учитывать временные циклы. Простые наблюдения показывают, что день и ночь составляют повторяющийся цикл — сутки. Подобно этому, времена года, сменяясь, составляют больший цикл — год. Из-за этой простоты и очевидности первый известный людям счет времени, употребляющийся до сих пор, — это счет циклический. (С представлением о цикличности времени связано само происхождение русского слова «время», однокоренного со словами «вертеть» и «веретено».)

На Востоке, например, была изобретена система отсчета времени, при которой каждый из 12 годов носит название того или иного зверя, изображаемого определенным цветом (белый — металл, черный — земля, красный — огонь, сине-зеленый — растительность). Но поскольку этнос живет очень долго, ни годового, ни даже двенадцатилетнего цикла восточных народов часто было недостаточно, чтобы описать хранящиеся в памяти людей события.

В поисках выхода из этого тупика начали применять линейное измерение времени, при котором отсчет ведется от определенного момента в историческом прошлом. Для древних римлян эта условная дата — основание Рима, для эллинов — год первой Олимпиады. Мусульмане считают годы от Хиджры — бегства пророка Мухаммеда из

Мекки в Медину. Христианское летосчисление, которым пользуемся мы, ведет счет от Рождества Христова. О линейном измерении времени можно сказать лишь то, что в отличие от циклического оно подчеркивает необратимость времени.

На Востоке существовал еще один способ осознания и отсчета времени. Вот пример такого исчисления. Царевна из южнокитайской династии Чэн, уничтоженной северной династией Суй, попала в плен. Она была отдана в жены тюркскому хану, желавшему породниться с китайской императорской семьей. Царевна скучала в степях и сочиняла стихи. Одно из ее стихотворений звучит так:

Предшествует слава и почесть беде,
 Ведь мира законы — трава на воде.
 Во времени блеск и величье умрут,
 Сравняются, сгладятся башня и пруд.
 Хоть ныне богатство и роскошь у нас —
 Недолго всегда безмятежности час.
 Не век опьяняет нас чаша вина.
 Звенит и смолкает на лютне струна.
 Я царскою дочерью прежде была,
 А ныне в орду кочевую зашла.
 Скиталась без крова и ночью одной
 Восторг и отчаянье были со мной.
 Превратность царит на земле искони,
 Примеры ты встретишь, куда ни взгляни,
 И песня, что пелась в былые года,
 Изгнанника сердце тревожит всегда¹.

Здесь течение времени рассматривается как колебательное движение, а определенные временные отрезки выделяются в зависимости от насыщенности событиями. При этом создаются большие дискретные «участки» времени. Китайцы называли все это одним легким словом — «превратность». Каждая «превратность» происходит в тот или иной момент исторического времени и, начавшись, неизбежно кончается, сменяясь другой «превратностью». Такое ощущение дискретности (прерывности) времени помогает фиксировать и понимать ход исторических событий, их взаимосвязь и последовательность.

Но говоря о прерывистом времени, времени линейном или циклическом, надо помнить, что речь идет лишь о созданных человеком системах отсчета. Единое абсолютное время, исчисляемое нами, остается реальностью, не превращаясь в математическую абстракцию, и отражает историческую (природную) действительность.

¹ Л. Н. Гумилев. «Стихи китайской царевны VII века», 1937. — *Прим. ред.*

Так, прерывистое время равно применимо и к человеческой истории, и к истории природы. Хорошо описанная историческая геология оперирует эрами и периодами, в каждый из которых биосфера Земли имела особый характер. Это или «влажный» карбон с обилием крупных амфибий (земноводных), или «сухой» пермский период с крупными рептилиями (пресмыкающимися), обитавшими вблизи водоемов. В трех периодах мезозойской эры: триасе, юре и меле — каждый раз возникала новая флора и новая фауна. Ледниковый период вновь изменил животный и растительный мир Земли. До этого периода в Африке обитали австралопитеки, отдаленно напоминавшие современного человека. После ледникового периода появились неандертальские люди с огромной головой и сильным коренастым туловищем. При неизвестных нам обстоятельствах неандертальцы исчезли и сменились людьми современного типа — людьми разумными. В Палестине сохранились материальные следы столкновения двух видов людей: разумных и неандертальских. В пещерах Схул и Табун на горе Кармель обнаружены останки помесей двух видов. Трудно представить условия появления этого гибрида, особенно если учитывать, что неандертальцы были каннибалами. В любом случае новый, смешанный вид оказался нежизнеспособным.

Итак, неандертальцы исчезли, и в наше время Земля заселена людьми хотя и пяти разных рас, но принадлежащими к одному биологическому виду. Следовательно, мы вправе считать, что прямой преемственности между неандертальцами и современными людьми нет. Но точно так же нет ее и между кроманьонскими охотниками на мамонтов и древними кельтами, между римлянами и румынами, между хуннами и мадьярами.

В истории этносов (народов), как и в истории видов, мы сталкиваемся с тем, что время от времени на определенных участках Земли идет абсолютная ломка, когда старые этносы исчезают и появляются новые. Древности принадлежат филистимляне и халдеи, македоняне и этруски. Их сейчас нет, но когда-то не было англичан и французов, шведов и испанцев. Итак, этническая история состоит из «начал» и «концов».

Но откуда же и почему возникают эти новые общности, вдруг начинающие отделять себя от соседей: «Э, нет, знаем мы вас: вы — немцы, а мы — французы!»? Понятно, что любой этнос имеет предка, даже не одного, а нескольких. Например, для русских предками были и древние русичи, и выходцы из Литвы и Орды, и местные финно-угорские племена. Однако установление предка не исчерпывает проблемы образования нового этноса. Предки есть всегда, а этносы образуются достаточно редко и во времени, и в пространстве. Казалось бы, на поставленный вопрос нет ответа, но вспомним, что точ-

но так же сто лет назад не было ответа на вопрос о происхождении видов.

В прошлом веке, в эпоху бурного развития теории эволюции, как до, так и после Дарвина, считалось, что отдельные расы и этносы образуются вследствие борьбы за существование. Сегодня эта теория мало кого устраивает, так как множество фактов говорит в пользу иной концепции — теории мутагенеза. В соответствии с ней каждый новый вид возникает как следствие мутации — внезапного изменения генофонда живых существ, наступающего под действием внешних условий в определенном месте и в определенное время. Конечно, наличие мутаций не отменяет внутривидового процесса эволюции: если появившиеся признаки повышают жизнеспособность вида, они воспроизводятся и закрепляются в потомстве на достаточно долгое время. Если это не так — носители их вымирают через несколько поколений. Теория мутагенеза хорошо согласовывается с известными фактами этнической истории. Вспомним уже упоминавшийся пример миграций в I—II вв. н. э. Мощное движение новых этносов имело место сравнительно недолго и только в узкой полосе от южной Швеции до Абиссинии. Но ведь именно это движение погубило Рим и изменило этническую карту всего европейского Средиземноморья.

Следовательно, начало этногенеза мы также можем гипотетически связать с механизмом мутации, в результате которой возникает этнический «толчок», ведущий затем к образованию новых этносов. Процесс этногенеза связан с вполне определенным генетическим признаком. Здесь мы вводим в употребление новый параметр этнической истории — пассионарность. Пассионарность — это признак, возникающий вследствие мутации (пассионарного толчка) и образующий внутри популяции некоторое количество людей, обладающих повышенной тягой к действию. Мы назовем таких людей пассионариями.

Пассионарии стремятся изменить окружающее и способны на это. Это они организуют далекие походы, из которых возвращаются немногие. Это они борются за покорение народов, окружающих их собственный этнос, или, наоборот, сражаются против захватчиков. Для такой деятельности требуется повышенная способность к напряжениям, а любые усилия живого организма связаны с затратами некоего вида энергии. Такой вид энергии был открыт и описан нашим великим соотечественником академиком В. И. Вернадским и назван им биохимической энергией живого вещества биосферы.

Механизм связи между пассионарностью и поведением очень прост. Обычно у людей, как у живых организмов, энергии столько, сколько необходимо для поддержания жизни. Если же организм человека способен «вобрать» энергии из окружающей среды больше,

Изменение уровня пассионарного напряжения суперэтнической системы

Схема 1. Изменение уровня пассионарного напряжения суперэтнической системы.

P_{ik} — уровень пассионарного напряжения системы. Качественные характеристики этого уровня («жертвенность» и т. д.) следует рассматривать как некую усредненную «оценку» представителей этноса. Одновременно в составе этноса есть люди, обладающие и другими отмеченными на рисунке характеристиками, но господствует один тип людей;

i — индекс уровня пассионарного напряжения системы, соответствующего определенному императиву поведения: $i = 2, -1, \dots, 6$. При $i = 0$ уровень пассионарного напряжения системы соответствует гомеостазу;

k — количество субэтносов¹, составляющих систему на определенном уровне пассионарного напряжения; $k = n + 1, n + 2, \dots, n + 21$, где n — первоначальное количество субэтносов в системе.

Примечание: Данная кривая — обобщение сорока индивидуальных кривых этногенеза, построенных нами для различных этносов. Пунктиром обозначено падение пассионарности ниже уровня гомеостаза, наступающее вследствие этнического смещения (внешней агрессии).

¹ Субэтнос — этническая система, являющаяся элементом структуры этноса. // Ермолаев В.Ю. Толковый словарь понятий и терминов. Под ред. Л. Н. Гумилева. — в книге Л. Н. Гумилев. Этногенез и биосфера Земли. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.

чем необходимо, то человек формирует отношения с другими людьми и связи, которые позволяют применить эту энергию в любом из выбранных направлений. Возможно и создание новой религиозной системы или научной теории, и строительство пирамиды или Эйфелевой башни и т. д. При этом пассионарии выступают не только как непосредственные исполнители, но и как организаторы. Вкладывая свою избыточную энергию в организацию и управление соплеменниками на всех уровнях социальной иерархии, они, хотя и с трудом, вырабатывают новые стереотипы поведения, навязывают их всем остальным и создают таким образом новую этническую систему, новый этнос, видимый для истории.

Но уровень пассионарности в этносе не остается неизменным. Этнос, возникнув, проходит ряд закономерных фаз развития, которые можно уподобить различным возрастам человека. Первая фаза — фаза пассионарного подъема этноса, вызванная пассионарным толчком. Важно заметить, что старые этносы, на базе которых возникает новый, соединяются как сложная система. Из подчас непохожих субэтнических групп создается спаянная пассионарной энергией целостность, которая, расширяясь, подчиняет территориально близкие народы. Так возникает этнос. Группа этносов в одном регионе создает суперэтнос (так, Византия — суперэтнос, возникший в результате толчка в I в. н. э., состоял из греков, египтян, сирийцев, грузин, армян, славян и просуществовал до XV в.). Продолжительность жизни этноса, как правило, одинакова и составляет от момента толчка до полного разрушения около 1500 лет, за исключением тех случаев, когда агрессия иноплеменников нарушает нормальный ход этногенеза.

Наибольший подъем пассионарности — акматическая фаза этногенеза — вызывает стремление людей не создавать целостности, а, напротив, «быть самими собой»: не подчиняться общим установлениям, считаться лишь с собственной природой. Обычно в истории эта фаза сопровождается таким внутренним соперничеством и резней, что ход этногенеза на время тормозится.

Постепенно вследствие резни пассионарный заряд этноса сокращается; ибо люди физически истребляют друг друга. Начинаются гражданские войны, и такую фазу мы назовем фазой надлома. Как правило, она сопровождается огромным рассеиванием энергии, кристаллизуется в памятниках культуры и искусства. Но высший расцвет культуры соответствует спаду пассионарности, а не ее подъему. Кончается эта фаза обычно кровопролитием; система выбрасывает из себя излишнюю пассионарность, и в обществе восстанавливается видимое равновесие.

Этнос начинает жить «по инерции» благодаря приобретенным ценностям. Эту фазу мы назовем инерционной. Вновь идет взаимное

подчинение людей друг другу, происходит образование больших государств, создание и накопление материальных благ.

Постепенно пассионарность иссякает. Когда энергии в системе становится мало, ведущее положение в обществе занимают субпассионарии — люди с пониженной пассионарностью. Они стремятся уничтожить не только беспокойных пассионариев, но и трудолюбивых гармоничных людей. Наступает фаза обскурации, при которой процессы распада в этносоциальной системе становятся необратимыми. Везде господствуют люди вялые и эгоистичные, руководствующие потребительской психологией. А после того как субпассионарии проедят и пропьют все ценное, сохранившееся от героических времен, наступает последняя фаза этногенеза — мемориальная, когда этнос сохраняет лишь память о своей исторической традиции. Затем исчезает и память: приходит время равновесия с природой (гомеостаза), когда люди живут в гармонии с родным ландшафтом и предпочитают великим замыслам обывательский покой. Пассионарности людей в этой фазе хватает лишь на то, чтобы поддерживать налаженное предками хозяйство.

Новый цикл развития может быть вызван лишь очередным пассионарным толчком, при котором возникает новая пассионарная популяция. Но она отнюдь не реконструирует старый этнос, а создает новый, давая начало очередному витку этногенеза — процесса, благодаря которому Человечество не исчезает с лица Земли.

Часть первая

КИЕВСКАЯ ДЕРЖАВА

1. Славяне и их соседи

ДВЕ ЕВРОПЫ

Попробуем посмотреть с точки зрения сказанного выше на этническую историю нашей страны. В те века, когда начиналась история нашей Родины и ее народов, человечество населяло Землю крайне неравномерно. При этом одни народы жили в горах, другие — в степях или глухих лесах, третьи — на берегах морей. И все создавали совершенно особые культуры, непохожие друг на друга, но связанные с теми ландшафтами, которые их кормили. Понятно, что лесовики могли продуктивно заниматься охотой, например, добывать меха и, продавая их, получать все то, чего им не хватало. Но этого не могли делать ни обитатели знойного Египта, где пушных животных не было, ни насельники Западной Европы, где горностаи были столь редки, что их мех шел лишь на королевские мантии, ни степняки, занимавшиеся скотоводством. Зато у степняков было в изобилии молоко и мясо, они делали вкусный и питательный непортящийся сыр и могли продавать его. Кому? Да лесовикам, изготавливавшим из дерева телеги, на которых могли ездить степняки. А самое главное, обитатели лесов делали деготь, без которого не вращались колеса степных телег. У жителей Средиземноморского побережья имелись великолепная рыба и оливки, на склонах Апеннин и Пиренеев паслись козы. Итак, у каждого народа был свой способ ведения хозяйства, свой способ поддержания жизни. Следовательно, мы должны начать изучение истории народов с описания природы и климата территорий, на которых они живут.

Деление на географические районы часто бывает условно и не всегда совпадает с делением на климатические области. Так, Европа разделена воздушной границей, соответствующей изотерме января, которая проходит через Прибалтику, Западную Белоруссию и Украину до Черного моря. К востоку от этой границы средняя температура января — отрицательная, зима холодная, морозная, часто сухая, а за

паднее преобладают влажные теплые зимы, при которых на земле лякоть, а в воздухе туман. Климат в этих регионах совершенно различный.

Великий ученый, академик А. А. Шахматов, который начал практическое изучение русских летописей, исследуя историю русского языка и его диалекты, пришел к выводу, что древние славяне зародились в верховьях Вислы, на берегах Тисы и на склонах Карпат¹. Это современные восточная Венгрия и Южная Польша. Таким образом, наши предки-славяне появились и впервые оставили свой след в истории на границе двух климатических областей (западноевропейской — влажной и восточноевропейской — сухой с континентальным климатом), и эта территория нам особенно интересна.

Во времена Великого переселения народов славяне продвинулись к западу, северу и югу до берегов Балтийского, Адриатического и Эгейского морей. С запада их соседями были германские племена. На северо-востоке Европы со славянами соприкасались так называемые балты: литовцы, латыши, пруссы, ятвяги. Это очень древние народы, заселившие прибалтийскую территорию, когда оттуда ушел ледник. Они заняли почти пустые места и распространились довольно широко, примерно от сегодняшней Пензы и до Щецина. Северо-восточнее жили финские племена. Их было много: и суоми, и эсты, и «чудь белоглазая» (так звали одно из этих племен на Руси). Дальше жили зыряне, чудь заволоцкая и много других народов.

Все было, как уже говорилось, достаточно стабильно до II в. н. э., когда в результате пассионарного толчка началось Великое переселение народов. А началось оно так. От берегов южной Швеции, которая называлась тогда Готия, отошли три готские эскадры с храбрыми воинами — остготами, визиготами и гепидами. Они высадились в устье Вислы, поднялись к ее верховьям, дошли до Припяти, миновали приднепровские степи и вышли к Черному морю. Там готы — народ, привычный к мореплаванию, — построили корабли и начали совершать набеги на бывшую Элладу — Грецию. Захватывая города, готы грабили их, а жителей брали в плен. Греция принадлежала в то время Римской империи, и император Деций — страшный гонитель христиан, очень хороший полководец и смелый человек — выступил против готов, которые уже пересекли Дунай и вторглись на территорию Византии. Великолепная римская пехота, хорошо обученная, вооруженная короткими мечами, более удобными в бою, чем длинные, столкнулась с одетыми в шкуры готами, которые были вооружены длинными копьями. Казалось бы, у готов не было шансов на победу, но, к удивле-

¹ Существуют и иные версии происхождения славян. Однако вносимые ими коррективы не меняют общей картины нашего исследования.

нию современников, римская армия была полностью разбита, потому что готы, умело маневрируя, завели ее в болото, где римляне увязли по щиколотку. Легионы лишились маневренности; готы кололи римлян копьями, не давая тем возможности вступить в бой. Погиб и сам император Деций. Это случилось в 251 г.

Готы стали хозяевами устья Дуная (где поселились визиготы) и современной Трансильвании (где поселились гепиды). Восточнее, между Доном и Днестром, воцарились остготы. Их царь Германарих (IV в.), очень воинственный и храбрый человек, подчинил себе почти всю Восточную Европу: земли мордвы и мери, верховья Волги, почти все Поднепровье, степи до Крыма и сам Крым.

Могучее государство гóтов погибло, как это нередко бывало, из-за измены подданных и жестокости правителя. Германариха покинул один из вождей подвластного готам племени россомонов. Не терпевший измены, страшный в своей ярости старый король приказал разорвать дикими конями жену вождя. «Так страшно убить нашу сестру!» — возмутились братья погибшей, Сар и Аммий. И вот однажды на королевском приеме они подошли к Германариху и, выхватив из-под одежды мечи, пронзили его. Но не убили: стража успела заколоть их раньше. Однако Германарих от ран не оправился, все время болел и бразды правления потерял. А в это время с востока надвигался страшный враг — гунны.

ХУННЫ И ГУННЫ

Предки гуннов, хунны, были небольшим народом, сложившимся в IV в. до н. э. на территории Монголии. В III в. до н. э. они переживали тяжелые времена, так как с востока на них давили кочевники-сяньби, с запада нажимали согдийцы, которых китайцы называли юечжи. Неудачными оказались и попытки хуннов принять участие в китайских междоусобицах. В Китае тогда шло объединение страны, известное в китайской историографии как «война царств». Из семи царств осталось одно, при этом погибло две трети населения страны. С китайцами, которые пленных не брали, лучше было не связываться. Хунны оказались союзниками побежденных, и получилось так, что первый хуннский шаньюй (правитель) платил дань и восточным, и западным соседям, а южные плодородные степи уступил Китаю. Но тут сказались последствия пассионарного толчка, формирующего этнос.

Хуннский царевич по имени Модэ не был любим своим отцом. Его отец, шаньюй, как все хунны и все кочевники имевший несколько жен, очень любил младшую жену и сына от нее. Он решил послать нелюбимого Модэ к согдийцам, потребовавшим от хуннов заложника. Далее царь замыслил совершить набег на Согдиану, чтобы толкнуть

согдийцев на убийство сына. Но тот угадал намерения отца, и, когда шаньюй начал набег, царевич убил своего стражника и бежал. Его побег произвел такое впечатление на хуннских воинов, что они сошлись во мнении: Модэ достоин многого. Отцу пришлось поставить нелюбимого сына во главе одного из уделов государства.

Модэ приступил к обучению воинов. Он стал применять свистящую стрелу (в ее наконечнике делались отверстия, и при выстреле она свистела, подавая сигнал). Однажды он приказал воинам наблюдать, куда он пустит стрелу, и стрелять из луков в том же направлении. Приказал и вдруг пустил стрелу в... своего любимого коня. Все ахнули: «Зачем же убивать прекрасное животное?» Но тем, кто не выстрелил, отрубили голову. Потом Модэ выстрелил в своего любимого сокола. Тем, кто не стрелял в безобидную птицу, также отрубили голову. Потом он выстрелил в свою любимую жену. Нестрелявших — обезглавили. А потом, во время охоты, он встретил шаньюя, своего отца, и... выпустил стрелу в него. Шаньюй мгновенно превратился в подобие ежа — так утыкали его воины Модэ стрелами. Не стрелять не рискнул никто.

Модэ стал царем в 209 г. Он договорился о мире с согдийцами, но от него потребовали дань восточные кочевники, которые назывались дун-ху. Сначала они пожелали получить самых лучших лошадей. «Тысячелинный конь» (ли — китайская мера длины, приблизительно равная 580 м) — так красиво назывался быстроногий жеребец. Некоторые хунны говорили: «Нельзя отдавать скакунов». «Не стоит воевать из-за коней», — не одобрил их Модэ и тем, кто не хотел отдавать коней, отрубил, по своему обыкновению, голову. Затем дун-ху потребовали прекрасных женщин, в том числе и жену царя. Тем, кто заявил: «Как можно отдать наших жен!» — Модэ отрубил голову, сказав: «Жизнь наша и существование государства стоят дороже, чем женщины». Наконец, дун-ху потребовали кусок пустой земли, которая служила границей между ними и хуннами. Это была пустыня на востоке Монголии, и некоторые считали: «Эта земля не нужна, ведь мы на ней не живем». Но Модэ сказал: «Земля — основание государства. Землю нельзя отдавать!» И отрубил им голову. После этого приказал воинам немедленно двинуться в поход на дун-ху. Он победил их, потому что хунны стали подчиняться ему беспрекословно.

Затем Модэ вступил в войну с Китаем. Казалось бы, эта война была не нужна. Кочевники жили в степи, а китайцы обитали южнее, за своей Великой стеной, во влажной и теплой муссонной долине. Но у хуннов были причины напасть на Китай.

Войско Модэ окружило передовой отряд китайцев, с которым находился сам император Лю Бан. Хунны все время обстреливали китайский отряд из луков, не давая ему передышки. Китайский импе-

ратор запросил мира. Некоторые из вельмож Модэ предлагали убить врага, но Модэ ответил: «Глупцы, зачем нам убивать этого китайского царя — они выберут себе нового. Пусть он живет. Ведь основные силы китайцев стоят в арьергарде, мы с ними еще не воевали». И Модэ заключил с этим императором, основателем династии Хань, договор «мира и родства» (198 г.). Это означало, что обе стороны будут жить, не покушаясь на земли друг друга. Хунны привыкли кочевать в степи, их не смущал холод. А китайцы любили мягкий климат долины Хуанхэ и совершенно не собирались выходить в степь.

В это время китайцы уже научились изготавливать шелк — драгоценный товар древности. Была достигнута договоренность, что хунны дают китайцам лошадей, а китайцы платят за коней шелком. Шелк в те времена был крайне нужен и оседлым народам, и кочевникам. Людей мучили насекомые-паразиты, спасением от которых были только шелковые одежды. И если какая-нибудь хуннка получала шелковую рубашку, ей уже не приходилось все время чесываться.

С помощью согдийских купцов китайский шелк покупали и римляне. У них была та же беда. Мыла в ту пору не было, и римляне натирали тело маслом, затем счищали его скребками вместе с грязью, а после распаривались в горячей ванне. Однако мерзкие паразиты через некоторое время появлялись вновь. Красавицы римлянки, соблазнительные и влиятельные, требовали у мужей и поклонников шелковые туники. Эти туники стоили безумно дорого, почти так же дорого, как золото. Римляне тратили на шелк огромные деньги, покупая его у купцов-посредников в Иране и Сирии, дарили своим женам, любовницам и... не имели средств расплатиться со своими солдатами. Из-за неуплаты жалованья солдаты поднимали восстания. Императоры и вельможи гибли в огне мятежей, но эта страшная политика, погубившая Рим, продолжалась еще двести лет (I—III вв.).

Очень неприятная ситуация была и в Китае. Китайцы получали за шелк или лошадей от степняков, или предметы роскоши из Средиземноморья. Кораллы, пурпурная краска, драгоценности доставались знати, а шелк брали у крестьян. Все желали получить как можно больше драгоценного товара, чтобы, продав его, улажить своих жен и дочерей. Естественно, что у китайцев развилась система, при которой все делалось, как бы сегодня сказали, «по блату». Все жены и наложницы императора (а императору полагался гарем) стали протаскивать своих родственников на должности правителей и начальников. Эти родственники, получив право на управление какой-либо областью, немедленно начинали прижимать крестьян, чтобы добыть деньги на взятки. Их преступления, естественно, не могли оставаться секретом для правительства: китайцы все время писали друг на друга доносы, благо среди них было много грамотных. Наместников вре-

мя от времени казнили. Но те, предвидя горькую судьбу, закапывали в землю клады, сообщая места своим детям. И потому правительство, хорошо зная нравы соотечественников, стало казнить не только преступника, но и всю его семью.

Итак, торговля шелком оказалась губительной для обеих империй: Римской и Китайской.

Между тем противостояние Хунну и Китая продолжалось. И хотя в Китае было 50 миллионов населения, а всех хуннов — около трехсот тысяч, борьба, вызванная потребностью кочевников в шелке, муке и железных предметах, шла на равных. Кони китайцев были намного хуже, чем скакуны степняков. Экспедиции в хуннские степи обычно заканчивались гибелью конных китайских отрядов. Когда китайцам удалось узнать, что в Средней Азии есть «небесные жеребцы» — породистые кони, похожие на лошадей арабской породы, — они отправили туда военную экспедицию. Осадив город Гуйшан (район современной Ферганы), китайцы потребовали выдачи лучших жеребцов. Осажденные уступили, и китайцы, вернувшись с добычей, приступили к разведению новой породы. Преуспев в этом деле, они стали совершать удачные набеги на хуннов. Мало того, они уговорили соседей-кочевников с востока, севера и запада выступить против хуннов.

В 93 г. хуннский шаньюй проиграл решающую битву, бежал на запад и пропал без вести. Держава хуннов развалилась на части. Одни племена рассеялись в южносибирских степях, другие ушли в Китай, ибо в это время в Великой степи наступила засуха. Стала расширяться пустыня Гоби на севере Китая, и хунны смогли передвинуться на засохшие китайские поля, где образовались милые их сердцу сухие степи. Часть же хуннов направилась в Среднюю Азию и дошла до Семиречья (район современной Алма-Аты). Здесь и осели «малосильные» хунны.

Самые отчаянные двинулись на запад. Они прошли через весь Казахстан и в 50-х годах II в. вышли к берегам Волги, потеряв при этом большую часть своих женщин. Те физически не смогли вынести такой переход, да и из мужчин выжили лишь самые крепкие.

Хунны быстро освоились в новых, удобных для скотоводства местах, где их никто не трогал. Женщинами они обзавелись, сделав набег на аланов, а объединившись и породнившись с народом вогулов (манси), хунны создали новый этнос — западных гуннов, так же мало похожих на старых азиатских хуннов, как техасские ковбои на английских фермеров. Эти западные гунны (для простоты мы их будем называть гуннами) начали войну с готами.

Сначала гунны завершили разгром аланов, истощив их силы бесконечной войной. Государство гуннов расширилось и заняло просторы между реками Урал (Яик) и Дон. Готы пытались удержаться

на рубеже Дона, но они были обессилены изнурительной борьбой со славянами. Поэтому, когда гунны через Керченский пролив, Крым и Перекоп вышли готам в тыл, те побежали. Остготы покорились гуннам, визиготы, переправившись через Дунай, оказались в Римской империи. Гибель державы гóтов обеспечила свободу действий славянам. Но память о былом господстве в южнорусских степях гóтов, некогда захвативших славянского вождя Божа и распявших 70 славянских старейшин, сохранилась.

Вернемся к готам, укrywшимся в Византии. Они исповедовали христианство по арианскому обряду¹, а в Восточной Римской империи восторжествовало никейское православие. Союза и дружбы не получилось. Римляне потребовали, чтобы переходящие Дунай готы сдавали оружие, и те согласились. Но когда императорские чиновники стали обирать гóтов, требовать с них взятки, отнимать жен, детей и имущество, оказалось, что готы сохранили достаточно оружия, чтобы поднять восстание. В 378 г. при Адрианополе восставшие сразились с римлянами, разбили их, убили императора Валента и подошли к стенам Константинополя. Хотя город был хорошо укреплен, у гóтов были все шансы его взять. Однако римлянам помог странный случай.

В римской армии был отряд конных арабов. Всадники кружили вокруг пеших гóтов. Один из гóтов отстал, и арабский всадник нагнал его и, ударив копьем, сбил с ног. Затем, спрыгнув с коня, перерезал врагу горло, напился крови, закинул голову и... завыл. Испуганные готы решили, что это оборотень. Они отступили от Константинополя и отправились грабить Македонию и Грецию. Усмирить их оказалось нелегко даже Феодосию Великому. Но мы оставим гóтов сводить счеты с Римской империей и вернемся в Восточную Европу, к славянам и русам².

Славяне участвовали в готско-гуннской войне и, естественно, на стороне гуннов. К несчастью для гуннов и славян, великий вождь и завоеватель Аттила в 453 г. заболел и умер. После него осталось 70 детей и молодая вдова, даже не потерявшая невинность. Возник вопрос о наследнике: все сыновья Аттилы претендовали на престол отца, а покоренные племена поддерживали разных царевичей. Большинство гуннов встало на сторону вождя Эллага, но против него выступили гепиды и остготы. В битве при Недао (славянское название

---

¹ Арианство — учение александрийского священника Ария (256—336), по которому Бог-Сын (Христос) не равен Богу-Отцу, а лишь подобен ему. Это учение было осуждено на соборе в Никее в 325 г.

² Существуют различные гипотезы о происхождении русов, которых на разных языках называли по-разному: рутены, росы, руги. Автор склонен видеть в них племя древних германцев.

этой реки — Недава) гунны были разбиты, и Эллак погиб (454). Попытки гуннов бороться с византийцами привели их к поражению на Нижнем Дунае. На востоке, в Поволжье, гуннов разбили (463) и подчинили себе сарагуры. Часть уцелевших гуннов ушла на Алтай, другие — на Волгу, где, смешавшись с аборигенами, они образовали народ чувашей. Место действия осталось пустым.

РОЖДЕНИЕ КИЕВСКОЙ ДЕРЖАВЫ

В VI—VIII вв. славяне — народ сильный и энергичный — имели большие успехи. Население множилось не столько за счет моногамных браков, сколько благодаря пленным наложницам. Славяне распространились на север, где их звали венеды (это слово поныне сохранилось в эстонском языке). На юге их звали склавины, на востоке — анты. Украинским историком М. Ю. Брайчевским установлено, что греческое слово «анты» значит то же, что славянское «поляне». Сохранилось слово женского рода «поляница» в значении «богатырша». Но слово «поляне» в аналогичном значении сегодня не используется, так как тюркское слово «богатырь» вытеснило его из употребления.

К VI в. славяне заняли Вольту (вольтяне) и южные степи вплоть до Черного моря (тиверцы и уличи). Заняли славяне также и бассейн Припяти, где поселились древяне, и южную Белоруссию, где осели дреговичи («дрягва» — болото). В северной части Белоруссии расселились западные славяне — венеды. Кроме того, уже в VII или VIII в. два других западнославянских племени — радимичи и вятичи — распространились на юг и восток до Сожа, притока Днепра, и до Оки, притока Волги, поселившись среди местных угро-финских племен.

Для славян было бедствием соседство с древними русами, которые сделали своим промыслом набеги на соседей. В свое время русы, побежденные готами, бежали частично на восток, частично на юг, в низовья Дуная, откуда они пришли в Австрию, где попали в зависимость от герулов Одоакра (дальнейшая судьба этой ветви нам неинтересна). Часть русов, ушедшая на восток, заняла три города, которые стали опорными базами для их дальнейших походов. Это были Куяба (Киев), Арзания (Белоозеро?) и Старая Руса. Русы грабили своих соседей, убивали их мужчин, а захваченных в плен детей и женщин продавали купцам-работоторговцам.

Славяне селились небольшими группами в деревнях; обороняться от русов, оказавшихся жуткими разбойниками, им было трудно. Добычей русов становилось все ценное. А ценным тогда были меха, мед, воск и дети. Неравная борьба длилась долго и закончилась в пользу русов, когда к власти у них пришел Рюрик.

Биография Рюрика не проста. По «профессии» он был варяг, то есть наемный воин. По своему происхождению — рус. Кажется, у него были связи с южной Прибалтикой. Он якобы ездил в Данию, где встретился с франкским королем Карлом Лысым. После, в 862 г., он вернулся в Новгород, где захватил власть при помощи некоего старейшины Гостомысла. (Мы не знаем точно, означает ли слово «Гостомысл» собственное имя человека или нарицательное обозначение того, кто «мыслит», то есть сочувствует, «гостям» — пришельцам.) Вскоре в Новгороде вспыхнуло восстание против Рюрика, которое возглавил Вадим Храбрый. Но Рюрик убил Вадима и вновь подчинил себе Новгород и прилегающие области: Ладогу, Белоозеро и Изборск.

Существует легенда о двух братьях Рюрика, Синеусе и Труворе, возникшая в результате непонимания слов летописи: «Рюрик, его родственники (*sine hus*) и дружинники (*thru voring*)». Дружинников Рюрик посадил в Изборске, родственников отправил дальше, на Белоозеро, сам, опираясь на Ладогу, где был варяжский поселок, сел в Новгороде. Так, путем подчинения окрестных славян, финно-угров и балтов, он создал свою державу.

Согласно летописи, Рюрик умер в 879 г., оставив сына, которого звали Игорь, по-скандинавски Ингвар, то есть «младший». Поскольку Игорь, по словам летописца, был «детескъ вельми» («очень мал»), по словам летописца, власть принял воевода по имени Хельги, то есть Олег. «Хельги» — это было даже не имя, а титул скандинавских вождей, означавший одновременно «колдун» и «военный вождь». Олег с воинами двинулся по великому пути из «варяг в греки»: из Новгорода к югу по речке Ловать, где была переволока, и дальше по Днепру, попутно заняв Смоленск. Варяги Олега и малолетнего Игоря подошли к Киеву. Тогда там жили славяне и стояла небольшая русская дружина Аскольда. Олег выманил Аскольда и вождя славян Диру на берег Днепра и там предательски убил их. После этого киевляне без всякого сопротивления подчинились новым властителям. Это произошло в 882 г.

Олег занял Псков и в 883 г. обручил малолетнего Игоря с псковичанкой Ольгой. Ольга — это женский род имени Олег. Здесь мы, скорее всего, вновь сталкиваемся с титулом, не зная настоящего имени исторического лица. Вероятно, Ольга, как и Игорь, во время обручения была ребенком.

К IX в. раскол славянского единства привел к созданию новых, ранее не существовавших народов. В результате смешения славян с иллирийцами появились сербы и хорваты, а во Фракии смешение с пришлыми кочевниками положило начало болгарскому этносу. Какие-то славянские племена проникли в Грецию и Македонию, дойдя до Пелопоннеса, который они называли Мореей (от слова «море»). Растущая пассионарность славян разбросала их по всей Европе.

2. Славяне и их враги

В НИЗОВЬЯХ ВОЛГИ

По соседству с Киевской державой в Восточной Европе зарождалось могучее государство — Хазарский каганат. История его заслуживает внимания. Сами хазары были одним из замечательных народов той эпохи. Первоначально их поселения сосредоточивались в низовьях Терека и по берегам Каспия. В то время уровень воды в Каспийском море находился на отметке —36, иными словами, на 8 м ниже, чем сейчас. Оттого очень большой была территория волжской дельты, доходившей до полуострова Бузачи — продолжения Мангышлака. Это были настоящие каспийские Нидерланды, изобиловавшие рыбой.

Хазары — кавказское племя, жившее на территории современного Дагестана. Автору этих строк доводилось находить в низовьях Волги их скелеты; казалось, они принадлежат подросткам. Длина скелета составляет около 1,6 м, сами кости мелкие и хрупкие. Подобный антропологический тип сохранился у терских казаков. Следы обитания хазар у Каспия сейчас скрыты наступившим морем, и лишь дагестанский виноград, принесенный хазарами с Кавказа в дельту Волги, остался свидетельством их миграции.

Врагами прикаспийских хазар были степняки-буртасы и болгары. И тех, и других в VI в. подчинили себе тюрки. В начавшейся у победителей династической распри одни тюрки оперлись на болгар, другие на хазар. Победили хазары и их союзники. Степные болгары бежали на Среднюю Волгу, где основали город Великий Булгар. Другая часть болгарской орды во главе с ханом Аспарухом ушла на Дунай, где, смешавшись с южнославянскими племенами, положила начало новому народу — болгарам. Но нам сейчас интересны хазары.

У хазар не было государственной власти. Сейчас от языка этого племени сохранилось одно слово, служившее названием крепости, — Саркел, что значит «белый дом». Тюркские, финно-угорские и славянские языки не знают ничего похожего на это имя.

В VII—VIII вв. хазары подверглись натиску наступавших через Кавказ арабов. В этой войне им помогли тюрки — народ очень храбрый и воинственный. Именно они первыми в Центральной Азии освоили мощное оружие конника — саблю. И было для чего. Тюрки вели частые войны с Китаем, где правила династия Тан.

Династия Тан (618—907) управляла Китаем талантливо и успешно. Рис при танских правителях стоил дешевле, чем когда бы то ни было. Китайцы активно общались со своим «Западом»: тюрками, согдийцами, тибетцами и даже арабами. Представители династии Тан мечтали о создании обширной азиатской империи, которая включала бы

не только Срединную равнину (нынешний Китай), но и степи Монголии, леса Маньчжурии и оазисы Согдианы. Борьба Тан за имперскую власть над Азией началась победой над тюрками в середине VII в.

Представитель разбитой тюркской династии убежал к хазарам. Хазары приняли его и... сделали своим ханом. Хан-тюрк их очень устраивал. Он кочевал со своей ставкой в низовьях Волги, между нынешними Волгоградом и Астраханью, весной откочевывал на Терек, лето проводил между Тереком, Кубанью и Доном, а с приходом холодов возвращался на Волгу. Хазарам не приходилось содержать своего хана. Он не требовал с них налогов, кормясь собственным кочевым хозяйством. Хан и пришедшая с ним военная знать, удовлетворяясь дарами подданных, не вводили системы поборов и не занимались торговлей. Тюркские ханы и беки, возглавив хазар, ставших к тому времени совсем невоинственными, организовали их защиту от арабов. Те наступали из Азербайджана через Дербент на Терек и Волгу. Тюрки — народ воинов — защищали хазар от врагов и совместно с ними образовали в Прикаспии небольшое государство.

И вот это тюркско-хазарское государство испытало внедрение иного народа с иными традициями и культурой.

ПРИШЕЛЬЦЫ С ЮГА

Изучая историю различных народов, мы постоянно сталкиваемся с повторяющимися явлениями огромного значения — миграциями населения. Миграции сильно разнятся. Случается, что народ переселяется на чужую территорию и хорошо к ней приспособливается. Именно так распространялись славяне с верховьев Вислы до берегов Балтийского, Адриатического и Эгейского морей. Они сумели обосноваться везде: это был молодой, сильный и очень активный народ. Другие народы, переселившиеся в районы с непривычными для них климатом и природными условиями, исчезли. Они или вымерли, или смешались с местным населением. Так в южной Франции, в Испании, Северной Африке закончились исторические судьбы вандалов, свевов, гóтов.

Была и еще одна форма миграции: группа купцов или отряд завоевателей создавали свою колонию на чужой территории. Так англичане колонизировали Индию. Они зарабатывали там деньги, отнюдь не становясь индусами, а потом возвращались в Англию. И французы в своих африканских колониях не превращались в негров. Поработав и послужив в Африке, они возвращались в Париж.

Для хазар колонизаторами стали представители персидской и византийской ветвей еврейского народа.

В Иране евреи появились во II в., после поражения, нанесенного им римлянами в иудейских войнах. Персы охотно приняли евреев

как врагов Рима и расселили их по ряду городов. Так образовались еврейские колонии в городах Исфahanе и Ширазе, а также в Армении и Азербайджане.

Но в V в. в Персии произошли события драматические и для персов, и для пришлых народов. При шахе Каваде его визирь Маздак возглавил движение, которое по его имени называется маздакитским. Маздак был находчивый политик и во время очередного голода в стране выдвинул простую программу борьбы с кризисом. Суть ее состояла в следующем. В мире существует добро и зло. Добро — это Разум, а зло — неразумие, инстинкты. Представляется неразумным существование богатых и бедных, когда одни имеют гаремы, много хороших лошадей и дорогого оружия, проводят время в пирах и на охоте, а другие голодают. Поэтому будет справедливо казнить тех, у кого много имущества, а их добро и гаремы раздать бедным.

Маздак начал осуществлять эту программу, но бедных было много, и всем добра богатых не досталось. Досталось только сторонникам Маздака — маздакитам. Персы согласились бы отдать за собственную жизнь и земли, и оружие, и коней, но им было жаль своих жен. Они выражали недовольство — в ответ следовали казни. Сам шах был арестован маздакитами. Но он бежал к степнякам-эфталитам и вернулся с их войском. Его сын, энергичный Хосров, мобилизовал степняков-саков. Поднялись все, недовольные маздакитами, поднялись многочисленные дети казненных. В 529 г. Хосров взял власть в свои руки, повесил Маздака и расправился с его сторонниками. Их живьем закапывали в землю вертикально и при этом вниз головой.

Казалось бы, какое это имеет отношение к евреям? А самое прямое. Евреи принимали активное участие в этих событиях. Одни были сторонниками шаха Хосрова, другие — маздакитами. После победы Хосрова уцелевшие маздакиты, персы и евреи, бежали в Азербайджан. Спасшиеся евреи поселились к северу от Дербента, на широкой равнине между Терекком и Судаком. Тем временем в Византии освоились евреи, бывшие противниками маздакитов и бежавшие из Ирана в период торжества Маздака. Они были приняты греками, хотя и без всякого энтузиазма. Так создались две ветви евреев, о которых мы уже упомянули.

Евреи, оказавшиеся на Кавказе, начисто забыли и свою древнюю грамоту, и традиции иудаизма, и его обряды. Забыв все, они сохранили память лишь о запрете на работу в субботний день. Они пасли скот, возделывали землю и дружили с хазарами — своими северными соседями. Восстановил иудаизм среди своих соплеменников один из вождей по имени Булан (по-тюркски «лось»). В 730 г. он принял имя Сабриэль и пригласил иудеев — учителей религиозного закона.

Между тем Византия вела отчаянную борьбу с арабами. Евреи, нашедшие в Византии спасение, должны были бы помогать византий-

цам. Но помогали они довольно странно. Договариваясь тайно с арабами, евреи открывали по ночам ворота городов и впускали арабских воинов. Те вырезали мужчин, а женщин и детей продавали в рабство. Евреи же, дешево скупая невольников, перепродавали их с немалой выгодой для себя. Это не могло нравиться грекам. Но решив не приобретать себе новых врагов, они ограничились тем, что предложили евреям уехать. Так в землях хазар появилась и вторая группа евреев — византийская.

Страна к северу от Терека понравилась переселенцам. Луга, покрытые зеленой травой, были прекрасными пастбищами. В притоках Волги водились осетры и стерлядь. Здесь проходили торговые пути. Соседние племена были беззлобны и неагрессивны. Используя свою грамотность, евреи стали осваивать и развивать занятия, не свойственные местному населению: в их руках оказались дипломатия, торговля, образование.

В начале IX в. еврейское население Хазарии к своему экономическому и интеллектуальному могуществу добавило и политическое. Мудрый Обадия, про которого древние документы говорят, что «он боялся Бога и любил закон», совершил государственный переворот и захватил власть. Он выгнал из страны тюрок, составлявших военное сословие Хазарии. При этом Обадия опирался на отряды наемников — печенегов и гузов. Хазарские тюрки долго воевали с захватчиками, но были разбиты и частью погибли, частью отступили в Венгрию.

Казалось бы, должно было произойти смешение хазар с евреями. Но не тут-то было. Согласно старой еврейской мудрости, «никто не может обнаружить след птицы в воздухе, змеи на камне и мужчины в женщине», поэтому евреями считались все дети евреек, независимо от того, кто был их отец. У хазар же, как у всех евразийских народов, родство определялось по отцу. Эти разные традиции не давали смешаться двум народам (этносам), и отличие двух народов закреплялось тем, что дети евреек и дети хазарок обучались по-разному. Учитель-раввин не принимал в школу ребенка, если тот не был евреем, то есть если его мать была хазарка или печенежка. И отец учил такого ребенка сам, но, конечно, хуже, чем учили в хедере (школе). Так закреплялись два разных стереотипа (образа) поведения. Это различие и определило различные судьбы двух народов: евреев и хазар.

ВЛАСТЬ И ДЕНЬГИ

Евреи, в отличие от хазар, к IX в. активно включились в тогдашнюю систему международной торговли. Караваны, ходившие из Китая на Запад, принадлежали в основном евреям. А торговля с Китаем в VIII—IX вв. была самым выгодным занятием. Династия Тан, стре-

мясь пополнить пустеющую из-за содержания большой армии казну, разрешила вывозить из страны шелк. За шелком и шли еврейские караваны в Китай. Путь проходил через степи уйгуров и дальше через Семиречье, мимо озера Балхаш, к Аралу, к городу Ургенч. Очень трудным был переход через плато Устюрт. Затем караваны пересекали реку Яик и выходили к Волге. Здесь усталых путников ждал отдых, обильная пища и развлечения. Прекрасная волжская рыба и фрукты, молоко и вино, музыканты и красавицы услаждали караванщиков. И у заправлявших экономикой Поволжья еврейских торговцев скапливались сокровища, шелка, рабы. Потом караваны уходили дальше, попадая в Западную Европу: Баварию, Лангедок, Прованс, и, перевалив через Пиренеи, оканчивали долгий путь у мусульманских султанов Кордовы и Андалузии.

Снаряжавшие караваны купцы — не только еврейские, но и сгдийские — основывали в Китае свои колонии — сэтльменты. Один такой сэтльмент был на северо-западе Китая, в городе Чанъань, другой — на юго-востоке, в городе Кантон.

Вся тяжесть экономической политики императорского Китая ложилась на плечи крестьян, ибо шелк правительственные чиновники собирали именно с них. В результате возникло крестьянское восстание под руководством Хуан Чао (874—901). Он использовал и всеобщее недовольство, и то, что правительство империи ослабло от очередных военных неудач. Восстание было направлено против засилья иностранцев. Правительство Тан обвинялось в том, что оно разрешило и поддерживало торговлю с иноземцами. Восставшие взяли Кантон, где все пришлое население было вырезано. Затем они прошли всю страну до Чанъаня и даже заняли этот город со смешанным населением. Но горожане, защищая жен и детей, сумели выгнать повстанцев. Тем временем правительство Тан призвало на помощь два племени: тибетцев и тюрок-шато. Вождь шато, Одноглазый Дракон, с четырьмя тысячами своих всадников и таким же отрядом тибетцев изрубил двухсоттысячное войско повстанцев. Хуан Чао погиб, спаслись только успешные бежать: шато пленных не брали. Правительство победило, но хозяйство Китая было подорвано восстанием. Множество крестьян было убито. Вывозить стало нечего, ибо некому было вырабатывать шелк и ухаживать за туловыми деревьями. Китай был из мировой торговли.

Катастрофа, постигшая караванный путь из Китая в Испанию — «шелковую дорогу», конечно же, отразилась и на Хазарии. Но энергичные хазарские купцы во главе с правителем, титул которого был «бек», или «малик», нашли выход. Их отряды двинулись на север. Поднявшись по Волге, воины Хазарии разгромили и подчинили Камскую (Волжскую) Булгарию. Еще севернее простирались бескрайние земли,

которые в норвежских сагах назывались Биармия, а в русских летописях — Великая Пермь. Вот тут-то купцы-рахдониты (в переводе «знающие путь») и организовали свои торговые поселения — фактории.

Леса Биармии давали драгоценный мех соболей, куниц, горностаев. Мало того, рахдониты организовали торговлю детьми. И снова потянулись караваны с мехами для арабской знати, с рабами и рабынями для гаремов мусульманских владык. Султаны и эмиры Багдадского халифата больше ценили воинов-рабов («сакалиба»), чем наемные отряды из независимых кочевников.

Эта деятельность Хазарии компенсировала ей сокращение торгового оборота с Китаем. Но произошла очередная неприятность. В IX в. стал разваливаться Багдадский халифат. Его центр, Багдад, как паук, сосал соки из огромных подвластных ему областей, ничего не давая взамен. И вот откололась Испания, затем Марокко, Алжир, Тунис. Отделились Египет, Средняя Азия и Восточный Иран. Наконец, обособилась область Дейлем, о которой надо рассказать подробней.

Между южным побережьем Каспийского моря и Иранским нагорьем высится хребет Эльбурс — высокие, труднопроходимые горы. На узкой прибрежной полосе обитали три очень древних народа. Их земли звались Дейлем (на юго-западе), Табаристан (на юге), на востоке располагался Гурган — «волчья страна» (от персидского слова «гург» — волк). Жители этих мест были крайне воинственны. Но они не исповедовали ислам, и это мешало им покорить соседей-мусульман, которые отчаянно сопротивлялись «неверным». Тогда правитель Дейлема со своим народом принял ислам в форме шиизма¹. Это ни к чему не обязывало вождя дейлемитов, который не вникал в религиозные оттенки, но зато считал себя наследником древних персидских царей и даже присвоил себе титул шахиншаха — царя царей. После этого воины Дейлема захватили на севере часть Азербайджана до Дербента, а на юге — западную Персию. В 945 г. они покорили Багдад. Таким образом, удобный и легкий путь с Волги в Багдад по берегу Каспия был пересечен: дейлемиты не пропускали никого.

Еврейское правительство Хазарии, свергшее тюркскую военную знать, пользовалось услугами войск из Гургана. Мы уже говорили, что гурганцы были воинственны и очень храбры. Кроме того, они сражались в интересах купцов Хазарии за очень высокую плату. Отслужив, а точнее, провоевав положенный срок, оставшиеся в живых возвращались домой богатыми. Хазарские правители были истыми купцами: они покупали победы, и только победы. Если воины терпели поражение, что иногда случалось, их казнили. Бесстрашные гурганцы

¹ Шиизм — одно из двух основных направлений ислама. Шиты — приверженцы зятя пророка Мухаммеда — Али — и его прямых потомков — Алидов.

одержали для хазарских евреев победы над гузами на реке Яик, над булгарами на Каме, над бургасами на реке Сакмаре, над савирами (сабирами) на Донце. Но эти победоносные гурганцы отказались воевать против единоверцев — мусульман-дейлемитов. И тогда хазарские евреи, народ находчивый, пригласили для войны с мусульманами древних русов.

Русов наняли на тех же условиях, что и гурганцев: высокая плата и обязательные победы. Русы освоили корабельное дело и мореплавание еще на Балтике. Наемное войско русов шло по Волге, строило корабли на Каспии и затем совершало морские набеги на территорию Персии. В первом походе они совершенно разграбили остров Абескун. С дейлемитами русы столкнулись во время второго похода в 913 г. Дейлемиты отбили атаку, и русы, чтобы не возвращаться с пустыми руками, напали на мусульманский город Гянджу в южном Азербайджане. Тогда хазарский правитель разрешил своей гвардии — гурганцам — отомстить за единоверцев. Несколько дней сопротивлялось усталое войско русов, но было разбито мусульманами. Немногие спасшиеся бегством были истреблены на Волге кочевниками-бургасами. Так — гибелью — закончился для русской дружины поход 913 г.

Два последующих десятилетия истории Хазарии были наполнены мелкими конфликтами со славянами и уже возникшим Киевским княжеством. Опорой хазар на западе была построенная еще в 834 г. на берегу Волги крепость Саркел.

В 939 г. произошло событие чрезвычайной важности. Русский вождь — князь Игорь — захватил принадлежавший Хазарии город Самкерц (ныне Тамань), расположенный на берегу Керченского пролива. Хазарский правитель ответил на удар ударом: на русов двинулась мусульманская гвардия под командованием еврея, «достопочтенного Песаха». Песак освободил Самкерц, переправился через Керченский пролив и прошел маршем по южному берегу Крыма (940), истребляя христианское население. Спаслись лишь укрывшиеся в неприступном Херсонесе. Перейдя Перекоп, Песак дошел до Киева и обложил русское княжество данью. Тогда же русы выдали хазарам свои мечи, о чем и рассказывается в «Повести временных лет».

«Сказание о хазарской дани» подчеркивает разницу в вооружении русов, славян и азиатских народов. Тяжелый меч — привычное оружие скандинавских и славянских богатырей. Азиаты издавна предпочитали легкую саблю. С шестилетнего возраста они учились рубить «с оттяжкой на себя», и в руках взрослого сабля оказывалась страшнее меча.

Но вернемся к русам и хазарам. В 943 г. хазары вновь послали войско русов — уже своих данников — на Каспий, для войны с дейлемитами. Русы захватили в низовьях Куры крепость Бердаа. Страшнее

сабель и стрел дейлемитов оказалась вспыхнувшая в лагере русов дизентерия. Они пробились к своим ладьям и отплыли. Но, видимо, на Русь не вернулся никто, так как в русских летописях нет ни слова об этом походе.

Итак, благодаря обширной торговле рабами, мехами и шелком Хазарский каганат, население которого состояло из аборигенов и пришедших евреев, в IX—X вв. превратился в одну из самых богатых стран Евразии того времени.

СЛАВЯНО-РУСЫ И ВИЗАНТИЯ

Образовавшееся русско-славянское государство с центром в Киеве быстро усилилось и сразу же начало расширяться к берегам Черного моря. В этом движении славяно-русы столкнулись с таким грозным противником, каким была в конце IX — начале X в. Византия.

Говоря об отношениях Киева и Византии в X в., необходимо сразу отметить следующие обстоятельства.

Во-первых, в X в. весьма изменились ландшафтно-климатические условия жизни народов Евразии и, в частности, обитателей Северного Причерноморья. Наступила очередная вековая засуха, вследствие которой часть печенегов откочевала из Средней Азии в низовья Днепра. Печенег в поисках союзников вступили в контакт с Византией и стали для нее надежными друзьями, а враги печенегов и Византии — мадьяры — выступили союзниками славян и русов и как могли поддерживали их.

Во-вторых, события войн славяно-русов с Византией переданы в византийских хрониках и русских летописях с очень сильными искажениями. Вместо правдивого изложения событий мы имеем легенды, которые сочинялись летописцами в угоду «начальству», в зависимости от политической ситуации.

Особенно характерна «историческая мифология» для русского летописания — знаменитой «Повести временных лет» Нестора. Инок Нестор жил и трудился в Киево-Печерской лавре — культурном центре Киева, где в XI—XII вв. были сильны антигреческие настроения. Отражением этих настроений служит, например, факт переноса Нестором даты похода русов под руководством Аскольда на Царьград на 47 лет (с 860 г. на 907 г.) и вообще приписание похода Олегу. Так подвиги древнего руса в войне с Византией оказались совершенными варяжским конунгом. Более того, если внимательно прочесть повествование Нестора, можно заметить, что с 882 по 885 г. Олег одерживает победы над всеми славянскими племенами, в том числе и над платившими дань хазарам. Однако ни о реакции хазар на победы Олега, ни о самих хазарах Нестор не пишет ни слова, причем

летописная пауза в рассказе о хазарских делах занимает ни много ни мало 80 лет. Очевидно, летописец вполне сознательно умалчивает о каких-то событиях, но о каких именно — мы можем только догадываться.

Попробуем для начала исходить из твердо установленных фактов. А знаем мы следующее. Византия вынуждена была бороться с коалицией мадьяр и славяно-русов. Первыми, кто воспользовался скванностью сил греков, были арабские пираты. Больше всего острота ситуации сказалась на владениях Византии в Восточном Средиземноморье. Арабо-берберские пираты из Испании захватили остров Крит и вырезали там все христианское население. Сирийские и египетские арабы захватили острова Эгейского моря: Лемнос, Родос, Наксос и другие. Наконец, в 904 г. великий арабский корсар Лев Триполитанский сумел напасть на Фесалоники и разграбил окрестности второго по величине города империи. Этот пират покушался даже на Константинополь, но, не имея достаточных сил, обратился за помощью к не меньшим разбойникам — русам-дромитам.

Прозвище «дромиты» (от *греч.* «дромос» — бег) свидетельствовало о стремительности набегов этой днепровской вольницы. Первый набег русов на Константинополь состоялся еще в 860 г. Тогда греки встретили врага иконой Богородицы Одигитрии; стены города оказались неприступными. Русы отошли от столицы и предпочли заключить выгодный для них мир. Так было положено начало войнам славяно-русов с Византией, длившимся до конца X в.

И вот по зову Льва Триполитанского с низовьев Днепра, Днестра и Южного Буга вновь потянулись ладьи дромитов. Их флот собрался у берегов Босфора, где русов встретила греческая эскадра наварха Иоанна Радина. Большая часть русских кораблей была сожжена «греческим огнем». (Мы и сейчас не знаем химического состава этого страшного оружия византийцев. Можно только догадываться, что его основу составляла нефть.) Спасся лишь один отряд, уведенный его вождем Хельги и скрывшийся в устье Днепра. После такого успеха греки легко отразили атаку арабов Льва Триполитанского.

Попробуем представить, что можно было сделать на месте русов-дромитов. Поход на Константинополь окончился жутким разгромом, большая часть соратников погибла в пламени «греческого огня». Высадившиеся на берег попали в плен и были превращены в невольников, ни о какой добыче не было и речи. Острая вражда между русами и Византией усугубилась. Было очевидно, что воевать с мощным противником без поддержки нельзя, и русы стали искать союзников. Ими оказались хазары.

Иудейское правительство Хазарии было враждебно христианской Византии. Хазары, как мы уже знаем, использовали русские войска

в каспийских походах и, конечно, в войнах против греков. Большой поход против ромеев был совершен в 941 г. И снова византийский флот сжег «греческим огнем» ладьи славян и русов. Но хазарское правительство устраивал и такой исход: ведь силы Византии на Черном море были скованы этой борьбой. А поскольку в Малой Азии грекам приходилось бороться с мусульманами, то Хазарский каганат оказался гегемоном в Восточной Европе. Хазария смогла обложить данью славян, мордву, мерю и камских булгар. Эти последние рассчитывали на помощь мусульман, и часть булгар приняла ислам (922). Но распадавшийся халифат — оплот магометан — не мог помочь даже себе, а тем более далеким единоверцам.

ТРИУМФ СВЯТОСЛАВА

Неудачно сопротивлялся Хазарии в начале X в. и Киев. Мы помним, что попытка русов захватить Самкерц и утвердиться на берегах Азовского моря вызвала ответный поход полководца Песаха и поставила Киев в положение данника итильских купцов-рахдонитов. При сборе дани для хазар в Древлянской земле был убит Игорь, князь киевский и муж Ольги (944). Сопротивление хазарам, а не война с Византией становилось главной проблемой для Киева. И потому княгиня киевская Ольга, правившая при малолетнем сыне Святославе, постаралась приобрести в лице греков сильного союзника: она отправилась в Константинополь, где приняла крещение, избрав своим крестным отцом императора Константина Багрянородного.

Здесь мы вновь сталкиваемся с явной хронологической путаницей Нестора и других летописцев. Согласно Новгородской I летописи, Ольга родилась в 893 г., в Константинополе побывала в 955-м. Ей должно было быть в то время уже 62 года, а Нестор уверяет нас, что Константин был столь очарован Ольгой, что хотел на ней жениться. По нашему мнению, поездка Ольги в Византию и крещение ее состоялись примерно на 10 лет раньше — в 946 г.

Возвращаясь на твердую почву установленных фактов, мы убеждаемся в реальности похода Святослава против хазар. Молодой князь, оказавшийся энергичным полководцем, начал его летом 964 г. Святослав не решился идти от Киева к Волге напрямую через степи. Это было очень опасно, ибо племя северян, обитавшее на этом пути между Черниговом и Курском, было сторонником хазар. Русы поднялись по Днепру до его верховьев и перетащили ладьи в Оку. По Оке и Волге Святослав и дошел до столицы Хазарии — Итиля.

Союзниками Святослава в походе 964—965 гг. выступили печенеги и гузы. Печенеги, сторонники Византии и естественные враги хазар,

пришли на помощь Святославу с запада. Их путь, скорее всего, пролегал у нынешней станицы Калачинской, где Дон близко подходит к Волге. Гузы пришли от реки Яик, пересекши покрытые барханами просторы Прикаспия. Союзники благополучно встретились у Итиля.

Столица Хазарии располагалась на огромном острове (19 км в ширину), который образовывали две волжские протоки: собственно Волга (с запада) и Ахтуба (с востока). Ахтуба в те времена была такой же полноводной рекой, как и сама Волга. В городе стояли каменная синагога и дворец царя, богатые деревянные дома рахдонитов. Была и каменная мечеть, ведь с мусульманами там обращались вежливо.

Воины Святослава отрезали все пути из Итиля. Но его жители наверняка знали о приближении русских, и большая часть хазар-аборигенов убежала в дельту Волги. Волжская дельта была естественной крепостью: в лабиринте протоков мог разобраться только местный житель. Летом невероятные тучи комаров, появлявшихся с закатом солнца, победили бы любое войско. Зимой же Волгу сковывал лед, и дельта становилась недоступной ладьям. Острова дельты были покрыты бэровскими буграми — огромными холмами высотой с четырехэтажный дом. Эти бугры и дали убежище настоящим хазарам.

В ином положении оказалось еврейское население. Изучать волжские протоки еврейским купцам и их родственникам смысла не было: они для того и создавали свою монополию внешней торговли и ростовщичества, чтобы жить в комфорте искусственного ландшафта — города. Евреи были чужды коренному населению — хазарам, которых они эксплуатировали. Естественно, что хазары своих правителей, мягко говоря, недолюбливали и спасать их не собирались.

В осажденном городе евреям бежать было некуда, потому они вышли сражаться со Святославом и были разбиты наголову. Уцелевшие бежали «черными» землями к Тереку и спрятались в Дагестане. («Черными» земли к северу от Терека назывались потому, что из-за малоснежной зимы в этом районе сильные ветры легко поднимали со снегом пыль, и возникали «черные» вьюги.)

Святослав пришел и на Терек. Там стоял второй большой город хазарских евреев — Семендер. В городе и окрестностях было четыре тысячи виноградников. (Ныне это пространство между станицами Червленной и Гребенской; оно описано Л. Н. Толстым в повести «Казачи».) Семендер имел четырехугольную цитадель, но она не спасла город. Святослав разгромил Семендер и, забрав у населения лошадей, волов, телеги, двинулся через Дон на Русь. Уже по дороге домой он взял еще одну хазарскую крепость — Саркел, находившуюся около нынешней

станции Цимлянской. Саркел был построен византийцами в период их короткой дружбы с Хазарией, и создал его грек — архитектор Петра. В Саркеле Святослав встретил гарнизон, состоявший из наемных кочевников. Князь одержал победу, разрушил крепость, а город переименовал в Белую Вежу. Там в дальнейшем поселились выходцы из Черниговской земли. Взятием Саркела завершился победоносный поход Святослава на Хазарию.

В результате похода 964—965 гг. Святослав исключил из сферы влияния еврейской общины Волгу, среднее течение Терека и часть Среднего Дона. Но не все военно-политические задачи были решены. На Кубани, в северном Крыму, в Тьмутаракани еврейское население под именем хазар по-прежнему удерживало свои главенствующие позиции и сохраняло финансовое влияние. Однако основным достижением похода, бесспорно, явилось то, что Киевская Русь вернула себе независимость.

3. Крещение Руси

СВЯТОСЛАВ И КАЛОКИР

Результаты похода 964—965 гг. не могли не поднять авторитет Руси в глазах византийского союзника, который старался всеми силами привлечь Святослава к решению внешнеполитических проблем империи. Византийскому правительству требовался человек для переговоров со Святославом. Выбор пал на византийского дипломата, сына стратига херсонесской фемы (области), Калокира. Калокир был человек столь же энергичный, сколь и честолюбивый. Язык славян и их нравы он знал хорошо, ибо встречался с ними в Херсонесе, а будучи византийским офицером, плечом к плечу со славяно-русами сражался в Сирии против мусульман.

В Киеве Калокир заключил выгодный для Византии договор, по которому русы обязались принудить к покорности Болгарское царство. Но честолюбивый посол втайне мечтал об императорской короне. Он решил опереться на войско русов и, свергнув старого императора Никифора II Фоку, захватить власть в Константинополе.

Выполняя договор, русы высадились в устье Дуная, разбили болгарского царя Петра и овладели Болгарией. Петр вскоре умер, а пленные царевицы были отправлены в Византию, где их заточили, предварительно одного оскопив (изуродованный таким образом человек лишался права на престол). Планы Калокира стали сбываться: князь славяно-русов Святослав стал ему другом; в коротком переходе от

Константинополя стояли русские дружины; подошли к нему и союзники — печенеги.

И в самом Константинополе сложилась ситуация, благоприятная для Калокира. Престарелый Никифор II Фока — прекрасный полководец и администратор — был крайне непопулярен в собственной столице. Фока поддержал монахов с горы Афон, выступив за бедное духовенство против богатых монастырей и епископов. Император сильно урезал доходы церкви.

Так он приобрел средства на военные расходы и... вражду церковных иерархов. Кроме того, базилевс (титул императора Византии) увеличил налоги на ремесленников и рыбаков, а с налогами выросли цены. Городское население роптало. Фоку поддерживали только пограничные воины — акриты, но они оказались слишком далеко от столицы в решительный момент. В довершение своих бед Фока был стар и некрасив. Его жена, императрица Феофано, отдала свое сердце красавцу Иоанну Цимисхию. Созрел заговор. Заговорщики с помощью императрицы проникли во дворец и безжалостно убили старого императора (969). Однако, став императором, Цимисхий сослал Феофано и непосредственных убийц, сделав исключение для себя, на острова Эгейского моря.

К несчастью Калокира, замысел которого открылся еще при Фоке, Цимисхий оказался способным и деятельным полководцем. Новый базилевс бросил на Святослава и Калокира созданные его предшественником отличные войска. Кроме того, еще Фока успел распорядиться, чтобы союзники Византии — левобережные печенеги — напали на Киев. Поэтому Святославу пришлось оставить Болгарию и устремиться на Русь спасать собственную столицу, свою старую мать и детей. Но когда он подоспел к Киеву, война уже завершилась, не начавшись. Пришедшие с севера войска воеводы Претича остановили печенегов. Их хан обменялся с Претичем оружием и, заключив мир, ушел в приднепровские степи.

Святослав, бросивший все в Болгарии, обнаружил, что в Киеве он совсем не ко двору. Там крепла христианская община, и ее не устраивал князь-язычник. Сам Святослав не жаловал христиан, да и вообще ему было «не любо сидеть в Киеве». Надо сказать, что появившаяся у Святослава идея устроить новую столицу на окраине своей земли была не так уж нелепа. То же самое сделал Петр Великий, создавший Петербург, в котором сосредоточилась шумная жизнь нового общества. И точно так же, как шведы не хотели иметь рядом с собой столицу Петра, греки не желали близкого соседства с воинственным Святославом.

Ольга просила сына не покидать ее. Но старая княгиня скоро умерла, и Святослав поспешил вернуться в Болгарию, где ситуация также изменилась не в его пользу.

Византийцы вышли на равнину Северной Болгарии и захватили город Преславу (Преслав). Болгары быстро перешли на сторону греков: русы уже разочаровали их насилиями и жестокостью. Успевший покинуть Преславу отряд русов вместе с Калокиром ушел на Дунай, в город Переяславец. Дальнейшая судьба Калокира нам неизвестна. Печенеги тоже оставили Святослава. Покинутый союзниками, он с небольшой дружиной противостоял теперь и византийским войскам, и восставшей Болгарии.

СВЯТОСЛАВ И ЦИМИСХИЙ

Весной 971 г. Цимисхий, прервав притворные переговоры со Святославом, подошел к Переяславцу с лучшими войсками империи. Одновременно в Дунай вошла греческая эскадра из 300 кораблей. Переяславец пал после трехдневного штурма, и наступил последний акт трагедии. Русы не могли воевать «в чистом поле» из-за отсутствия конницы и заперлись в городе Доростол. Греки обложили эту небольшую крепость со всех сторон. Русы приняли бой, они сражались героически: в пешем строю атаковали византийцев, и только удар латной конницы спас Цимисхия от поражения. Всю ночь после этой битвы, когда в русской дружине не осталось ни одного раненого воина, в крепости горели костры. Русы на берегу Дуная приносили в жертву младенцев и петухов, моля своих богов о победе.

Большие потери с обеих сторон и голод в русском стане подтолкнули противников к переговорам. Посреди Дуная встретились роскошная ладья императора ромеев и простой челнок, в котором одним из гребцов был князь Святослав. Русский вождь в белой рубахе до колен ничем по виду не отличался от простого воина. Бритая голова, длинный чуб, опущенные вниз усы и серьга в ухе делали его облик совсем восточным.

Грекам не нужна была жизнь Святослава и его дружины. Они согласились дать русам уйти. Святослав за это обещал отступить от Болгарии. Пропущенные греческой эскадрой русские ладьи спустились по Дунаю в Черное море и добрались до острова Березань (в древности — остров Буян) в Днестровском лимане.

Дальнейшие события кажутся довольно странными. Святослав не пошел к столице, а расположил обессиленное ранами, лишениями и переходом войско на Березани. Скоро обнаружился недостаток продовольствия. Казалось бы, нужно было двигаться по речным долинам к Киеву. Так и поступил один из воевод князя — Свенельд. Он покинул Святослава, с частью воинов поднялся по Южному Бугу и вышел к Киеву. Что же заставило Святослава остаться на острове Березань и провести там мучительную, голодную зиму 971/972 гг.? Вряд ли это

была боязнь столкновения с печенегами. Ведь прошел же Свенельд, а главное — печенеги были единственными, кто продавал русам провизию, следовательно, какие-то отношения с кочевниками у Святослава были.

Скорее, дело было в том, что на Березани в войске Святослава произошёл раскол. Русы-язычники обвинили в поражении русов-христиан, входивших в дружину. Неудачу похода язычники объяснили гневом своих богов — Перуна и Волоса, и остров увидел страшные сцены. Были замучены и убиты все дружинники-христиане, среди погибших оказался и родственник Святослава Улеб. В Киеве не могли не знать о кровавых событиях на Березани. Киевские христиане, составлявшие большую и влиятельную общину, поняли, что их ждет, когда Святослав с ожесточенной дружиной войдет в собственную столицу.

Как же развивались события дальше? Все летописи сообщают, что весной 972 г. русы с Березани двинулись к Киеву. Почему-то для возвращения они избрали не узкий и тихий Южный Буг, а порожистый Днепр, где у злополучных днепровских порогов русов ожидали левобережные печенеги. В короткой битве дружина Святослава была полностью истреблена, и печенежский хан Куря обзавелся чашей, сделанной из черепа князя.

Возникает вопрос: кто предупредил кочевников о том, что Святослав с измученным голодом и болезнями войском идет по Днепру? Это мог сделать тот, у кого было достаточно времени, кто поддерживал связь с Березанью, знал условия жизни на острове, а главное, очень не хотел, чтобы эта дружина пришла в Киев.

Историки прошлого века считали, что печенегов на Святослава направили византийцы, но для этого им нужно было проплыть все Черное море, уведомить синклит (совет) императора, с решением синклита вновь через Черное море добраться до левобережья Днепра, найти в необъятной степи печенегов и, вручив полагающиеся по такому случаю дары, уговорить степняков. Мы можем допустить, что у Цимисхия чудом хватило времени получить информацию о дружине Святослава, а затем снестись с печенегами. Но если базилевс хотел истребить русов, он мог сделать это проще — сжечь «греческим огнем» беззащитные ладьи русов еще на Дунае.

Кто действительно был заинтересован в гибели князя и его войска, так это киевские христиане, во главе которых стоял старший сын Святослава Ярополк. Он-то знал, что происходит на Березани, и он мог сговориться с печенегами. Вспомним: еще в 969 г. воевода Претич братался с печенежским ханом. Следовательно, можно считать, что вина за смерть Святослава и гибель его дружины лежит не на христианах Константинополя, а на христианах Киева.

ПРОЩАНИЕ С РУСАМИ

Итак, с гибелью князя-язычника Киевская Русь стала превращаться в тихую и спокойную державу, где христианское учение приобретало все больше сторонников.

Подумаем: пошло это во вред или на пользу Руси? Если бы Святослав восторжествовал, он превратил бы Киев в базу разбойничьих набегов, в нечто подобное тому, чем был балтийский остров Руга (современный Рюген). Там гнездились славянские пираты, молившиеся богу Святовиту и наводившие ужас на немецких и датских купцов. Пираты воевали со всеми вокруг и в конце концов были уничтожены. Такая же судьба ждала державу Святослава, который враждовал бы с племенами, обкладываемыми данью, и с христианами, обычно казнимыми им. В итоге у киевского князя не осталось бы друзей.

Со смертью Святослава военно-языческая партия в Киеве ослабла. Сила и влияние стали переходить к христианам, и это вызвало эмиграцию части русов из Киевской державы. Покинуть Восточную Европу для них не составляло особого труда, так как еще в IX в. подвижные и агрессивные русы действовали за ее пределами. Так, в 844 г. русы — «да проклянет их Аллах», как писал арабский автор, — высадились в Андалузии и попытались пробиться к Севилье. Мусульманские войска отразили удар и сбросили врагов в море. Ясно, что русы великолепно знали дорогу на Запад. Туда они и направились, как только их вынудила к этому ситуация; путь их лежал в «Рум и Андалус». «Руму», то есть Византии, были очень нужны воины для борьбы с мусульманами. Русов-наемников ждали сражения с войсками халифата на восточных границах Византийской империи.

Направившиеся в «Андалус» — Испанию — были хорошо знакомы с саблями и стрелами берберов и предпочли напасть на христианскую Галисию (область в Испании). Их первыми «подвигами» стали разорение побережья, сожжение монастырей и убийства священников. Три года они свирепствовали в этой земле. Край пришел в запустение. Наконец герцогу Гонсало Санчесу удалось собрать войска и разбить захватчиков. Русы погрузились на корабли, уплыли, и... больше о них не известно ничего.

Поскольку мы знаем географию лучше, чем люди в X в., то можем предположить, куда направились русы. Поход на юг маловероятен, ибо мусульманские владыки умели отражать набеги, и русы знали об этом очень хорошо. На север путь лежал через Бискайский залив, один из самых бурных районов Атлантики, где опасно ходить даже в наши дни. Наиболее вероятной поэтому остается дорога на запад,

видимо, та самая, по которой викинги достигали Америки. Но нам не известны следы русов на этом континенте. Скорее всего, остатки этого буйного племени покоятся на дне Атлантического океана. С гибелью этого отряда русов была окончательно перевернута страница истории, повествовавшая о взаимоотношениях древних славян с русами.

Напомним, что в IX—X вв. эти два народа иногда враждовали друг с другом, а иногда вступали в тесный контакт. Контакт между славянами и русами более всего был характерен для Киева, где господствовали «русы-славянофилы». Там-то и сложилась славяно-русская этническая общность. Сближение русов и славян было настолько тесным, что русы передали славянам и свое имя, и своих князей. Земля полян стала называться Русью. Но древний конфликт славян и русов сменился другим, не менее кровавым и тяжелым.

БРАТ НА БРАТА

Возглавивший после смерти княгини Ольги Киев и киевскую христианскую общину Ярополк Святославич был связан договорами с Константинополем и печенегами. На севере, в Новгороде, христианству противостоял балто-скандинавский культ Перуна (политовски Перкунаса), бога обновленной языческой религии. И хотя Киев оставался языческим городом, культ Перуна, принесенный с берегов Балтийского моря, киевлянам вовсе не был симпатичен. Академик Б. А. Рыбаков справедливо считал, что Перун не является исконно славянским божеством. Славяне верили в Хорса — Солнце (персидский Хуршид), почитали женское божество Мокошь, небесного Дажьбога, скотьего бога Волоса. Как всякие уважающие себя боги, славянские тоже требовали почитания, но не человеческих жертв. Совсем другим был культ Перуна, бога войны и громовержца, с приходом которого земля обогрилась кровью жертв. Ненависть киевлян к культу и поклонникам Перуна обострилась. Случаи человеческих жертв только подталкивали многих к крещению — ведь никому не хотелось быть принесенным в жертву, а это угрожало каждому. Жрецы, выбрав жертву, убивали ее, оставшиеся же в живых должны были ликовать.

В столь острой ситуации столкновение полярных мировоззрений (а вернее, мироощущений) было неизбежным. Началась долгая и упорная борьба Ярополка со сторонниками Перуна, которых возглавлял сводный брат Ярополка Владимир, сын наложницы Святослава — ключницы Малуши.

Летописец описывает все последующие события как деяния князей. Но мы знаем, что в действительности князья были очень моло-

ды. Владимиру и третьему сыну Святослава — Олегу было около 15 лет, Ярополк был чуть старше. Эти юноши вряд ли могли проводить самостоятельную политику. За ними стояли опытные и влиятельные мужи, опиравшиеся на население определенных земель. Именно поэтому последующая политическая борьба столь интересна и существенна для нашей темы.

Итак, победа печенегов над Святославом, принесшая Ярополку власть, на какой-то период объединила Древнюю Русь. Почти все славяно-русские земли по Днепру и Новгород на севере подчинились Ярополку. Короткий набег на Овруч избавил его от младшего брата Олега — князя древлян (977) — и подчинил его земли Киеву. Владимир же со своим дядей Добрыней был послан в Новгород еще Святославом. После гибели Олега, боясь старшего брата, Владимир Святославич бежал в Швецию. Казалось, было достигнуто желанное единство страны. Но оно оказалось хрупким, ибо славяно-русские пассионарии того времени были полны стремления бороться за близкие им мировоззрения и желанные цели.

Владимир вернулся в Новгород как приверженец «злых» балтийских богов. Возглавив войско из варягов и новгородцев, он сначала напал на Полоцк, убил его князя Рогволода и присоединил Полоцкую землю к Новгороду. Затем последовал захват Смоленска. И вот в 980 г. великим путем «из варяг в греки» Владимир подошел к Киеву.

В окружении Ярополка оказались изменники. Очевидно, он не всех устраивал. Воевода Блуд ложными советами поставил князя в очень трудное положение: Владимир блокировал его в крепости Родне. Среди осажденных начался голод. Тот же Блуд посоветовал Ярополку выйти из крепости и договориться с братом о мире. Встрече порешили быть в шатре между крепостным рвом и палатками осаждавших. Когда Ярополк вошел в шатер, два прятавшихся там варяга пронзили его мечами. Так языческая партия одержала полную победу.

Однако Владимир, человек неглупый, хотя жестокий и беспринципный, увидел, что культ Перуна непопулярен на юге. Пассионарная (наиболее энергичная) часть киевлян уже крестилась. Владимир, естественно, следил за общественными настроениями в столице, так как не мог с ними не считаться, особенно после того, как расстался со своей варяжской дружиной, не желая платить варягам заработанные ими в походе деньги. Не без помощи киевлян варягов собрали на берегу Днепра, якобы для того, чтобы выплатить жалованье. Потом посадили в лодки без весел, оттолкнули от берега и сказали: «Плывите по реке вниз, в Царьград, там заработаете много денег, а к нам не возвращайтесь». Но одновременно Владимир послал гонцов в Константинополь. Они предупредили греков, чтобы те не доверяли ва-

рягам, ибо их бог Перун не только «злой», но и лживый. Владимир посоветовал грекам принять варягов, но разделить их и разослать по несколько человек в разные гарнизоны, чтобы в окружении местных воинов варяги были безопасны.

ПОСЛЕДСТВИЯ ЛЖИ

Во внешнеполитической деятельности Владимира в 80-х годах X в. сочетались успехи и неудачи.

На северо-востоке с Русью соседствовало сильное Булгарское царство, принявшее одну из мировых религий — ислам. Волжская Булгария непосредственно граничила с двумя городами-княжествами: Муромом и Суздалем. В непрекращающихся пограничных конфликтах брали верх то болгары, захватывая Муром, то славяне, занимая болгарские становища. В результате постоянной борьбы на границах население Волжской Булгарии (являющееся одним из предков современных казанских татар) было смешанным. Нападавшие на русские селения болгары убивали мужчин и захватывали в плен женщин и детей. Детей мусульмане продавали в рабство, а женщин делали своими наложницами. От смешанных браков рождались Мурады и Фатьмы. Но потом на болгарские селения нападали суздальцы и муромцы. Захваченных детей они делали своими работниками, а пленных болгарок брали в жены. На свет появлялись Всеславы да Любавы. Таким образом, различие между двумя этносами было не антропологическим, не расовым и даже не экономическим, ибо хозяйственные системы в Волжской Булгарии и Северо-Восточной Руси были очень похожи. Эти отличия были религиозными. Но религиозный мусульманский фанатизм в Волжской Булгарии еще не восторжествовал, и вера служила лишь индикатором отличий волжских болгар от славян.

Попытка Киева присоединить Великий Булгар, стоявший на берегу Волги (недалеко от нынешней Казани), была безуспешной. Отмечая неудачный поход Владимира и Добрыни (985), летописец скупно заметил, что с тех, кто носит сапоги, дани не получить, а надобно искать лапотников. Итак, на этом направлении деятельность Владимира успеха не имела.

Зато ему удалась другая операция. Лишь в сочинении Иоанна Мниха есть упоминание о захвате Тьмутаракани, где еще находились остатки иудео-хазар. Но и в этом сочинении только одна фраза говорит о походе, во время которого русские войска совершенно свободно прошли из Киева через Северный Кавказ вдоль Терека до Каспийского моря (986). Тьмутаракань стала одним из русских городов и досталась в удел сыну Владимира Мстиславу.

Мстислав был посажен на княжеский стол Тьмутаракани шести лет от роду. Таким образом, здесь, как и в случае с Ярополком, Владимиром и Олегом, княжеское имя использовалось летописцами не как имя реального вершителя судеб, а лишь как вывеска, символ, обозначающий существование группировки политических сил.

Любопытно, что то же самое в отношении франкских королей отмечает французский историк Огюстен Тьерри в своих очерках о раннем Средневековье. Когда западная часть распадавшейся империи Карла Великого (то есть нынешняя Франция) вышла сражаться за Карла Лысого, французы понятия не имели о том, кто это такой. Но они сражались, и очень храбро, за те принципы, которые формулировались под общим лозунгом служения Карлу Лысому. Точно так же немцы, сражавшиеся за собственные интересы, считали, что бьются за Людовика Немецкого.

Но вернемся к Владимиру, а именно к его корсунской операции, имевшей серьезные последствия.

В конце X в. Болгария, наполовину захваченная Византией, испытывала могучий интеллектуальный подъем. Причем, не меняя официально православного вероисповедания, принятого в 865 г., болгары сильно отошли от Византии по мировоззрению. Нашелся поп Богумил, который изложил Священную историю следующим образом: одновременно с Богом существовал падший ангел Сатанаил. Он пребывал у Мирового океана и горько плакал. Творец пожалел его и создал по желанию Сатанаила сушу. А Сатанаил сделал людей, но не смог их одухотворить. Он снова обратился к Богу и, обещая полное послушание, попросил оживить его творения. Тогда Бог вдохнул в людей душу. Но Сатанаил обманул Бога, ибо создал Каина, устроил первое убийство и начал всячески пакостить Всевышнему. Причем свирепствовал он, используя людей, одухотворенных Богом, но сбитых с пути им, Сатанаилом. Бог послал против Сатанаила ангелов, которые скрутили того и отняли у его имени суффикс «ил», в котором была заключена мистическая сила. Лишенного силы, уже Сатану, а не Сатанаила, ангелы загнали под землю.

Все духовное Богумил считал божественным и добрым, а все материальное — сатанинским и злым. Служить Богу нужно было, отрицая все злое, то есть материальное. А означало это на деле — отрицать города, храмы, живопись (иконы), отрицать весь христианский обряд. Ведь в христианстве считается, что мир создан Богом и потому — благ.

Богумилы были не уникальны в своем мироощущении, назвать которое религиозным неверно. Таких учений в IX—XII вв. появилось много; они были крайне разнообразны и распространены от Тибета на востоке до Аквитании на западе. При всем их разнообразии объе-

диняло эти учения то, что они считали злом материальный мир и поэтому относились к нему враждебно. Раз нет реальной жизни, то нет лжи и правды, и не надо никого жалеть — ведь страдания призрачны. Люди, войдя в мир фантастических представлений и заклинаний, были искренне убеждены, что становились хозяевами этого призрачного мира. Мы назовем эти враждебные материальному миру системы мировоззрения негативными. К негативному мировоззрению толкали людей и ужасные условия действительности, и просто обывательская затхлость жизни, тягостная для энергичного (пассионарного) человека. Но, независимо от истоков учения и от способов осуждения реального мира, негативные системы мировоззрения логически оправдывали убийства и злодеяния.

Учение богумилов, названное так по имени основателя, было типичной негативной системой, так же как и учения французских альбигойцев, македонских манихеев, павликиан Византии, карматов и исмаилитов мусульманского мира. Как видим, негативные системы захлестнули и католическую Европу, и мусульманский мир, и Византию. При этом только греки сумели справиться со сторонниками метафизического зла. После разгрома твердыни павликиан — крепости Тефрика — византийцы в IX в. стали контролировать и манихеев Македонии. Но в X в. болгарские богумилы сделали из своего учения довольно неожиданный практический вывод: «Бей византийцев!» Для достижения поставленной цели они использовали все средства. Так, под видом православных священников богумилы шли на Русь, тяготевшую к христианству. Видимо, не без их влияния и предпринял Владимир совершенно нелепый поход на Корсунь.

Корсунь (по-гречески Херсонес), находившийся недалеко от современного Севастополя, имел прекрасные укрепления, спасшие немало христиан еще во время похода Песаха. Взять этот город Владимиру помогло предательство корсунского попа Анастата (по другим источникам — варяга Жидьберна). Изменник послал в стан русов записку на стреле. В послании сообщалось, где проходят трубы, по которым в осажденный город поступает питьевая вода. Владимир разрушил водопровод, и жажда заставила корсунцев сдаться. Но удержаться в Крыму Владимиру не удалось. Он принял в жены греческую принцессу, вернул Корсунь византийцам и отступил.

НОВЫЙ ПУТЬ

Итак, Владимир запятнал себя убийством Рогволода и его сыновей, которые были ни в чем не виноваты и даже не воевали с ним. Он изнасиловал дочь Рогволода Рогнеду. Та даже хотела убить Владимира, мстя за смерть отца и братьев. Владимир вероломно умертвил

собственного брата. Предал он и своих боевых товарищей — варягов. У этого князя, и тому свидетельство летопись, грехов было достаточно. На его репутацию воителя тяжким грузом легла корсунская авантюра. Так что же, светлая память о нем, сохраненная потомками до наших дней, может быть названа незаслуженной?

Нет! Историческая память связывает образ Владимира не с его личными качествами и политическими успехами, а с деянием более существенным — выбором веры, одухотворившей жизнь народа. В самом деле, распространив свою власть практически на все славяно-русские земли, Владимир неизбежно должен был придерживаться какой-то, как сказали бы сегодня, «общенациональной» политической программы, которая, по условиям того времени, выражалась в религиозной форме.

К религиям (теистическим системам мировоззрения), оказывавшим существенное влияние на ситуацию в Восточной Европе в X в., следует отнести: православие, католичество и ислам. Русские «искатели веры» должны были представлять и вполне представляли себе различия этих основных религий. Последнее неудивительно: киевские купцы и воины постоянно бывали в Константинополе, сражались на Крите и в Малой Азии, торговали с египтянами и сирийцами, ездили в Волжскую Булгарию и Хорезм. Принятие определенной веры автоматически приводило и к ориентации на вполне определенные группировки внутри страны. Поэтому предстоявший князю Владимиру «выбор веры» легким не назовешь. А ведь у этой проблемы был и международный аспект, обусловленный постоянными суперэтническими контактами.

Во время, предшествовавшее крещению Руси, нарастали грозные признаки грядущего раскола в дотолем едином христианском мире. И здесь в основе идеологических споров также лежали природные, объективные процессы этногенеза. Находившаяся в фазе пассионарного подъема западноевропейская суперэтническая целостность ощущала свое отличие от других суперэтносов очень остро и облакала его в ризы церковного превосходства, именуя «Христианским миром» только себя. Борьба между православием и католичеством начинала переходить из сферы теологических разногласий в область политики.

Германский император Оттон II на имперском сейме 983 г. в Вероне добился решения о войне против «греков и сарацин». Такое уравнение православных христиан с мусульманами уже не позволяло говорить о единстве церкви Христа, делало вполне реальной угрозой католического натиска на Восток, в том числе и на Русь. На Руси это понимали слишком хорошо, так как еще до веронского сейма польский король-католик Мёшко I воевал с киевским князем из-за Черв-

ленной Руси (Галиции), а уже упоминавшийся Оттон II — с западными славянами на реке Эльбе (Лабе).

Сами обстоятельства «выбора веры» Владимиром широко известны и изложены в «Повести временных лет». В соответствии с версией Нестора князь, желая понять разные исповедания, отправил своих посланцев в соседние земли и затем принял представителей всех тогдашних учений. Насколько реальны эти подробности, нам не столь важно, ибо куда большее значение имеет приведенная Владимиром мотивировка своего решения креститься по греческому обряду.

Говоря о мотивах, учтем, что, кроме догматов, в любой религии существуют обычаи, традиционно передаваемые из поколения в поколение. Такие обычаи для новообращенных порой значат больше, чем священные книги, особенно если эти книги написаны на непонятном языке. Так, главная книга ислама — Коран — написана на арабском языке, славянам непонятном. Обычаи мусульман, например не пить вино, не есть свинину, просты, но для славян были неприемлемы. И вот почему. По русскому обычаю князь делил трапезу с дружиной. Этот обязательный ритуал скреплял дружбу князя с воинами, а что могло быть для князя важнее? Менее значимым, но довольно существенным было еще одно обстоятельство. Славяне и русы привыкли к хмельным напиткам, так как вино и пиво снимали усталость походов, но строгий ритуал пиров не допускал «буйства во хмелю». Конечно, и арабы, приняв ислам, не перестали пить вино, но делали это в узком кругу родных и друзей, в публичные места являясь трезвыми. У них не было ритуалов пиров и соответствующих им стереотипов поведения. В итоге мусульманским муллам Владимир отказал известными словами: «Руси есть веселие пити...»

Сложнее причины отказа Владимира немцам-католикам. Его слова неясны: «Идите, откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого». Попробуем разобраться, что именно «не приняли отцы». В середине X в. на Русь прибыл епископ Адальберт с миссией крещения княгини Ольги и киевлян. Адальберт потерпел неудачу, но «не по своей нерадивости».

Известно, что в середине века на святой престол иногда всходили очень грешные папы. В 955 г. на папский престол воссел шестнадцатилетний юноша, нареченный папой Иоанном XII. Ватиканский двор стал вертепом продажных женщин. Если бы папа был только охотником, игроком, волокитой и пьяницей, то это было бы еще полбеды. Но римский первосвященник давал пиры с возлияниями в честь древних языческих богов и пил за здоровье Сатаны. Конечно, вести о таких «подвигах» достигали Руси. Хронологическое совпадение бесчинств в Риме и изгнания Адальберта из Киева случайностью быть не может. Поэтому традиция отвержения латинской веры и сознательного

выбора греческой действительно восходит к предкам Владимира на княжеском столе: княгине Ольге и ее внуку Ярополку.

А вот рассказ о приходе к Владимиру хазарских евреев — пример явного литературного творчества Нестора. Евреи якобы признаются Владимиру: «Предана бысть земля наша хрестеянномъ». На самом деле в X в. Палестина была в руках мусульман. Летописец сместил даты. Примечательно, что, по летописи, Владимир не обращался к иудеям, а только принял их, чтобы прогнать. Следовательно, летопись Нестора фиксирует последнюю попытку хазарских иудеев прибрать к рукам киевского князя, сделанную тогда, когда Хазарский каганат уже не существовал. Исход попытки известен: Владимир был пронизителен.

Военно-политические следствия выбора веры были очень велики. Сделанный выбор не только дал Владимиру сильного союзника — Византию, но и примирил его с населением собственной столицы. Некоторое сопротивление крещению оказали на первых порах, предпочитая язычество, Новгород и Чернигов. Но язычники Новгорода были сломлены военной силой, а через некоторое время Чернигов вместе со Смоленском также приняли христианство. Теперь перед киевским князем оставались лишь внешнеполитические проблемы.

В степях между Русью и Черным морем царили печенеги. Именно печенеги, богатевшие на торговле с Корсунью и Византией, выступили против князя Владимира. Нам известен только результат столкновения, которое, предположительно, вылилось в немалую войну: Владимиру пришлось огородить свои земли частоколом, поставить «сторожи», а также отказаться от гегемонии в южнорусских степях и от выхода к Черному морю.

Враги русских и Византии — печенеги — в X в. были язычниками. В XI в. это племя приняло ислам. Обращение в магометанство сопровождалось междоусобной войной. Часть кочевников крестилась, но большинство, обратившись в ислам, стало враждовать с греками. Переход в ислам, войны с Византией и внутренние смуты сковали силы кочевников и к концу первой трети XI в. избавили Русь от печенежской угрозы.

Что же происходило на Руси? Мы видим, как православная церковь постепенно распространяла свое благотворное влияние, строила храмы и монастыри, учила людей грамоте и живописи. Только в Ростове (в Мерянской земле) долгое время сохранялись две городские общины: христианская и языческая. В одном конце города стояла православная церковь, в другом находилось капище бога мерян Керемета. При этом христиане и язычники сосуществовали довольно мирно, а после того, как меряне убили двух особенно назойливых миссионеров, их и вовсе оставили в покое.

Итак, Владимир пошел по пути, который наметила «мудрейшая из людей» княгиня Ольга, избравшая православие. Ступив на этот путь, сбросив гнет купеческого капитала рахдонитов, Русь пришла к крещению 988 г. Сила проповеди православия была и в политической умеренности Византийской империи, и в искренности константинопольских патриархов, и в очаровании греческой литургии (церковной службы).

Византия хотела от Руси дружбы и прекращения бессмысленных набегов на побережье Черного моря. Греческие богословы не сдабривали проповедь православия лукавыми политическими хитросплетениями. Важным оказалось и то, что православие не проповедовало идеи предопределения. И потому ответственность за грехи, творимые по собственной воле, ложилась на грешника. Это было понятно и приемлемо для язычников. Принятие христианских норм морали не было психологическим насилием для новообращенных, которые привыкли к элементарному противопоставлению добра и зла.

Добро и мудрость христианства в 988 г. сразились с Перуном и стремлением к наживе — действительным богом рахдонитов. Крещение дало нашим предкам высшую свободу — свободу выбора между Добром и Злом, а победа православия подарила Руси тысячелетнюю историю.

4. Прихоти судьбы

СЫНОВЬЯ ВЛАДИМИРА

Накануне своей смерти, в 1015 г., Владимир столкнулся с острой проблемой управления завоеванными землями. Его собственных военных сил было достаточно для того, чтобы одерживать отдельные победы, но их явно не хватало для того, чтобы держать в покорности все земли Киевской державы. Новгород, Полоцк, Червленная Русь и даже Северо-Восточная Русь все время пытались отложиться от Киева. Посылать всякий раз на их усмирение воевод было способом рискованным и ненадежным. Воевода мог оказаться претендентом на местный княжеский стол и отколоться вместе с теми подданными, которые ему сочувствовали. Поэтому при Владимире создавалась, а позже, при Ярославе, окрепла система раздачи уделов ближайшим родственникам, как правило, сыновьям.

У великого киевского князя Владимира было двенадцать сыновей. Мы отметим лишь тех, которые приняли участие в последующих событиях. Сын Владимира и Рогнеды Ярослав княжил в Новгороде, его брат Мстислав — в Тмутаракани. Естественно, что первый зависел от новгородцев, а второй — от тмутараканцев. Любимыми детьми

Владимира были его сыновья от болгарки: Борис и маленький Глеб. Своего старшего сына и законного наследника Святополка Владимир ненавидел. Святополка звали «сыном двух отцов», ибо Владимир захватил в плен и взял в жены его мать-гречанку, бывшую беременной от им же убитого князя Ярополка.

Святополк активно налаживал контакты и с печенегами, и с поляками. Пожалуй, это был первый русский «западник». В качестве духовного отца Святополк избрал епископа Колоберезжского — немца Рейнберна, что очень скверно кончилось для обоих. Владимир посадил и немца, и княжича в темницу, из которой епископ уже не вышел. В настроениях киевлян не было единства. Среди жителей города были сторонники и Святополка, и Ярослава, и Мстислава, причем горячие сторонники одного княжича были злейшими врагами остальных.

Когда Владимир умер, его любимый сын Борис, отправленный отцом против печенегов, был брошен своими соратниками. Дружина оставила его и ушла в Киев. Борис с немногими друзьями оказался беспомощен и беззащитен. В это же время, по смерти князя, толпа освободила из заточения Святополка и провозгласила его великим князем. Что касается Новгорода, то незадолго до смерти Владимир собирал войска для усмирения новгородцев и своего сына Ярослава.

Итак, мы видим полный развал державы, который мог кончиться только войной. И война началась.

Надо сказать, что Новгород был городом богатым, а новгородцы — людьми достаточно воинственными. Однако Ярослав, не доверяя им, пригласил наемников — варяжскую дружину. Варяги задирали новгородцев и приставали к женщинам. В завязавшейся однажды драке новгородцы убили нескольких скандинавов. Боясь княжеского гнева, горожане послали к Ярославу в детинец парламентаров и предложили виру (выкуп) за убитых, но князь приказал варягам убить послов. В ответ город восстал. И в этот момент по Волхову со стороны озера Ильмень прибыл гонец из Киева с вестью о том, что Владимир умер и власть захватил Святополк. Новый князь убил беззащитного Бориса, умертвил мальчика Глеба. Посланные Святополком люди настигли и убили Святослава Древлянского — сына Владимира от «чехини», который пытался бежать на родину матери.

Ярослав понял, что и его судьба предрешена. Потеряв отца и братьев, князь оказался под угрозой смерти от рук святополчьих убийц. К тому же он находился в острейшей ситуации, поссорившись с новгородцами. Ярослав решил бежать в Швецию. И тут обнаружилось, что новгородцы не только воинственны, но практичны и решительны. Они вновь отправили к князю послов, и те сказали: «Князь! Мертвых нам не кресити (не воскресить). Пойдем добывать стола киевского!» Новгородцы в данном случае проявили не столько благородство,

сколько расчетливость. Ведь Новгороду приходилось ежегодно отправлять в Киев большую подать. Поэтому естественным было стремление новгородцев хотя бы сократить этот обременительный налог.

Новгородское войско во главе с Ярославом стало спускаться по Днепру к Киеву. Святополк выступил навстречу с дружиной киевлян и вспомогательными отрядами печенегов. Когда противники встретились у городка Любеч (1016), была поздняя осень. Полное отсутствие военных способностей у Святополка выразилось в том, что он поставил отряды киевлян и печенегов по разные стороны от уже замерзавшего озера. Ярослав атаковал именно киевскую дружину и опрокинул ее. Печенеги, отделенные от киевлян ледяной водой, попросту не смогли вступить в бой. Победа досталась Ярославу, а Святополк бежал в Польшу.

Победители-новгородцы вошли в Киев, «и погоре церкви» — пишет летописец. Мы заключаем из этого, что идейная основа действий Ярослава, его программа сводилась к восстановлению язычества. Но христианизация Киева была уже слишком сильной. Никто не хотел возвращения культа Перуна. От этого Ярослав чувствовал себя в столице крайне неуверенно.

В 1018 г. разногласия между партиями язычников и христиан обострились. Этим воспользовались польский король Болеслав Храбрый и беглец Святополк. Польское войско двинулось на Киев, чтобы, по утверждению поляков, освободить христиан от власти злых язычников.

Болеслав и Ярослав встретились на Буге. Войска врагов разделяла река. По обычаю тех времен поляки и русские кричали друг другу через реку оскорбления. И когда остряк-новгородец прокричал, что проткнет «колом брюхо толстое» Болеславу, польский король, действительно мужчина упитанный, оскорбился несказанно. Самолюбивый поляк бросился на коне в воду. Вслед за своим королем польские рыцари форсировали реку и... полностью разгромили новгородцев. Рать Ярослава бежала, разгоряченные польские всадники рубили спасавшихся бегством. Сам Ярослав с четырьмя спутниками ускакал в Киев. Но надежды на киевлян не было, а поляки и сторонники Святополка подступали все ближе. Ярослав перебрался в Новгород и снова принялся строить ладьи для бегства в Швецию. И опять князя остановили новгородцы. Они «порубили» ладьи, пообещав собрать деньги и войско для нового похода.

Тем временем поляки заняли Киев: на «золотой стол киевский» воссел Святополк. Воины-иноземцы были размещены по домам киевлян и окрестным деревням. И немедленно начались конфликты с местным населением. Буквально за несколько ночей было вырезано множество поляков. Оказалось, что народ может сделать гораздо

больше, чем князь и дружина. Сила народная была велика. Это прекрасно понял Болеслав и увел своих воинов в Польшу, оставив в Киеве Святополка.

Ярослав с новгородцами, а точнее, новгородцы с Ярославом вновь двинулись на Киев. Они столкнулись со Святополком, который, мало рассчитывая на киевлян после истории с поляками, вновь призвал на помощь печенегов. Печенеги не помогли, и Святополк, прозванный Окаянным, бежал на запад и вскоре умер, якобы от угрызений совести за невинно убитых братьев Бориса и Глеба. Ярослав стал главой почти всей Руси, за исключением левобережья Днепра и далекой юго-восточной окраины — Тьмутаракани.

В этих событиях наше внимание привлекают два обстоятельства. Во-первых, в настоящее время славяне — поляки и русские — практически не понимают друг друга, особенно если говорят быстро. А тогда языки были настолько близки, что брань, перелетавшая через реку, была понятна обеим сторонам. Идея славянского единства уже была утрачена, но, как след былой славянской общности VI—VIII вв., еще сохранялась языковая близость.

Второе важное обстоятельство мы видим в том, что Киев решительно высказал свое негативное отношение к западничеству и тесным контактам с Западной Европой. Дело в том, что хотя и существовали этнические различия населения Новгорода и Полоцка, Ростова и Смоленска, Галича и Чернигова, но в целом Древняя Русь по отношению к другим таким же большим группам этносов (суперэтносам) была единой общностью. Такими группами были, к примеру, жители католической Западной Европы или население мусульманских стран.

В XI в. Польша сблизилась с католическим Западом. Граница двух различных культур пролегла по славянским народам. Сей факт важен для нас потому, что на протяжении всей дальнейшей истории в Древней Руси, а впоследствии и в России постоянно шла борьба двух политических течений: «западнического» (проевропейского) и «почвеннического», выражавшегося в стремлении держаться своих традиций. Проявлениями такого стремления были и сопротивление киевлян оккупационным войскам Болеслава, и отрицательная реакция Киева на западничество Святополка.

МУДРОСТЬ КОМПРОМИССА

А что происходило в Тьмутаракани, где мы оставили шестилетнего Мстислава Владимировича? Как и всякий ребенок, он играл на морском берегу цветными камешками, встретил ровесников и подружился с ними. Друзьями детства и юности Мстислава были евреи, осевшие в Тьмутаракани после гибели Хазарии и ставшие называться

хазарами. Иудео-хазары крепко держали в своих руках всю торговлю в северо-восточном Причерноморье.

Главным противником иудео-хазарской общины Тьмутаракани было черкесское племя касогов. В 1033 г. военные силы тьмутараканского князя и вождя касогов Редеди встретились. Предводители дружин мудро решили избежать большого кровопролития и определить победителя в личном поединке. Мстислав, ставший к тому времени могучим воином, одолел Редедю и зарезал его на глазах касожской дружины. Он был милостив с побежденными: отпустил взятых в плен и выдал свою дочь за сына убитого им вождя касогов. Так у Мстислава установились хорошие контакты с черкесами. После совершенно мирным путем он поладил со степными осетинами — ясами. В результате дружина князя пополнилась касожскими и яскими удальцами.

Будучи правителем далекого от Киева южного города, Мстислав никогда не забывал, что он сын великого русского князя Владимира. Мстислав собрал степняков, ясов и касогов, призвал к себе племя северян, живших в Северной земле к востоку от Чернигова, и в 1023 г., соединив эти силы с иудео-хазарским войском Тьмутаракани, отправился искать «золотого стола киевского».

Момент был избран удобный. Ярослав находился на севере своей державы: сначала ему пришлось отбивать нападение полоцкого князя Брючислава на Новгород, а после усмирять движение волхвов, возобновивших языческие жертвоприношения людей.

Летопись утверждает, что Мстислав подошел к Киеву, но киевляне наотрез отказались впустить в город тьмутараканскую дружину: еще была жива память о «подвигах» полководца Песаха и о дани, собиравшейся с Руси иудео-хазарами.

Войска Мстислава столкнулись с варягами вернувшегося с севера Ярослава в битве при Листвене (1024). Летописец рассказывает о грозе, бывшей в ночь битвы. Воины сражались при свете молний. Варягам противостояло ополчение северян — союзников Мстислава. В решающий момент, когда обе стороны уже были измучены боем, Мстислав бросил на варяжское войско свою конницу, состоявшую из ясов и касогов. Варяги смешались и бежали — победа осталась за тьмутараканским князем.

Обходя утром поле сражения, Мстислав предельно откровенно выразил свои чувства. Его фраза попала в летопись:

«Кто тому не рад? (Как не радоваться?) Вот лежит северянин, вот варяг, а дружина своя цела». Понятно, что союзные Мстиславу северяне, ясы и касоги были оскорблены. В результате князь-победитель остался с малой дружиной иудео-хазар и просил побежденного Ярослава о мире. Итак, в Киеве снова воссел Ярослав, а за Мстиславом

остались далекие Тьмутаракань и Северская земля (Чернигов). Братья стали княжить на Руси в мире и согласии.

Возникает вопрос: почему евреям удалось подчинить себе Хазарию и ее тюркскую династию ханов Ашина и почему безуспешными оказались их попытки в отношении Руси и князей Рюриковичей? Нам известна набожность Мстислава: очевидно, князь не мог иметь некрещеную жену, и, таким образом, его потомство не могло перейти в иудаизм.

После заключения мира с братом Мстислав жил преимущественно в своих черниговских владениях. Скончался князь в 1036 г. Он не оставил наследника, и Ярослав принял власть над всей Русью. Единство державы было достигнуто на основе соглашения между Новгородом — самостоятельной славянской «республикой», Киевом, с его влиятельной христианской общиной, и Черниговом — богатым городом с воинственным населением. Кроме того, к Киевской Руси уже был присоединен мерянский город Ростов. Именно это соглашение — компромисс, основанный на признании отдельными областями Руси верховной власти великого киевского князя, — принесло стране долгожданный покой. Это было самое великое достижение Ярослава, прозванного Мудрым.

ПЕРЕМЕНЫ

К сожалению, всякий компромисс годен для определенного момента, и надежное будущее державы он обеспечить не может. Это будущее во многом зависит от верного выбора друзей. Ярослав поддерживал отношения с варягами и был готов к дружбе с Польшей, но, к сожалению, ни он, ни его окружение не испытывали симпатий к Византии. Ухудшение отношений между Киевом и Константинополем в 30—40-е годы XI в. происходило на фоне резкого обострения противоречий между православным Востоком и католическим Западом. Папа римский требовал признания себя главою христианской церкви, константинопольский же патриарх Михаил Кируларий стоял на том, что греческая церковь ничем не уступает римско-католической. Папа опирался на поддержку Западной Европы: Германии, Франции, испанских королевств, города-республики Генуи. А Царьград искал помощи у завоеванной им Болгарии и добровольно присоединившейся к Византии Сербии. Религиозное противостояние Рима и Константинополя завершилось окончательным расколом христианской церкви на западную (римско-католическую) и восточную (греко-православную) в 1054 г.

Тем временем антигреческие настроения Ярослава и его окружения, во многом вызванные стремлением освободить киевскую ми-

трополию от опеки константинопольского патриарха, вылились в военный конфликт.

В 1043 г. русский флот во главе с сыном Ярослава — Владимиром и воеводой Вышатай двинулся на Константинополь. Летописец сообщает, что «буря велика» разбила корабли русских. Но, вероятно, причиной гибели русского флота вновь стал «греческий огонь». Во всяком случае, спасавшихся на берегу русских избивала и брала в плен латная конница византийцев. Владимиру с частью дружины удалось вернуться на Русь, а воевода Вышата был пленен и выпущен греками лишь спустя три года. Множество русских пленных византийцы ослепили. Эта неудача заставила Ярослава прекратить активную внешнюю политику, направленную против греков.

При дворе Ярослава по-прежнему сохранялись три партии: одна — западническая, другая — исключительно национальной ориентации, считавшая, что Русь может соперничать с любыми коалициями западных держав, и третья, стремившаяся к миру и дружбе с Византией. Западников возглавлял Изяслав Ярославич (в крещении Дмитрий, старший сын великого князя), национальную партию — Святослав Ярославич (сидевший в Чернигове), провизантийскую партию — Всеволод (княживший в Переяславле, третий сын Ярослава). После смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. в Киеве воцарился Изяслав.

В то время немалые перемены произошли не только в Западной Европе и Византии, но и в Великой степи. Проникавшая с IX в. в печенежские кочевья мусульманская пропаганда делала свое дело. Правда, ей противодействовала пропаганда христиан, но сторонники христианства потерпели поражение у печенегов, большинство которых высказалось за принятие ислама. В результате печенеги сделались злейшими врагами всех христианских стран. В 1036 г. в отсутствие Ярослава они совершили набег на Киев. Подоспевший с варягами и новгородцами Ярослав, пополнив войско киевлянами, дал бой печенегам на месте нынешней Святой Софии. Битва была жестокая и упорная. Ярослав «едва одоле к вечеру». Зато разгром печенегов был полный, и это племя больше не тревожило Русь. «Остаток их бегаёт где-то и до сего дня», — сообщил летописец.

Византия в это время терпела тяжелые неудачи в борьбе с родственным печенегам народом — туркменами-сельджуками. И печенеги, и сельджуки принадлежали к одной ветви тюркских народов — огузам. Сознание родства и единоверие двух племен (сельджуки также исповедовали ислам) сделало их грозными противниками греков. Малоазийские области империи захватывали сельджуки, доходя порой до города Никеи и пролива Босфор, а на Балканском полуострове греков теснили печенеги. Со второй половины XI в. полное завоева-

ние туркменами-сельджуками всей Малой Азии стало реальной угрозой для Византийской империи.

В тот же период на историческую сцену Восточной Европы вышли куманы. К середине XI в. они захватили почти всю территорию современного Казахстана, пересекли нижнее течение Волги и появились в южнорусских степях. Голубоглазых, светловолосых куманов на Руси стали называть половцами (от слова «полова», которое означает рубленую солому, имеющую матово-желтый цвет). У половцев был давний заклятый враг — печенеги. «Степная вендетта», длившаяся века, в XI в. особенно ожесточилась из-за вероисповеданий. Как мы знаем, печенеги приняли ислам, половцы же сохраняли языческие верования своих предков.

После смерти Ярослава Мудрого князь Всеволод пытался установить контакты с половцами, но безуспешно. Постоянные стычки русских и половцев завершились тем, что в сентябре 1068 г. половцы двинулись в большой поход на Русскую землю. Трое Ярославичей: Изяслав, Святослав и Всеволод — встретили кочевников на реке Альте. Кавалерийский бой оказался для русских неудачным. Как сказал поэт:

С рассветом на половцев князь Изяслав
Там выехал, грозен и злобен.
Свой меч двоеручный высоко подъяв,
Святому Георгию подобен;
Но к ночи, руками за гриву держась,
Конем увлекаемый с бою,
Уж по полю мчался израненный князь,
С закинутой навзничь главою¹.

Ярославичи потерпели поражение. Изяслав бежал в Киев, где киевляне потребовали у него оружие и коней, чтобы вновь сразиться с половцами. Но князь не решился дать народу оружие: западник Изяслав хорошо знал свою непопулярность. Киев возмутился, и великий князь, забрав сына Мстислава, бежал в Польшу. Его дальнейшие странствия сами по себе очень интересны, но сейчас для нас важен исход половецкого нашествия и события в Киеве.

1 ноября того же 1068 г. черниговский князь Святослав Ярославич, имея всего 3 тысячи русских ратников, наголову разбил 12 тысяч половцев в битве на реке Снови. Оказалось, что половцы удачливы в коротких набегах и стычках конных отрядов, но борьба с русскими городами и русской пехотой им была не под силу. Поэтому опасности для существования Руси половцы не представляли.

¹ Фрагмент стихотворения А. К. Толстого «Три побоища», 1869. — Прим. ред.

По странной иронии судьбы, половцы оказались спасителями Византии, так как она, теснимая печенегами и в Европе, и в Азии, призвала куманов-половцев на помощь. Ханы Боняк и Шарукан привели на Балканский полуостров конные рати куманов. К 1091 г. с печенегами на Балканах было покончено. Прижатые половцами и византийцами к морю у мыса Лебурн, печенеги были частью уничтожены, частью захвачены в плен. Союзники по-разному распорядились судьбой пленников. Греки своих перебили, а половцы присоединили к собственному войску. Из остатков печенегов сложился доньне существующий народ — гагаузы.

ВСЕСЛАВ ПОЛОЦКИЙ И ЯРОСЛАВИЧИ

В годы, полные войн с половцами и княжеских усобиц, проявил себя Всеслав, князь Полоцкий, внук Изяслава Владимировича, сына Владимира Крестителя. Судьба и деятельность Всеслава Полоцкого необычайно интересны.

Полоцк сохранил память о разгроме города Владимиром в 980 г., когда будущий великий князь убил князя Рогволода и его сыновей и надругался над дочерью Рогволода Рогнедой. По расправе с княжеской семьей можно представить, как вели себя новгородцы и наемные варяги в захваченном городе. Когда же на княжеском столе Полоцка оказался потомок Рогнеды Всеслав, полочане активно поддерживали своего князя в войне с Псковом, а затем и с Новгородом.

Всеслав захватил и ограбил в 1067 г. Новгород, но вскоре был разбит Ярославичами в бою на реке Немиге. Полагаясь на «крестное целование», князь встретился с победителями и... был схвачен и посажен в Киеве в поруб — уходящий в землю сруб без окон и дверей, куда узника опускали сверху на веревках и таким же образом подавали ему пищу; заключение в порубе считалось очень суровым. Но просидел Всеслав в порубе недолго. Как только выяснилось, что Изяслав, проиграв битву с половцами на Альте, отказывает киевлянам в оружии и конях, город, как мы уже знаем, восстал. Горожане разнесли поруб и провозгласили освобожденного Всеслава князем Киева, на что правнук Владимира имел, по их мнению, все права.

Тем временем Изяслав с сыном Мстиславом получили поддержку польского короля. В 1069 г. польское войско с Мстиславом Изяславичем во главе двинулось к Киеву. Всеслав, не имевший большой дружины, даже не пытался бороться с регулярными войсками поляков. Он бросил Киев и бежал в родной Полоцк. В Киев вошел Мстислав и учинил жестокую расправу с населением города. Казни и пытки вынудили киевлян обратиться к двум другим Ярославичам с просьбой о защите.

Святослав и Всеволод потребовали от Мстислава прекратить кровопролитие в Киеве. Казни прекратились, а от польского войска киевляне избавились средством, испытанным еще при Святополке Окаянном: массовыми убийствами размещенных на постой польских ратников. Поляки вернулись на родину, а в Киеве вокняжился Изяслав. Но в 1083 г. непопулярный князь был вновь изгнан киевлянами, выступившими на сей раз в союзе с братьями Изяслава, Святославом и Всеволодом. Изяслав опять бежал на Запад. В Польше князя-беглеца ограбили, и только заступничество папы вернуло ему княжеские драгоценности.

Между тем в Киеве воссел на престол второй сын Ярослава Мудрого — князь черниговский Святослав, которого полностью поддерживал третий Ярославич — Всеволод. Святослав, человек умный и волевой, был прекрасным полководцем. При этом он стремился к контактам с обосновавшимися в южнорусских степях половцами и совсем не тяготел к Западу. Его позицию можно назвать «националистической». К сожалению, узкие националисты всегда рискуют остаться без поддержки со стороны. Так и Святославу не удалось ни установить настоящего мира с половцами, ни восстановить отношения с Византией.

Тем временем внутри страны часть населения вернулась к язычеству. Славяне, как и их соседи тюрки и угро-финны, верили в существование упырей, то есть духов покойников, и духов природы: лесных, водяных, а также домовых. Такие взгляды религией называть неправильно. Это, скорее, «природоведение», соответствовавшее уровню знаний того времени.

Вместе взятые, суеверия представляли собой какое-то подобие мировоззрения, но считать их настоящим религиозным культом нельзя, как нельзя отождествлять домового с Богом-Создателем. Интересно, что эти языческие верования прекрасно уживались и продолжают уживаться и с христианством, и с исламом, а в наше время — и с «научным» атеизмом. Сначала это явление называли двоеверием, затем стали говорить о суеверии, но название не меняет сути.

Вспышка языческого фанатизма отмечена летописью в 1071 г. В Ростовской земле объявились волхвы, которые в пору неурожая успешно находили «виновных» в голоде. Жертвами волхвов обычно становились женщины, очевидно, зажиточные крестьянки. Доставка у несчастных из-за спины зерно, волхвы убеждали волнующийся народ, что «бабы прячут жито». Женщины погибали, а движение волхвов, фанатиков-изуверов, захватывало все новые области.

На Белоозере воинствующие язычники столкнулись с Яном, воеводой Святослава. Ян, сын воеводы Вышаты, так неудачно ходившего на Царьград в 1043 г., был человек бесстрашный и, на беду волхвов,

беспощадный. Разогнав с немногими воинами мятежную толпу, он заставил белоозерцев выдать ему волхвов-зачинщиков. Летопись передает разговор Яна и волхвов. Те упорствовали в своих верованиях и лишь после «внушения» горестно признались Яну: «Так нам боги молвят: не быть нам живым от тебя». Ян, немедленно согласившись с ними, отдал волхвов-убийц родным погибших. Повешенных на дереве волхвов ночью изгрыз медведь, зверь для язычников очень почитенный.

Некий волхв появился и в Новгородской земле. Он объявил себя прорицателем, подбил людей на мятеж против церкви и обещал невиданное чудо. Белоозерских язычников обуздал сын Святослава князь Глеб. Укрыв под плащом топор, он обратился к кудеснику с вопросом, знает ли тот будущее. «Знаю все», — был ответ. Князь спросил: «Знаешь ли, что будет с тобою сегодня?» «Чудеса великие сотворю», — пророчествовал волхв. Глеб вынул топор и зарубил волхва, доказав тем самым, что пророком тот был никудышным. «Люди разошлись», — сообщает летописец. Так энергичными действиями власти было подавлено возрождение язычества на севере Руси.

В декабре 1076 г. князь Святослав умер. Эта внезапная, «от желвака» смерть князя, которому еще не было пятидесяти лет, нарушила сложившееся на Руси равновесие.

ОЛЕГ СВЯТОСЛАВИЧ

По ряду (закону) Ярослава Мудрого после смерти великого князя наследником становился не сын его, а следующий по старшинству рождения брат. Если прекращалось поколение братьев, престол наследовал сын старшего брата, после его смерти — сын следующего брата, и так далее. Когда умер Святослав Ярославич, оставивший пятерых сыновей, возник вопрос: считать его законным великим князем киевским или узурпатором, захватившим киевский стол при жизни старшего брата Изяслава?

От решения этого вопроса зависели и судьбы сыновей Святослава, потому что в Древней Руси существовал очень жестокий обычай. Людей, в чем-либо провинившихся, «изгоняли из жизни», то есть лишали их права заниматься кормившим их семью делом. Существовало три категории таких людей: попов сын, что грамоте не выучился, купец задолжавший и смерд (крестьянин), от верви (общины) отклонившийся. В какой-то степени это было справедливо. Попов сын мог наследовать приход отца, но для посвящения в сан нужно было знать грамоту и уметь служить литургию. Если из-за лени попович грамоту не разумел, его из прихода изгоняли. Сам виноват, скажем мы, надо было учиться. Виновным считался и не отдавший долг ку-

пец: «взял в долг — верни». Был ли ограблен караван, потопила ли буря ладьи с товаром или купец попросту промотал чужие деньги — все это считалось вопросом праздным. Точно так же смерда, отколовшегося от своей верви, где его знали родственники и соседи, не принимали жить и работать другие общины, не интересуясь причинами изгнания.

Но была на Руси и четвертая категория изгоев, никак в своей беде не повинных. «А четвертый изгой: аще (если) князь осиротеет». В соответствии с этим принципом князь, осиротевший раньше, чем его отец смог занять великий стол, навечно лишался всех прав владения наследством предков. Следовательно, для сыновей Святослава в сложившейся ситуации выбор был очень жесток: они либо получали право занять в свою очередь великое киевское княжение, либо превращались в князей-изгоев. Таким изгоем после смерти своего отца Вячеслава стал внук Ярослава Мудрого Борис, сидевший при жизни отца в Смоленске. То же случилось с Давыдом Игоревичем, сыном самого младшего сына Ярослава Мудрого — Игоря, также не дожившего до своей очереди занять киевский стол.

Естественно, что князья-изгои стремились закрепиться на каком-то из русских столов. Единственно возможным местом была далекая Тьмутаракань. Там и началась непрерывная борьба между изгоями, которых приглашали тьмутараканские иудео-хазары, и Святославичами, потерявшими отцовский Чернигов и использовавшими контакты с ясами, касогами и половцами. Святославичи стремились вернуть черниговский стол отца, на котором закрепились сначала Всеволод, а затем его сын Владимир Мономах.

И вот в 1078 г. Олег и Роман Святославичи вместе с Борисом Вячеславичем двинулись на Русь из Тьмутаракани, чтобы мечом добыть свои удельные города. Против них выступили старшие князья — Изяслав и Всеволод. В страшной битве на Нежатиной Ниве около Чернигова погиб князь Изяслав — старик, проживший жизнь, полную взлетов и падений. Погиб и бросившийся в сечу за удел отца юноша Борис Вячеславич. Победу одержали старшие князья. Великим князем стал Всеволод, торжественно отпевший брата Изяслава. Таким образом, Святослава на великом столе сменил Всеволод.

Судьба уцелевших Святославичей была печальной: Роман Святославич в 1079 г. был убит в половецких кочевьях, а Олег, добравшийся до Тьмутаракани, был схвачен хазарами. Судьба Олега поражает нас своей исключительностью. Хазары передали Олега грекам. Князь жил в Константинополе, очевидно, как почетный пленник. Бездеятельная жизнь, к тому же лишённая какой-либо перспективы, не могла не тяготить молодого, энергичного Олега. И тут ему повезло. Все изменило происшествие в императорском дворце, когда русские наемни-

ки, крепко напившись вина, решили произвести переворот и напали на императорскую спальню. Эта пьяная попытка успеха не имела. Греческие воины отбили нападение и загнали наемников в одно из дворцовых помещений. Проспавшись, буяны стали просить прощения и были прощены. Разумеется, их отправили из столицы в пограничные войска, где больше воевали с сельджуками, чем употребляли хмельные напитки. Русская гвардия при дворе базилевса была ликвидирована и заменена воинами из англосаксов¹.

После нелепого бунта пьяных варягов Олега Святославича, как русского, перевели на остров Родос. Там он женился на греческой патрицианке Феофании Музалон и через два года получил разрешение вернуться в Тьмутаракань, где укрепились поддержанные хазарами изгои Давыд Игоревич и Володарь.

В 1083 г. к причалу Тьмутаракани подошла византийская галера с «архонтом Руси» (греческий сан русского князя) Олегом и его молодой женой. Олег сошел на берег, и... в Тьмутаракани учинилась резня. Были истреблены иудео-хазары, давние враги Олега, и изгнаны князья Давыд и Володарь. Ясно, что собственными силами Олег не смог бы расправиться с еврейской общиной Тьмутаракани. Кто мог поддержать нового князя и произвести эту жестокую экзекуцию? Очевидно, лишь коренные жители: ясы и касоги, и, возможно, половцы. Некоторое время Олег держался в Тьмутаракани, сохраняя отношения с Византией, а в 1094 г., отдав город василевсу Алексею Комнину, ушел с дружиной на Русь. Он взял в союзники половцев, выгнал из Чернигова своего двоюродного брата Владимира Всеволодовича Мономаха и вокняжился в городе своего отца.

5. Миг единства

В ПОИСКАХ СОЮЗНИКОВ

Всеволод, ставший великим князем, на короткое время объединил под своей властью большую часть Руси, посадив сыновей в удельных городах. Византийские симпатии Всеволода угасали, и это неудивительно. Во второй половине XI в. Византия почти потеряла Малую Азию, хозяйство империи было разрушено бездарным правлением императрицы Зои и внутренней смутой, устроенной Романом Диоге-

¹ Как известно, в 1066 г. герцог Нормандии Вильгельм Завоеватель разбил короля Англии Харальда. В битве при Гастингсе Харальд погиб, Англия была захвачена норманнами, а англосаксы подверглись столь жестокому угнетению завоевателей, что стали покидать родину, охотно нанимаясь на военную службу в Византию.

ном в 1068—1071 гг. Относительный порядок в Византии начал устанавливаться лишь после 1081 г., когда василевсом стал Алексей Комнин; а до того киевский князь просто не мог рассчитывать на поддержку слабеющей византийской державы.

В поисках союзника Всеволод, как и его старший брат, начал обращать взоры на Запад, но Западная Европа тогда являла собой неутешительную картину. «Христианский мир» переживал пассионарную депрессию акматической фазы. Пассионарность западноевропейцев активно смещалась к границам суперэтнического ареала. Германские феодалы начали захватывать пограничные славянские земли и превращать славян в бесправных «сервов» — крепостных. Западные славяне, жившие по Эльбе, сопротивлялись немецкому давлению всеми силами, но силы были неравны.

Ужас положения славян состоял в том, что, не принадлежа к «Христианскому миру», они были для немцев не просто «чужими»: людей другого суперэтнуса завоеватели рассматривали лишь как часть природы покоренной страны (со всеми вытекающими отсюда последствиями). Разумеется, и собственных крестьян немецкие бароны притесняли достаточно сильно. Но характер этого притеснения был иной. Когда, к примеру, саксонский герцог, став императором Священной Римской империи, наказывал «своих» саксов, то в них он видел людей, от которых просто требовал некоторой повинности. С бургундами, франконцами, баварцами герцог обходился уже гораздо более жестоко, а со славянами (или арабами, или венграми) поступал абсолютно бесчеловечно.

Кроме того, все феодалы средневековой Европы делились на две основные партии. Одну партию возглавляла церковь, сама претендовавшая на десятину и на верховный авторитет в делах управления. Сторонники этой партии в XII—XIII вв. получили итальянское название гвельфы, по имени Вельфов — герцогов Саксонии и Баварии, боровшихся против императорской династии Гогенштауфенов. Приверженцы же императоров звались гибеллинами.

Формально и те и другие считали себя католиками, а фактическое отношение к религии никого не волновало. Различие гвельфов и гибеллинов заключалось не в религиозных воззрениях — различались их программы устройства жизни. Гвельфы, естественно, опирались на авторитет римской курии и священников; гибеллины формировали свой «интеллектуальный фонд» из юристов (прежде всего Болонского университета), которые обосновывали тезис о превосходстве власти императора над властью папы.

Разным было также мироощущение гвельфов и гибеллинов, выражавшееся в их отношении к природе. Дело в том, что ряды гвельфов пополнялись людьми, жившими на своих природных землях

и приспособившимися к вмещающему ландшафту. Поэтому к родной природе они относились вполне благожелательно. Большинство же гибеллинов состояло из весьма пассионарных феодалов, искавших славы, побед, завоеваний в далеких землях, где они жили за счет коренного населения. И люди и природа оставались для них «чужими», а «своим» становилось стремление получить возможно больший доход. И потому в восприятии гибеллинами окружающего преобладало мироотрицание. Негативное мироощущение гибеллинов не замедлило проявиться в экстремальной ситуации.

Борьба пап и императоров достигла своего апогея в конце 70-х годов XI в. при противостоянии папы Григория VII и императора Генриха IV из Франконской династии. Поскольку папа оставался главой церкви, среди феодалов начали широко распространяться антисистемные культы, противоположные церковному, например, поклонение Сатане. Не представлял исключения и сам император, состоявший в секте николаитов¹. Хотя отправляемый культ считался тайным, о служении «черных месс» знали многие, причем шока это у западноевропейцев не вызывало. Именно с императором Генрихом IV заключил союз киевский князь Всеволод, примкнув таким образом к европейской партии гибеллинов. Союз был дополнен династическим браком императора с дочерью великого князя — Евпраксией Всеволодовной. Так русская княжна стала немецкой императрицей Адельгейдой.

Генрих был человеком без предрассудков и привлек к участию в «черных мессах» свою жену, дабы на ее голом теле служить кощунственные обеды. Однако то, что немкам, бургундкам или итальянкам казалось очень лестным, у русской женщины вызвало отвращение — жена бежала от мужа к его противнице, графине Матильде. Матильда переправила ее в Рим, папа принял Евпраксию и, дав ей отпущение вынужденного греха, отправил несчастную обратно на Русь. Княжна, вернувшись в дом отца и имея все возможности устроить свою жизнь, пошла в монастырь около Чернигова, где и закончила свои дни. Вероятно, ее впечатления оказались настолько омерзительны, что жизнь потеряла смысл. Вот вам пример разницы между поведением западноевропейцев и русских.

Итак, попытка сближения с Западом оказалась для Всеволода неудачной.

Борьба прогреческих и прозападных настроений распространилась и на русскую церковь. К грекам, к Византии тяготели иерархи церкви, группировавшиеся вокруг митрополита, которым обычно

¹ Николаиты — одна из многочисленных антисистемных сект Средневековья, следовавшая сатанинскому культу.

был грек. Им противостояли русские клирики, опиравшиеся на монашество Киево-Печерской лавры.

Не было единства на Руси и в отношении к степным соседям. С Киевской державой граничили два кочевых народа: торки (гузы) и половцы, смертельно враждовавшие между собой. Избиравшие себе союзниками торков, как это делали в XII в. волынские и киевские князья, сразу становились противниками половцев. Соответственно те, кто опирался на половцев, как впоследствии черниговские Ольговичи, становились врагами торков.

Ситуация была сверхсложная. Всеволод, не видя возможности навести порядок в удельных землях, передал инициативу и фактическую власть своему сыну, княжившему в Чернигове, — Владимиру Мономаху. Сам же великий князь, испытав на склоне лет «печали больши», скончался в 1093 г.

БЕСПРИНЦИПНОСТЬ

После смерти великого князя Всеволода, согласно лествичному¹ порядку престолонаследия, на киевское великое княжение взошел Святополк II Изяславич, сын старшего из Ярославичей, княживший до того в небольшом городе Турове. Сын же покойного Всеволода — Владимир Мономах, изгнанный из Чернигова Олегом, сел в Переяславле.

Положение великого князя Святополка оказалось нелегким. Политическая линия его отца была малопопулярна и в Киеве, и во всей Руси. Переговоры Изяслава Ярославича с папой римским были неприятны и неприемлемы для большинства православных русских второй половины XI в. Став великим князем, Святополк не повторял подобных попыток и постарался сменить свое окружение.

Как когда-то Всеволод «отверг дружину свою старшую», Святополк также приблизил к себе совершенно новых людей. Летописец зовет их «уными», то есть юными, но обозначает так не возрастное, а поведенческое отличие. Вместо «старшей дружины», то есть соратников и друзей Ярославичей, у киевского престола собрались новые люди. Они были надежными помощниками великого князя, но при условии, что их служба хорошо оплачивалась. Сподвижниками Святополка становились уже не бескорыстные радетели Русской земли, но хитрые, алчные и часто совершенно бессовестные придворные. Чтобы уверенно опираться на них, великому князю требовались немалые деньги.

¹ Лестовка — род кожаных четок; уподобление их особому порядку престолонаследия встречается в Никоновской летописи (подобно тому как в четках перебирается одно зерно за другим, так и удельные князья по очереди занимают великокняжеский престол).

И Святополк пошел на нехитрую операцию: он пригласил из Германии евреев-ростовщиков. Ростовщики получили право жительства в Киеве, возможность построить синагогу и свободу в финансовых операциях. Прибывшие с Запада в Киев евреи благодаря своему опыту и сплоченности быстро отняли у непривычных к ростовщичеству киевлян большую часть клиентуры. Однако ростовщики-евреи не ограничились этой деятельностью. Сужая великому князю деньги, они требовали для себя возможностей максимальной наживы. Наиболее выгодным коммерческим предприятием в то время была торговля рабами. Естественно, что кредиторы подталкивали Святополка к военным походам, целью которых был захват пленников, служивших платой великого князя ростовщикам.

Противостоять зависимой политике князя могли бы Святославичи, но ведь они сидели в Чернигове, и, поскольку киевляне «не хотели» черниговцев, шансов у Святославичей не было никаких. Сын Всеволода — Владимир Мономах — сидел в себя в Переяславле и не мог покуситься на права старшего брата, а должен был исполнять его волю, поскольку заключил с ним политический союз. Святополк решил развязать войну.

А воевать ради невольников киевский князь мог только с половцами.

Надо сказать, что половцы были лишены той маневренности, которую традиционно приписывают кочевникам. Как и все степняки, они занимались скотоводством. Но для зим южнорусских степей характерны обильные снегопады, когда толщина снегового покрова порой превышает 0,4 м. В таких условиях скот не может питаться подножным кормом. И в снежную пору половцы поневоле оказывались прикованными к местам зимовок, а летом — к сенокосам. Даже при хорошо подготовленных зимовках половецкий скот сильно тощал. Особенно страдали ездовые кони, а значит, и военная мощь этого племенного союза.

После нескольких неудачных сражений Святополк II, а с ним Владимир Мономах и старший брат уже известного нам Олега Святославича — Давыд, начали нападать на становища половцев, стремясь перенести тяжесть военных действий в половецкую степь. Половцам пришлось защищать зимовья, где находились их женщины и дети. Волосья упряжки с семьями и утварью кочевников, двигавшиеся со скоростью около 4 км/ч, не могли уйти от русской конницы; половцы поневоле принимали навязываемые им сражения.

Очевидно, что отнюдь не степняки представляли на рубеже XI—XII вв. основную опасность для Киевской Руси. В это время обозначило себя явление более грозное — падение нравов, отказ от традиционной русской этики и морали. В 1097 г. в Любече состоялся княжеский

съезд, положивший начало новой политической форме существования страны. Там было решено, что «каждый да держит отчину свою». Таким образом, Русь начала превращаться в конфедерацию независимых государств. Князья поклялись нерушимо соблюдать провозглашенное и в том целовали крест.

Но только съезд окончился, один из князей — Давыд Игоревич — схватил с разрешения Святополка II на киевской земле князя Василька Теребовльского и велел его ослепить. Ни о чем подобном до тех пор на Руси не слыхивали. Инцидент возмутил всех, но тем не менее Святополк остался великим князем, а Давыда лишь в 1100 г. «сослали» княжить в Бужск. А что же православная церковь? Она, разумеется, осудила эту акцию с христианских позиций, но не более того. Ведь и в церкви единства не было. Как мы помним, «византийцы» — митрополичье окружение — враждовали с монашеской общиной Киево-Печерской лавры.

Вот пример, иллюстрирующий сложность отношений церковных партий, великого князя и его западных друзей. В Киево-Печерском патерике есть рассказ о печерском иноке Евстратии, проданном в Крыму торговцу-иудею. Тот требовал от инока отречения от Христа, мучил его и, не сломив голодом привыкшего к постам Евстратия, распял монаха. Монах погиб. Слух о случившемся прошел по всему Крыму и достиг Константинополя. Император Византии Алексей Комнин преступлений не прощал, шутить не любил и уничтожил еврейскую общину в Крыму.

Лаврская братия, несомненно, не пребывала в неведении относительно обращения еврейского торговца с монахом их собственного монастыря. И тем не менее это не мешало братии иметь с еврейскими ростовщиками одного покровителя — князя Святополка II. Не случайно в «Повести временных лет», созданной Нестором в лавре, многие недостойные качества Святополка оказались старательно затушеваны летописцем в угоду покровителю монастыря. Свои претензии к Святополку первый историк земли Русской выразил крайне сдержанно, указав лишь, что Святополк отнял у монахов соляные промыслы — одно из выгодных предприятий для XI—XII вв., хотя монахи не раз страдали из-за политики Святополка. Тот же Нестор сообщает, что в мае 1095 г. половецкий хан Боняк, союзник черниговских князей и противник Святополка, совершил набег на Киев. Половцы захватили Киево-Печерскую лавру, грабили и убивали монахов. Взятый на Руси полон степняки, как обычно, отвели в Крым и продали местным купцам-работорогвцам.

Легко понять, что политика, проводимая Святополком II, была далека от стратегических, политических, экономических и культурных интересов Руси. Война с половцами велась из-за стремления за-

хватить как можно больше пленников и продать их на невольничьих рынках. Естественно, что киевляне были крайне недовольны политикой Святополка, но у него была достаточно сильная дружина, и в ней командовали «уные». Восставать в таких условиях горожанам было слишком рискованно. Но все люди смертны. В 1113 г. Святополк умер, и тогда прорвались народные страсти. Были разграблены дома многих бояр, двор тысяцкого Путяты и лавки евреев-ростовщиков. Так произошел первый в Киеве еврейский погром. Киевляне расправлялись с еврейскими купцами и их сторонниками, действуя с истинно народным размахом. Не все в городе одобряли стихийно начавшиеся действия киевлян. Богатые бояре понимали, что аппетит приходит во время еды, а значит, это безобразие может коснуться и их. Поэтому они послали депутацию во главе с митрополитом к Владимиру Мономаху, правителю сильному и достаточно популярному в народе.

ОТЕЦ И СЫН

Владимир явился с небольшим отрядом, киевляне не оказали ему никакого сопротивления, а, наоборот, признали великим киевским князем. Мономах потребовал прекратить истребление евреев, обещав киевлянам, что князь решат вопрос о еврейской общине. И на княжеском съезде в Выдобище этот вопрос был решен. Владимир Мономах заявил, что конфисковывать еврейское имущество, хотя и нежитое несправедливым путем, он не будет. Евреи сохранили право на все, приобретенное ими на Руси. Но им отказали в праве на жительство, а тайно приезжавшие лишались покровительства закона. Всем евреям предлагалось немедленно выехать туда, откуда они явились, для чего им был выделен необходимый конвой. После событий 1113 г. западничество на Руси исчезло до XIII в., и в дальнейшем боролись лишь две партии: провизантийская и русская.

Не менее эффективно решил Мономах и половецкую проблему. Русские рати, проигрывая отдельные стычки, легко выиграли войну со столь немобильным противником. Решающий поход в 1111 г. был общерусским. На Донце кочевники были разбиты, а в 1116 г. сын Владимира Мономаха — Ярополк разгромил половецкие вежи и на Дону. В 1120 г. тот же Ярополк уже не нашел половцев на Дону: кочевники ушли в глубь степей.

В итоге этих походов западные кочевья между Доном и Карпатами были приведены к покорности. Половцы, жившие на этой территории, вошли в состав Руси на началах автономии и, будучи некрещеными, стали называться «свои поганые» (от латинского *paganus* — «язычник»). В противоположность им половцы, жившие за Доном — на Волге и Кубани, — именовались «дикими». «Дикие» половцы обыкновен-

но выступали союзниками ростово-суздальских князей, тогда как их степные враги, жившие на южной границе Волыни, — торки — поддерживали князей волынских и киевских.

Итак, Владимир Мономах за годы своего великого княжения (1113—1125) решил обе проблемы: половецкую и еврейскую, установив на Руси относительный порядок. Он оставил в наследство своему сыну — Мстиславу Великому, вступившему после него на престол, только проблему Полоцкого княжества. И Мстислав, будучи, подобно своему отцу, талантливым человеком, захватил Полоцк, полоцких князей выслал в Византию, а территорию княжества присоединил к Русской земле. Это был период, когда вся Русь (то есть все восточное славянство) была объединена.

Мстислав Великий, хотя и княживший очень недолго (1125—1132), пользовался таким уважением, что был канонизирован Русской православной церковью.

НАЧАЛО КОНЦА

После смерти Мстислава Киевская держава стала быстро, спонтанно распадаться. Первым отпал Полоцк, куда в год смерти Мстислава Великого прибыли из Византии полоцкие князья. Они были приняты согражданами, и Полоцк вернулся к самостоятельности. Затем, в 1135 г., отделился Новгород. Новгородская «республика» перестала посылать деньги в Киев.

В Киеве некоторое время (до 1139 г.) правил брат Мстислава Ярополк. Он умер, оставив престол брату Вячеславу. И тут в судьбу киевского великокняжеского стола вмешался Чернигов. Сын Олега Всеволод напал на Киев, выгнал Вячеслава и сел на киевский престол, объявив себя великим князем. Против него выступила ветвь Мономашичей, которых поддерживала Волынь. Изяслав, племянник Вячеслава, пытался вернуть Киев потомству Мономаха, но Всеволод — князь крутой, умный и жестокий — держался на великом княжении вплоть до своей смерти (1146).

Менее удачлив оказался его брат Игорь — человек на редкость неталантливый. Меньше чем за месяц своего правления он сумел настроить против себя киевлян, и, когда Изяслав Мстиславич, внук Мономаха, явился с Волыни с отрядом торков, киевское ополчение покинуло князя Игоря. Потерпев поражение под стенами столицы, он пытался бежать, но его конь увяз в болоте около речки Лыбедь. Игоря схватили и заточили в поруб, где он сидел до тех пор, пока третий брат — Святослав Ольгович — не собрал в Чернигове силы для освобождения свергнутого Игоря, постригшегося в заключении в монахи. Но ненависть киевлян, видевших в Игоре своего врага, была опасна

и монаху. Изяслав послал дружину вывести Игоря из поруба и отвести в храм Святой Софии, где бы святость места охраняла его (собор пользовался правом убежища). Но киевляне на соборной площади отбили его у стражников и растоптали ногами, а труп бросили здесь же без погребения (1147).

Началась упорная война между Черниговским и Киевским княжествами. В это время отделилась и стала фактически самостоятельной Ростово-Суздальская земля, где правил сын Мономаха — Юрий Долгорукий, законный глава старшей линии Мономашичей. Изяслав же, любезный киевлянам, относился к младшей линии Мономашичей. Перечислять все бесконечные столкновения, пожалуй, не имеет смысла. Достаточно отметить то, что Долгорукий умер от яда (1157). Его сын Андрей Юрьевич Боголюбский (живший в селе Боголюбове, откуда и прозвище) унаследовал Ростово-Суздальское княжество отца.

Как видим, дети Мономаха схлестнулись с его внуками не на жизнь, а на смерть. Борьба ростово-суздальских князей Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского с волынскими князьями: Изяславом Мстиславичем, Мстиславом и Романом за киевский стол, конечно, была борьбой дядьев с племянниками, но рассматривать ее как семейную ссору — неправильно. Действительно, в соответствии с этикетом того времени, летописцы писали: «князь пошел», «князь решил», «князь свершил» — независимо от того, было ли князю шесть лет, тридцать три года или шел восьмой десяток. Очевидно, что так быть не могло. Как уже говорилось, боролись между собой стоявшие за князьями военно-политические группировки, выражавшие интересы тех или иных земель распадавшегося Русского государства. Процесс этот, начало которому исподволь положили решения Любечского съезда князей (1097), через 70 лет стал необратимым, и Киевская держава к началу XIII в. разделилась на несколько независимых государств.

Окончательно обособились Северо-Восточная Русь и юго-западные земли (Волынь, Киевщина и Галиция). Самостоятельным государством стало Черниговское княжество, где правили Ольговичи и Давидовичи. Выделились и Смоленск, и Турово-Пинская земля. Обрел полную независимость Новгород. А половцам, завоеванным и подчиненным, даже не пришлось нарушать своих обязательств: они сохраняли автономию, на которую русские князья и не думали покушаться.

Государственный распад Руси отражал происходивший распад этнической системы: хотя во всех княжествах жили по-прежнему русские и все они оставались православными, чувство этнического единства между ними разрушалось.

Ярким примером утраты этнической комплиментарности стал поступок князя Андрея Боголюбского. В 1169 г., захватив Киев, Андрей

отдал город на трехдневное разграбление своим ратникам. До того момента на Руси было принято поступать подобным образом лишь с чужеземными городами. На русские города ни при каких междоусобицах подобная практика никогда не распространялась.

Приказ Андрея Боголюбского показывает, что для него и его дружины в 1169 г. Киев был столь же чужим, как какой-нибудь немецкий или польский замок. Следовательно, в конце XII в. Древняя Русь вступила в новую фазу этногенеза — обскурацию. Пассионарность Руси неуклонно снижалась, и потому разнообразие ландшафтов, традиций и вариаций поведения вело к торжеству центробежных тенденций. В силу этого обстоятельства и оказалась Русь разорванной на отдельные княжества и уделы, которым в этническом смысле соответствовали различные этносы и субэтносы. Последние были крайне разнообразны. Так, в Смоленской земле имелось около десятка уделов, то же самое наблюдалось на территории Ростово-Суздальского и Черниговского княжеств. В Галицкой земле даже сохранилась область, в которой правили не Рюриковичи, а потомки древних славянских вождей — болоховские князья.

Языческие балтские и угро-финские племена: ятвяги, литва, жмудь, эсты, мордва, черемисы, зыряне, заволоцкая чудь — по-прежнему оставались за пределами Руси. Такой она и вступила в тринадцатое столетие — век своей трагической гибели.

Часть вторая

В СОЮЗЕ С ОРДОЙ

1. Рождение Монгольской империи

ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ

Тринадцатый век, без сомнения, является наиболее сложным столетием русской истории. Ни одна другая эпоха не породила исторических мифов больше, нежели последний век существования Киевской Руси. Тому имеются веские причины: этногенез Руси, как мы уже говорили, в XII в. вступил в фазу обскурации. Если бы дело ограничилось ненарушенным развитием этнической системы, то мы в данном случае фиксировали бы лишь грозное нарастание разрушительных тенденций, которые начали проявлять себя уже во второй половине XII в. Однако этногенез Киевской Руси оказался усложнен этническими контактами с представителями совершенно иных суперэтносов: Монгольского улуса и «Христианского мира».

История Западной Европы XIII в. описана даже слишком подробно, чего не скажешь об истории Монгольского улуса. Однако без экскурсии в историю монголов нам неминуемо останутся непонятными русские коллизии не только XIII, но и последующих веков. Потому, оставив на время Европу, перенесемся далеко на восток и познакомимся с народом, сыгравшим решающую роль в истории Евразии XIII—XV вв.

Посреди Евразийского континента тянется Великая степь, ограниченная с севера сибирской тайгой, а с юга — горными системами. Она четко делится Алтаем, Сауром, Тарбагатаем и западным Тянь-Шанем на две непохожие друг на друга части. Восточная часть Великой степи называется Внутренней Азией, в ней расположены Монголия, Джунгария и Восточный Туркестан. От Сибири Внутреннюю Азию отделяют Саяны и хребты Хамар-Дабан и Яблоневый, от Тибета — Куньлунь и Наньлань, от Китая — Великая китайская стена, точно соответствующая границе между сухой степью и субтропиками на севере страны. Западная часть Великой степи включает не только нынешний Казахстан, но и степи Причерноморья. В отдельные периоды Великая

степь охватывала даже часть территории Венгрии — так называемую пушту.

С точки зрения географии, вся Великая степь представляет собой единый, четко очерченный регион, хотя климатические различия двух ее частей весьма заметны. Атмосферные токи, несущие дождевые или снежные тучи, имеют свои законы движения. Циклоны с Атлантики доносят влагу только до горного барьера, отделяющего восточную степь от западной. А над Монголией постоянно стоит огромный антициклон. Его воздух сух и прозрачен, через него легко проходят солнечные лучи, нагревающие поверхность земли. Зимой здесь выпадает мало снега, и травоядные животные могут, разгребая его, добывать корм — сухую траву. Весной раскаленная почва разогревает нижние слои воздуха, и те поднимаются вверх. В освободившееся приземное пространство на севере вторгается сухой воздух из Сибири, а на юге — влажный с Тихого океана. Этой влаги достаточно, чтобы степь зазеленела и обеспечила копытных животных кормом на весь год. А там, где сыт скот, процветают и люди. Вот почему именно на востоке Великой степи сложились благоприятные условия для создания могучих кочевых держав хуннов, тюрков и монголов.

На западе же степи толщина снежного покрова превышает 30 см. Более того, во время оттепелей снег часто образует очень прочный наст, и тогда скот гибнет от бескормицы. В связи с этим скотоводы вынуждены летом гонять скот на горные пастбища — джейляу, а на зиму — заготавливать сено. Вспомним, что обитавшие в Причерноморье половцы имели постоянные зимовья и потому находились в зависимости от древнерусских князей, ибо, скованные в передвижении, они не могли уклониться от ударов регулярных войск. Поэтому в западной части Великой степи сложился иной быт людей и иные условия для обретения степняками независимости, нежели в восточной.

Но в мире нет ничего постоянного. Циклоны и муссоны иногда изменяют направления своего движения и проходят не над степью, а над тайгой или даже тундрой. Тогда недостаток влаги расширяет пустыни Гоби и Бет-пак-Дала, оттесняет растения и животных на север, к Сибири, и на юг, к Китаю. Вслед за травой, необходимой для скота, и животными, на которых охотятся, уходят и люди — обитатели Великой степи. Именно в такие эпохи усыхания Великой степи становились неизбежными контакты кочевников и оседлого населения Китая,

Китайские хронисты, описывая народы, обитавшие к северу от Китая, в Великой степи, называли всех степняков одним именем — «татары», подобно тому как мы, говоря «европейцы», называем этим словом и шведов, и испанцев. Однако на самом деле этноним «татары» был названием лишь одного из многочисленных степных племен.

Сами татары делились на три ветви: «белые», «черные» и «дикие». «Белые» татары — онгуты — жили вдоль границы Великой степи и подчинялись маньчжурской империи Кинь; они охраняли страну, получая за это плату. Поэтому у них были шелковые одежды для жен, фарфоровая посуда и другая иноземная утварь. «Черные» татары занимали открытую степь к северу от пустыни Гоби и подчинялись своим ханам, презирая «белых» татар, которые продали свою свободу и независимость за тряпки и чашечки. Сами они пасли скот, который кормил их и одевал, так как ходили они в одеждах из шкур, ныне называемых дубленками.

Однако «черные» татары вызывали не меньшее презрение у «диких», занимавших территории еще севернее. У «диких» татар отсутствовали даже зачатки государственности, поскольку подчинялись они лишь старшим в роду, а если подчинение становилось в тягость, младшие всегда могли отделиться. Хозяйство «диких» татар основывалось на охоте и рыболовстве, так как больше всего на свете они ценили свою волю. Для девушки из числа «диких» татар выйти замуж за «черного» татарина, который будет заставлять ее доить коров или пасти овец, считалось унижительным наказанием.

Как мы видим, у степняков различных племен стереотипы поведения были разные. Отношение к власти, к родству, к природе — все различало «белых», «черных» и «диких» татар между собой.

Одним из небольших народов Великой степи были монголы, обитавшие в пограничье «черных» и «диких» татар, в восточном Забайкалье. Своими прародителями монголы считали Борте-Чино (Серого Волка) и Алан-Гоа (Пятнистую Лань). К XI—XII вв. в лесостепных урочищах к северу от реки Онон обитали несколько монгольских родов, в состав которых вошли окрестные аборигены.

По рекам Селенге и Толе в центральной части Монголии кочевал народ кераиты. Кераиты управлялись ханами — уважаемыми людьми, которые получали соответствующие должности в зависимости от своей популярности в народе. Жили кераиты не семейными общинами из двух-трех юрт — айлами, а куренями, когда множество юрт ставилось вместе, окружалось телегами и охранялось воинами, ибо кераиты боялись нападения. Они, в отличие от соседних народов, в 1009 г. приняли христианство несторианского толка и с тех пор стали очень набожным народом.

К западу от кочевий кераитов, в предгорьях Алтая, обитал народ найманы (монгольское слово «найма» значит «восемь» — именно столько родов имелось в их племени). Найманы были потомками киданей, вытесненных чжурчженями (маньчжурами) с прежних становищ. Берега Байкала, к востоку от нынешних Иркутска и Верхнеудинска, занимало храброе и воинственное племя меркитов, а в Сая-

но-Алтае расселились племена ойратов. Все племена Великой степи часто враждовали между собой, но конфликты носили характер пограничных стычек.

Жизнь кочевников была обеспеченной, но трудной, а главное — бесперспективной. Все высшие должности можно было занять только по праву рождения, которое определялось очень сложно, и случилось так, что двухлетний ребенок получал право стать ханом и иметь звание нойона (князя), а мудрый старец или могучий богатырь такой возможности не имел. Но так бы и жили степняки привычной жизнью, проводя ее среди родной природы в повседневных трудах и стычках с соседями, если бы прошедший по широте Байкала пассионарный толчок XI в. не вызвал вспышку этногенеза двух враждовавших народов — монголов и чжурчженей.

Среди степняков уже к концу XI в. стало заметно появление людей с нетрадиционным поведением. Храбрые молодые люди, способные к активной деятельности и стремившиеся получить награду за свои подвиги в походах и войнах, оказывались обделены теми, кто был выше по происхождению, но значительно уступал им по способностям. И вот эти люди с новыми взглядами уходили из своих куреней в леса и горы. Жили они или охотой, или кражей овец и лошадей у своих соседей. Соседи, конечно, устраивали облавы и истребляли нарушителей традиций, но число людей, покидавших свои становища, все увеличивалось, и назывались они — «люди длинной воли».

Параллельно монгольскому шел и чжурчженьский пассионарный подъем, приведший к покорению маньчжурами царства киданей в Северном Китае.

Надо сказать, что монголы и маньчжуры традиционно враждовали, что проявлялось в форме набегов, открытых столкновений и т. д. Но с ростом энергетических потенциалов этих народов характер противостояния изменился. Известно следующее легендарное обоснование ужесточения монголо-маньчжурской вражды: якобы какой-то гадалка предсказал чжурчженьскому Богдо-хану, императору Северного Китая, что его народ погубят именно кочевники-монголы. Император решил предупредить усиление монголов и стал ежегодно посылать на их становища военные отряды, которые истребляли мужчин, хватали женщин и детей, приводили их в Китай и продавали в рабство. Китайцы покупали пленников для работы на плантациях. Некоторым монголам удавалось бежать. Естественно, что они помнили нанесенные им обиды, и «мщение проникло в их мозг и кровь».

Когда постоянные набеги маньчжуров приняли устрашающий характер, монголы осознали необходимость объединения. Их племена организовались и избрали хана. Первый монгольский хан, проявивший себя как значительный государь, носил имя Хабул. Хабул-хан

правил в 30—40-х годах XII в. и сумел остановить натиск маньчжуров. В то время, когда китайцы, потерпев сокрушительное поражение от чжурчженей, были вынуждены уступить им большие территории, монголы разбили чжурчженей и заставили их оттянуть войска от монгольских рубежей. Однако вскоре после смерти Хабул-хана (1149) племенной союз монголов распался, так как обыватели, составлявшие большинство, не мыслили себя подчиненными «людям длинной воли» и оказывали им очень слабую поддержку. Обыватели предпочитали по-прежнему кочевать: аилами на севере, где было безопасно, и куренями на юге, где им угрожали татары и чжурчжени.

Маньчжурская империя, напротив, чрезвычайно усилилась в тот период. Чжурчжени в борьбе со степняками пользовались хитрым и очень жестоким способом борьбы — они выкрадывали талантливых монгольских вождей и предавали мучительной смерти: приколачивали гвоздями к деревянному ослу и выставляли под южное солнце. Человек умирал довольно быстро, но в ужасных мучениях.

В эти же годы в племени кераитов продолжались разногласия. Законный наследник по имени Тогрул был выдан врагами его отца меркитам. Отец высвободил его, но Тогрула схватили татары. Он убежал от татар и взял принадлежавшую ему власть, но оппозиция в орде кераитов была очень сильна, потому что могущественные родственники молодого хана, опираясь на свои курени, всячески мешали объединению. Тогрулу приходилось то и дело убежать из своей страны. При этом найманы, жившие на самом западе Монголии, вступили в союз с кераитской оппозицией и с маньчжурами.

Казалось, народы Великой степи никогда не смогут объединить свои силы для защиты от врага. Будущее степняков представлялось самым мрачным.

ЮНОСТЬ ЧИНГИСА

В середине XII в., после гибели нескольких монгольских ханов, оборону монголов от чжурчженей и их союзников — татар — возглавил потомок Хабул-хана Есугей-багатур («багатур» значит «богатырь»). Человек храбрый и решительный, Есугей-багатур был не ханом, а главой рода Борджигинов, который обитал в районе к северу от современной российско-монгольской границы, там, где сейчас расположен город Нерчинск.

Когда-то Есугей, будучи еще совсем молодым человеком, охотился в степи с соколом и вдруг увидел, как какой-то меркит везет в телеге, запряженной очень хорошей лошастью, девушку исключительной красоты. Есугей позвал своих братьев, и монголы бросились в пого-

ню за добычей. Увидев преследователей, девушка горько заплакала и сказала меркиту, своему жениху: «Ты видишь этих людей — они тебя убьют, брось меня, уезжай, я буду вечно тебя помнить». Потом сняла с себя рубашку и отдала ему на память. Монголы уже приближались — меркит быстро выпряг коня, ожег его плетью и ушел от погони. А братья запрягли своих лошадей в телегу и, привезя плачущую девушку домой, сказали: «Забудь о своем женихе, наш Есугей живет без женщины» — и выдали ее за Есугея. Жену Есугея, имя которой осталось в истории, звали Оэлун.

Брак оказался счастливым. В 1162 г. Оэлун родила первенца — Тэмуджина, а впоследствии еще трех сыновей: Хасара, Хачиун-беки, Тэмугэ — и дочь Тэмулун. От второй жены (монголы многоженство разрешали и поощряли) — Сочихэл — у Есугея родилось еще двое сыновей: Бектер и Бельгутей.

Когда Тэмуджин подрос и ему исполнилось 9 лет, то по монгольскому обычаю он должен был быть помолвлен. Отец договорился о помолвке Тэмуджина с родителями красивой десятилетней девочки по имени Бортэ из соседнего племени хонкират и повез сына в становище будущего тестя. Оставив Тэмуджина у хонкиратов, чтобы он привык к своей невесте и будущим родственникам, Есугей отправился в обратный путь. По дороге он увидел нескольких человек, сидевших у огня, которые, как и положено в степи, пригласили его разделить трапезу. Есугей подъехал ближе и лишь тут понял, что это были татары. Бежать было бесполезно, потому что татары погнались бы за ним, а конь Есугея устал. Гостя же у походного костра по степной традиции тронуть не мог никто.

У Есугея не оставалось выбора — он принял приглашение и, поев, благополучно уехал. Но по дороге Есугей почувствовал себя плохо и решил, что его отравили. На четвертый день, добравшись домой, он умер, завещав родне отомстить татарам. Трудно сказать, насколько прав был Есугей в своих подозрениях, но важно другое: он допускал, что татары могли его отравить, то есть совершить неслыханное до того нарушение обычаев степняков.

Сподвижники отца съездили за Тэмуджином и привезли мальчика домой. Как старший сын, он стал главой рода, и тут выяснилось, что вся сила племени заключалась в воле и энергии Есугея. Своим авторитетом он заставлял людей ходить в походы, защищаться от врага, забывать местнические счеты ради общего дела. Но поскольку Есугей не был ханом, его влияние кончилось с его смертью. Соплеменники не имели никаких обязательств перед семьей Есугея и покинули Борджигинов, отогнав весь их скот, по существу обрекая семью Есугея на голодную смерть: ведь старшему, Тэмуджину, было только 9 лет, а остальным — и того меньше.

Инициаторами такой жестокости стали тайджиуты — племя, которое было враждебно настроено по отношению к Есугею. Тогда Оэлун схватила знамя Есугея, поскакала за отъезжавшими и пристыдила их: «Как вам не стыдно бросать семью вашего вождя!» Некоторые вернулись, но потом опять ушли, и все трудности воспитания детей и добычи пищи для семьи легли на плечи двух женщин: Оэлун и Сочихэл — старшей и младшей жен Есугея. Они ловили сурков, чтобы получить хоть какое-нибудь мясо, и собирали дикий чеснок — черемшу. Тэмуджин ходил к реке и пытался подстрелить тайменей. Как все монголы, он умел стрелять сквозь воду, несмотря на то что вода преломляет свет, искажая изображение, и попасть в цель очень трудно. Даже летом семья жила впроголодь, делая запасы на зиму.

Между тем соплеменники, оскорбившие и бросившие семью Есугея, продолжали следить за ней, так как опасались заслуженной мести. По-видимому, им удалось сделать соглядатаем старшего сына Сочихэл — Бектера. Бектер, почувствовав за собой силу, начал вести себя пренебрежительно по отношению к детям Оэлун. Тэмуджин и Хасар не выдержали издевательств сводного брата и застрелили его из лука.

К этому времени уже вполне сложились характеры и определились наклонности детей Есугея. Хасар был храбрый и сильный парень, отличный стрелок. Тэмугэ стал нежным и послушным сыном, он заботился о матери и мачехе. Хачиун-Беки не обладал никакими достоинствами. В Тэмуджине же и друзья и враги отмечали выдержку, волю, упорное стремление к цели. Конечно, все эти качества пугали врагов Борджигинов, и потому тайджиуты напали на юрту семьи Есугея. Тэмуджин успел убежать в таежную чащу, где, как гласит монгольский источник, не было даже тропинок, по которым «сытый змей мог бы проползти».

Через девять дней, мучимый голодом, Тэмуджин был вынужден сдаться. Он вышел в степь, где его схватили и привели в свое становище. За что же на него охотились? Да, очевидно, за убийство Бектера, тайджиутского шпиона. Тайджиуты не убили Тэмуджина. Таргугтай-Кирилтух — друг Есугея — смог спасти юношу от смерти, но не от наказания. На Тэмуджина надели колодку — две деревянные доски с отверстием для шеи, которые стягивались между собой. Колодка была мучительным наказанием: человек не имел возможности сам ни поесть, ни попить, ни даже согнать муху, севшую ему на лицо. К тому же доски приходилось все время держать руками, чтобы они не сдавливали шею.

Тэмуджин внешне сносил все совершенно безропотно. Но однажды, во время праздника полнолуния, тайджиуты устроили большую попойку и напились, оставив пленника под охраной какого-то слабого парня, которому архи (молочной водки) не дали. Тэмуджин улу-

чил момент, ударил парня колодкой по голове и убежал, придерживая доски руками. Но так далеко не убежишь — Тэмуджин добрался до берега Онона и лег в воду. Сторож, придя в себя, закричал: «Упустил я колодника!» — и вся пьяная толпа тайджиутов бросилась искать беглеца. Луна ярко светила, все было видно как днем. Вдруг Тэмуджин понял, что над ним стоит человек и смотрит ему в глаза. Это был Сорган-Шира из племени сулдус, который жил в становище тайджиутов и занимался своим ремеслом — делал кумыс. Он сказал Тэмуджину: «Вот за то тебя и не любят, что ты так сметлив. Лежи, не бойся, я тебя не выдам».

Сорган-Шира вернулся к преследователям и предложил еще раз все обыскать. Легко понять, что пленник обнаружен не был. Пьяные тайджиуты хотели спать и, решив, что человек в колодке далеко не уйдет, прекратили поиски. Тогда Тэмуджин выбрался из воды и пошел к своему спасителю. Сорган-Шира, увидев, что колодник вползает к нему в юрту, испугался и уже хотел было прогнать Тэмуджина, но тут запротестовали дети Сорган-Ширы: «Нет, что ты, отец. Когда хищник загонит пташку в чащу, то ведь и чаща ее спасает. Мы не можем его выгнать, раз он гость». Они сняли с Тэмуджина колодку, изрубили ее и бросили в огонь. У Сорган-Ширы оставался только один выход — спасти Тэмуджина, и потому он дал ему лошадь, лук, две стрелы, но не дал кремня и огнива. Ведь лошади паслись в степи, лук хранился на верхнем карнизе двери юрты, и их легко было украсть, а кремль и огниво каждый степняк носил с собой. Если бы Тэмуджина схватили и нашли у него огниво или кремль Сорган-Ширы, семье спасителя и ему самому пришлось бы плохо.

Тэмуджин ускакал и через некоторое время нашел свою семью. Борджигины сразу же перекочевали на другое место, и тайджиуты больше не смогли их обнаружить. Вот это обстоятельство и показывает, что Бектер действительно был доносчиком: после его смерти некому стало сообщать врагам о местах кочевий Борджигинов. Затем Тэмуджин женился на своей нареченной Бортэ. Ее отец сдержал свое слово — свадьба состоялась. Приданым Бортэ стала роскошная соболья шуба. Тэмуджин привез Бортэ домой... и драгоценную шубу у нее немедленно «изъял». Он понимал, что без поддержки ему не устоять против многочисленных врагов, и потому вскоре направился к самому могущественному из тогдашних степных вождей — Ван-хану из племени кераитов. Ван-хан был когда-то другом отца Тэмуджина, и ему удалось заручиться поддержкой Ван-хана, напомнив об этой дружбе и поднеся роскошный подарок — соболью шубу Бортэ.

Но не успел счастливый от достигнутого успеха Тэмуджин вернуться домой, как становище Борджигинов подверглось новому нападению. На этот раз напали меркиты, вынудившие семью скрыться

на горе Бурхан-халдун. При этом не обошлось без потерь: в плен была захвачена Бортэ и вторая жена Есугея — Сочихэл. Тэмуджин, потеряв любимую жену, был в отчаянии, но не в растерянности. Гонцы Борджигинов поскакали к его побратиму Джамухе-Сэчену из племени джаджират и кераитскому Ван-хану. Объединенное войско возглавил Джамуха, бывший талантливым полководцем.

Поздней осенью 1180 г., когда уже выпал первый снежок, воины Джамухи и Тэмуджина внезапно обрушились на кочевье меркитов, находившееся к востоку от Байкала. Враги, захваченные врасплох, бежали. Тэмуджин же хотел найти свою Бортэ и звал ее по имени. Бортэ услышала и, выбежав из толпы женщин, ухватилась за стремя мужниного коня. А Сочихэл ушла с похитителями. Похоже, она стала выполнять ту же шпионскую обязанность, что и ее сын Бектер: ведь кроме нее никому было сообщить меркитам, где находится кочевье Борджигинов и как можно организовать нападение. Сочихэл не вернулась, и напрасно ее сын — добродушный Бельгутей, который очень любил свою мать, требовал от меркитов, чтобы ему ее возвратили.

Надо сказать, что, хотя Бельгутей был сыном предательницы и братом предателя, Тэмуджин, зная, что сам Бельгутей человек чистосердечный, ценил его, любил и всегда видел в нем своего ближайшего родственника. Это, конечно, совсем не плохо характеризует человека, из которого историки пытались сделать чудовище! Читая написанное современниками о Тэмуджине, необходимо помнить, что писали о нем люди, крайне дурно к нему настроенные. А ведь даже Дьявол (Иблис) в мусульманской поэзии говорит: «Меня рисуют в банях таким безобразным, потому что кисть — в ладони моего врага».

Поход на меркитов сильно повысил авторитет и известность Тэмуджина, но не среди всех обитателей степи, а среди их пассивной части — «людей длинной воли». Одинокие богатыри увидели, что имеет смысл поддержать инициативного сына Есугея, даже рискуя жизнью. И начался процесс, который, сами того не подозревая, спровоцировали кераитский хан и джаджиратский вождь: вокруг Тэмуджина стали собираться степные удальцы. Они-то в 1182 г. и избрали его ханом с титулом «Чингис».

Само слово «Чингис» непонятно. Д. Банзаров, бурятский исследователь, считает, что это имя одного из шаманских духов. Другие полагают, что титул произошел от слова «чингиху» — «обнимать», следовательно, «Чингис» — титул человека, имевшего всю полноту власти. Как бы там ни было, у монголов установилась новая система правления. Назвать ее принцип монархическим довольно трудно, потому что хан был отнюдь не самодержавен, а, напротив, не мог не считаться с нойонами — главами примкнувших к нему племен — и со

своими богатырями. Таким образом войско надежно ограничивало волю хана.

Государственным устройством не предусматривалось и право наследования, хотя впоследствии каждый новый хан избирался только из потомков Чингиса. Но это было не законом, а выражением воли самих монголов. Уважая Чингисхана, его заслуги перед народом, они не видели оснований отказывать в наследовании престола его потомкам. Кроме того, монголы верили во врожденный характер человеческих достоинств и недостатков. Так, склонность к предательству считалась столь же неотторжимым атрибутом наследственности, как цвет глаз или волос, и потому предателей истребляли беспощадно вместе с их родственниками.

Избрание ханом стало неожиданностью для Тэмуджина: все другие претенденты на престол из числа потомков Хабул-хана просто отказались от этой обременительной должности. Весть об избрании Тэмуджина ханом по-разному была встречена в степи. Ван-хан был очень доволен таким оборотом дела, а вождь джаджиратов Джамуха воспринял весть о возвышении своего побратима с раздражением. Как на грех, при попытке отогнать из владений Чингиса табун, оказался убитым брат Джамухи — Тайчар. Под предлогом мести Джамуха с тридцатитысячным войском двинулся на Чингиса. Не достигнув решающего успеха в разгроме врага, вождь джаджиратов ограничился жестокой расправой с пленными и отступил.

Проявление непривычной для степняков жестокости лишило Джамуху популярности. Два наиболее крупных и боеспособных племени — уруты и мангуты — откочевали к Чингису. На пиру в честь избавления от Джамухи брат Чингисхана Бельгутей поймал вора, укравшего узду и поводок с коновязи. Богатырь Бури-Бобо из племени чжурки (юрки) вступился за вора. Произошла драка, закончившаяся для чжурки плачевно. Когда Чингис выступил в очередной поход против татар, чжурки, памятуя о ссоре, не пришли на помощь своим, а двинулись на беззащитные монгольские юрты, ограбили и убили десяток немощных стариков. Вернувшийся из похода Чингис решил наказать племя чжурки и разгромил их кочевья. Вожди племени были казнены, а уцелевшие воины включены в войско монгольского хана.

Детали происшедшего в дальнейшем (1185—1197) точно не известны, но лакуна в исторических знаниях вполне может быть заполнена при помощи сведений содержательной книги «Мэн-да Бэй-лу» («Тайная история монголов»). «Мэн-да Бэй-лу» сообщает, что Тэмуджин был захвачен в плен маньчжурами и 11 лет провел в темнице. Потом он каким-то образом спасся и вернулся в степь.

Теперь Чингису пришлось все начинать заново. Из 13 тысяч всадников осталось менее 3 тысяч, монголы не только потеряли все те

преимущества, которые приобрели за время правления Чингисхана, но и перессорились друг с другом. Даже Хасар бросил своего брата и пошел служить хану кераитов.

Но уже в 1198 г. Тэмуджин опять стоял во главе мощной орды. Что позволило ему так быстро вернуть утраченное? Вероятно, снова сказало увеличение пассионарности монголов. Число «людей длинной воли» росло; росло и их желание устроить жизнь по-своему. Следовательно, им по-прежнему был необходим вождь, который приказывал бы им делать то, что они хотели выполнять. Ведь соперники Чингиса — родовитые нойоны Алтаи, Хучар, Сэчэ-беки — мечтали о старом порядке, основанном на произволе, праве на безобразия, отсутствии верности обязательствам; сторонники же Чингиса желали твердого порядка, гарантий взаимовыручки и уважения своих прав. Прекрасно поняв чаяния своих последователей, Чингисхан сформулировал новый свод законов — Великую Ясу. Яса отнюдь не являлась модификацией обычного права, а основывалась на обязательности взаимопомощи, единой для всех дисциплине и осуждении предательства без каких-либо компромиссов.

Таким образом, Яса Чингисхана, по сути дела, явилась регламентацией тех новых стереотипов поведения, которые отстаивали «люди длинной воли». Ничего подобного не знала монгольская практика. Так, по Великой Ясе, каждого предателя, то есть человека, обманувшего доверившегося ему, предавали смертной казни. Простым людям отрубали голову, а людям высокого происхождения ломали позвоночник так, чтобы кровь оставалась в теле убитого. В этом случае, по монгольскому поверью, убитый мог возродиться к новой жизни. Если же кровь вытекала на землю, человек терял не только жизнь, но и душу.

Точно так же смертная казнь полагалась и за неокказание помощи боевому товарищу. Например, встретив любого соплеменника в пустыне, каждый монгол был обязан (!) предложить ему попить и поесть. Ведь путник, который не имел возможности подкрепить силы, мог умереть, и тогда на нарушившего закон падало обвинение в убийстве. Если кто-то из воинов терял лук или колчан со стрелами, то ехавший сзади должен был поднять и вернуть ему оружие. Нарушение этого правила также приравнивалось к неокказанию помощи и влекло за собой смертную казнь.

Кара смертью была воздаянием и за убийство, блуд мужчины, неверность жены, кражу, грабеж, скупку краденого, сокрытие беглого раба, чародейство, направленное во вред ближнему, трехкратное невозвращение долга. За менее тяжкие преступления полагалась ссылка в Сибирь или наказание штрафом.

Яса — неслыханное нарушение племенных обычаев — ознаменовала конец скрытого («инкубационного») периода монгольского этно-

генеза и переход к явному периоду фазы подъема с новым императивом: «Будь тем, кем ты должен быть!» Законодательно закрепленный принцип взаимовыручки дал пассионарному субэтносу сторонников Чингиса возможность координировать свои усилия. Однако большая часть монголов упорно предпочитала привычные формы родового быта, а не жизнь военной орды.

Врагами монголов Чингиса по-прежнему были и меркиты, и найманы, и татары, и чжурчжени, и ойраты, а единственный союзник — кераиты во главе с Ван-ханом — надежностью не отличался. «Люди длинной воли», как и раньше, должны были защищаться, чтобы жить. Но теперь возросшая пассионарность диктовала им стремление к победам, ибо в те времена только победа над врагами была способна избавить народ от постоянной угрозы. И войны за победу начались. Выход монголов на арену мировой военно-политической истории стал переломным моментом в существовании всего Евразийского континента.

ЗА ПРАВО НА ЖИЗНЬ

В самом начале XIII в., в 1202—1203 гг., которые были переломными для всей ситуации в степи, монголы разбили сначала меркитов, а затем и кераитов. Дело в том, что кераиты разделились на сторонников Чингисхана и его противников. Противников Чингисхана возглавил сын Ван-хана, законный наследник престола — Нилха (у кераитов, христиан несторианского толка, это имя соответствовало имени Ильи). У Нилхи были основания ненавидеть Чингисхана: еще в то время, когда Ван-хан был союзником Чингиса, вождь кераитов, видя неоспоримые таланты последнего, хотел передать ему кераитский престол, минуя собственного сына. Столкновение этой части кераитов с монголами произошло еще при жизни Ван-хана. И хотя кераиты имели численное превосходство, монголы разбили их благодаря тому, что проявили исключительную мобильность и захватили противника врасплох.

В столкновении с кераитами в полной мере проявился характер Чингисхана. Когда Ван-хан и его сын Нилха бежали с поля боя, один из их нойонов с небольшим отрядом задерживал монголов, спасая своих вождей от плена. Этого нойона схватили, привели пред очи Чингиса, и тот спросил: «Зачем же ты, нойон, видя положение своих войск, сам не ушел? У тебя же были и время и возможность». Тот ответил: «Я служил своему хану и дал возможность ему убежать, а моя голова — для тебя, о победитель». Чингисхан сказал: «Надо, чтобы все подражали этому человеку. Смотрите, как он смел, верен, доблестен. Я не могу тебя убить, нойон, я предлагаю тебе место в своей армии». Нойон стал тысячником и, конечно, верно служил Чингисхану, пото-

му что кераитская орда распалась. Сам Ван-хан нелепо погиб при попытке бежать к найманам. Их стражники на границе, увидев кераита, недолго думая, убили его, а отрубленную голову старика поднесли своему хану.

В 1204 г. произошло неизбежное столкновение монголов Чингисхана и могущественного найманского ханства — орды со смешанным населением, состоявшим из монголов-найманов и примкнувших к ним тюрок. И вновь одержали победу монголы Чингиса. Хан найманов погиб, а его сын Кучлук (Гуш-лук) убежал к своим соплеменникам — кара-китаям. Победенные, как обычно, были включены в состав орды Чингиса.

В восточной степи больше не нашлось племен, способных активно сопротивляться новому порядку, и в 1206 г. на великом курултае Чингис был вновь избран ханом, но уже всей Монголии. Так родилось общемонгольское государство. Единственным враждебным ему племенем оставались старинные враги Борджигинов — меркиты, но и те к 1208 г. оказались вытесненными в долину реки Ирғиз.

Растущая пассионарность орды Чингисхана позволила ей довольно легко и плодотворно ассимилировать разные племена и народы. Ибо, в соответствии с монгольскими стереотипами поведения, хан мог и должен был требовать покорности, повиновения приказу, выполнения обязанностей, но требовать от человека отказа от его веры или обычаев считалось делом не только глупым, но и аморальным — за индивидом оставалось право на собственный выбор. Подобное устройство привлекало многих. В 1209 г. независимое государство уйгуров прислало к Чингисхану послов с просьбой принять их в состав его улуса. Просьбу, естественно, удовлетворили, и Чингисхан дал уйгурам огромные торговые привилегии. Через Уйгурию шел караванный путь, и уйгуры, оказавшись в составе монгольского государства, разбогатели за счет того, что по высоким ценам продавали воду, фрукты, мясо и «удовольствия» изголодавшимся караванщикам.

Добровольное соединение Уйгурии с Монголией оказалось полезным и для монголов. Во-первых, степняки, не имея собственной письменности, заимствовали уйгурскую. (Интересно, что первым грамотеем в улусе стал татарин по происхождению, мальчик-сирота Шихи-Хутуху, воспитанный матерью хана — Оэлун.) Во-вторых, с присоединением Уйгурии монголы вышли за границы своего этнического ареала и соприкоснулись с иными народами Ойкумены.

В 1210 г. грянула тяжелая война с чжурчженями. Монгольское войско возглавляли Чингисхан, его сыновья Джучи, Чагатай, Угэдэй и полководец Джэбэ. Чжурчженьские полководцы талантами не уступали монгольским, но не имели войск, подобных войскам Чингисхана. Чжурчжени терпели поражения, но боролись упорно — война

продолжалась очень долго и закончилась только в 1234 г., уже после смерти Чингисхана, взятием последних твердынь империи Кинь — Кайфына и Цайчжоу,

В Кайфыне отчаянно сопротивлявшиеся чжурчжени просто умирили от голода. Они настолько ослабели, что не могли держать в руках оружие. Когда же им предложили сдаться, то воины сказали: «Пока в крепости есть мыши, мы их ловим и едим, а если их не будет, то у нас есть жены и дети, мы будем есть их, но не сдадимся». Такова была чжурчженьская пассионарность, ничем не уступавшая монгольской.

В 1216 г. на реке Ирғиз монголы наголову разбили остатки меркитов, но сами подверглись нападению хорезмийцев.

О Хорезме необходимо сказать подробнее. Хорезм оказался самым мощным из государств, возникших в XII в., при ослаблении державы Сельджукидов¹. Властители Хорезма из наместников правителя Ургенча превратились в независимых государей и приняли титул «хорезмшахов». Они оказались энергичными, предприимчивыми и воинственными правителями. Это позволило хорезмшахам завоевать большую часть Средней Азии. Они покорили даже южный Афганистан, соединив тем самым под своей властью Иран и Мавераннахр². Хорезмшахи создали огромное государство, в котором основную военную силу составляли тюрки из прилегавших степей: канглы (печенеги) и карлуки.

Но это государство оказалось непрочным, несмотря на обилие материальных богатств, храбрых воинов и опытных улемов, служивших дипломатами. Режим военной диктатуры опирался на чуждые местному населению племена, имевшие иной язык, другие нравы и обычаи. Нельзя сказать, что различны были и религии, так как представление о религии у солдат-тюрок было крайне аморфное. Но безобразничать наемники умели! Они вызвали недовольство жителей Самарканда, Бухары, Мерва — словом, целого ряда среднеазиатских городов, где население не смогло вынести произвола гулямов. Восстание в Самарканде, например, привело к тому, что тюркский гарнизон был уничтожен, причем тюрок местные жители рвали на части. Естественно, за этим последовала карательная операция хорезмийцев, которые подавили восстание и жесточайшим образом расправились с населением Самарканда. Так же пострадали другие крупные и богатые города Средней Азии.

¹ Держава Сельджукидов — государство, созданное туркменами-сельджуками в XI в. на территории Хорасана, Персии, Курдистана, Армении, Малой Азии.

² Мавераннахр — арабское название междуречья Амударьи и Сырдарьи. — *Прим. ред.*

В этой обстановке хорезмшах Мухаммед решил подтвердить свой титул «гази» — «победитель неверных» — и прославиться очередной победой над ними. Случай представился ему в том самом 1216 г., когда монголы, воюя с меркитами, дошли до Иргиза. Узнав о приходе монголов, Мухаммед послал против них войско только из-за того, что степняки не верили в Аллаха.

Хорезмийское войско обрушилось на монголов, но они в арьергардном бою сами перешли в наступление и сильно потрепали хорезмийцев. Только атака левого крыла, которым командовал сын хорезмшаха, талантливый полководец Джеляль-ад-Дин, выправила положение. После этого хорезмийцы отошли, а монголы вернулись домой: воевать с Хорезмом они не собирались, напротив, Чингисхан всеми силами хотел наладить отношения с хорезмшахом. Ведь через Среднюю Азию шел Великий караванный путь, и все владельцы земель, по которым он пролегал, богатели за счет пошлин, выплачиваемых купцами. Купцы охотно платили любые пошлины, потому что расходы они неизменно перекладывали на потребителей, сами при этом ничего не теряя. Желая сохранить все преимущества, связанные с караванным путем, монголы стремились к покою и миру на своих рубежах. Разность вер, по их мнению, повода к войне не давала и оправдать кровопролития не могла. Вероятно, и сам хорезмшах понимал эпизодичность столкновения на Иргизе. В 1218 г. Мухаммед направил в Монголию торговый караван. Мир был восстановлен, тем более что монголам было не до Хорезма.

Чуть раньше найманский царевич Кучлук начал новую войну с монголами, опираясь на силу своих соплеменников — кара-китаев. Кучлук потерпел поражение, однако погубила царевича не военная слабость. Его сил было достаточно, чтобы бороться против немногочисленного корпуса, посланного Чингисханом, но Кучлук принял новую веру, подробностей о которой в источниках нет. Во всяком случае, это верование не относилось ни к исламу, ни к христианству, ни к буддизму, а представляло собой некий неизвестный культ. Точно известно другое: все население отказало Кучлуку в повиновении. Он бежал, героически защищаясь, отступил до самого Памира, там был настигнут монголами и убит. А население Каракитайского ханства целиком и с охотой подчинилось Чингисхану.

Вторично монголо-хорезмийские отношения были нарушены тюркскими сардарами (офицерами) и самим хорезмшахом, одобрившим их самоуправство. В 1219 г. к городу Отрару, владению хорезмшаха, подошел богатый караван, следовавший из земель Чингисхана. Караван остановился на берегу Сырдарьи, а купцы пошли в город купить на базаре припасов и вымыться в бане. Торговцам встретились двое знакомых, и один из встреченных донес правителю города, что

купцы эти — шпионы. Тот сразу сообразил, что есть прекрасный повод ограбить путников. Купцов перебили, имущество конфисковали. Половину награбленного правитель Отрара отослал в Хорезм, и Мухаммед принял добычу, а значит — разделил ответственность за содеянное.

Чингисхан направил послов, чтобы выяснить, из-за чего произошел такой странный инцидент. Мухаммед разгневался, увидя неверных, и велел часть послов убить, а часть, раздев донага, выгнать на верную смерть в степь. Двое или трое монголов все-таки добрались домой и рассказали о случившемся. Гнев Чингисхана не имел пределов. С точки зрения монгола, произошли самые страшные преступления: обман доверившихся и убийство гостей. Согласно Великой Ясе Чингисхан не мог оставить неотомщенными ни тех купцов, которых убили в Отраре, ни тех послов, которых оскорбил и убил хорезмшах. Хан должен был воевать, иначе соплеменники просто отказали бы ему в доверии.

В Средней Азии хорезмшах имел в своем распоряжении четырехсоттысячное регулярное войско. А у монголов, как установил наш знаменитый востоковед В.В. Бартольд, было всего 200 тысяч ополченцев. Чингисхан потребовал военной помощи от всех союзников. Пришли воины от тюрков и кара-китаев, уйгуры прислали отряд в 5 тысяч человек, только тангутский посол дерзко ответил: «Если у тебя не хватает войска — не воюй». Чингисхан счел ответ оскорблением и сказал: «Только мертвым я смог бы снести такую обиду».

Итак, Чингисхан бросил на Хорезм собранные монгольские, уйгурские, тюркские и кара-китайские войска. Хорезмшах же, поссорившись со своей матерью Туркан-хатун, не доверял военачальникам, связанным с нею родством. Он боялся собрать их в кулак для того, чтобы отразить натиск монголов, и рассеял армию по гарнизонам. Лучшими полководцами шаха были его собственный нелюбимый сын Джеляль-ад-Дин и комендант крепости Ходжент — Тимур-Мелик. Монголы брали крепости одну за другой, а в Ходженте, даже взяв крепость, они не смогли пленить гарнизон. Тимур-Мелик посадил своих воинов на плоты и по широкой Сырдарье ушел от преследования. Разрозненные гарнизоны не могли сдержать наступления войск Чингисхана. Вскоре все крупные города султаната: Самарканд, Бухара, Мерв, Герат — были захвачены монголами.

По поводу взятия монголами среднеазиатских городов существует вполне устоявшаяся версия: «Дикие кочевники разрушили культурные оазисы земледельческих народов». Эта версия построена на легендах, создававшихся придворными мусульманскими историографами. Например, о падении Герата исламские историки сообщали как о бедствии, при котором в городе было истреблено все население,

кроме нескольких мужчин, сумевших спастись в мечети. Они прятались там, боясь выйти на улицы, заваленные трупами. Лишь дикие звери бродили по городу и терзали мертвецов. Отсидевшись некоторое время и придя в себя, эти «герои» отправились в дальние края грабить караваны, чтобы вернуть себе утраченное богатство.

Это характерный образчик мифотворчества. Ведь если бы все население большого города было истреблено и лежало трупами на улицах, то внутри города, в частности в мечети, воздух был бы заражен трупным ядом, и спрятавшиеся там просто умерли бы. Никакие хищники, кроме шакалов, возле города не обитают, а в город и они проникают очень редко. Измученным людям двинуться грабить караваны за несколько сот километров от Герата было просто невозможно, потому что им пришлось бы идти пешком, неся на себе тяжести — воду и провизию. Такой «разбойник», встретив караван, не смог бы его ограбить, поскольку сил хватило бы лишь на то, чтобы попросить воды.

Еще забавнее сведения, сообщаемые историками о Мерве. Монголы взяли его в 1219 г. и тоже якобы истребили там всех жителей до последнего человека. Но уже в 1229 г. Мерв восстал, и монголам пришлось взять город снова. И, наконец, еще через два года Мерв выставил для борьбы с монголами отряд в 10 тысяч человек.

Плоды пылкой фантазии, воспринимаемые буквально, породили злую, «черную» легенду о монгольских зверствах. Если же учитывать степень достоверности источников и задаваться простыми, но необходимыми вопросами, легко отделить историческую правду от литературных вымыслов.

Монголы заняли Персию почти без боев, вытеснив сына хорезмшаха Джеляль-ад-Дина в северную Индию. Сам Мухаммед II Гази, надломленный борьбой и постоянными поражениями, умер в колонии прокаженных на острове в Каспийском море (1221). Монголы же заключили мир с шиитским населением Ирана, которое постоянно обижали стоявшие у власти сунниты¹, в частности багдадский халиф и сам Джеляль-ад-Дин. В результате шиитское население Персии пострадало значительно меньше, чем сунниты Средней Азии. Как бы то ни было, в 1221 г. с химерным образованием — государством хорезмшахов — было покончено. При одном правителе — Мухаммеде II Гази — это государство и достигло наивысшего могущества, и погибло. В результате к империи монголов оказались присоединены Хорезм, Северный Иран, Хорасан.

¹ Сунниты — приверженцы суннизма (одного из двух основных направлений ислама) — признают, кроме Корана, и Сунну — книгу преданий о жизни пророка Мухаммеда. Сунниты считают законной династию Омейядов в Дамаске.

В 1226 г. пробил час Тангутского государства, которое в решительный момент войны с Хорезмом отказало Чингису в помощи. Монголы обоснованно рассматривали этот шаг как предательство, которое, в соответствии с Ясой, требовало отмщения. Ныне территория Тангутского государства, а это степи и плоскогорья, примыкающие к излучине реки Хуанхэ и хребту Наньшань, — самая настоящая пустыня. Но в XIII в. на этой земле существовала богатая страна с большими городами, золотыми рудниками, регулярной армией и оригинальной культурой. Столицей Тангута был город Чжунсин. Его и осадил в 1227 г. Чингисхан, разбив в предшествовавших сражениях тангутские войска.

Во время осады Чжунсина Чингисхан умер, но монгольские нойоны по приказу своего вождя скрыли его смерть. Крепость была взята, а население «злого» города, на которое пала коллективная вина за предательство, подверглось экзекуции. Государство тангутов исчезло, оставив после себя лишь письменные свидетельства былой высокой культуры, но город уцелел и жил до 1405 г., когда был разрушен китайцами династии Мин.

От столицы тангутов монголы повезли тело своего великого хана в родные степи. Обряд похорон был таков: в вырытую могилу опустили останки Чингисхана вместе с множеством ценных вещей и перебили всех рабов, выполнявших погребальные работы. По обычаю, ровно через год требовалось справить поминки. Дабы безошибочно найти место погребения, монголы сделали следующее. На могиле принесли в жертву только что взятого от матери маленького верблюжонка. И через год верблюдица сама нашла в безбрежной степи место, где был убит ее детеныш. Заколов эту верблюдицу, монголы совершили положенный обряд поминок и затем покинули могилу навсегда. И до сих пор никому не известно, где погребен Чингисхан.

НАСЛЕДНИКИ ЧИНГИСХАНА

В последние годы своей жизни Чингисхан был крайне озабочен судьбой своей державы. У хана было четыре сына от любимой жены Бортэ и множество детей от других жен, которые хотя и считались законными детьми, но не имели никаких прав на занятие места отца. Сыновья от Бортэ весьма различались между собой по склонностям и по характеру. Старший сын, Джучи, родился вскоре после меркитского плена Бортэ, и потому не только «злые языки», но и младший брат Чагатай называли его «меркитским вырождением». Хотя Бортэ неизменно защищала Джучи, а сам Чингисхан всегда признавал сына своим, тень меркитского плена матери легла на Джучи бременем подозрений в незаконнорожденности. Однажды в присутствии отца

Чагатай открыто обозвал Джучи, и дело чуть не закончилось дракой братьев.

В поведении Джучи имелись некоторые устойчивые стереотипы, сильно отличавшие его от Чингиса. Если для Чингисхана не существовало самого понятия пощады к врагам (он оставлял жизнь лишь маленьким детям, которых усыновляла его мать Оэлун, и доблестным багатурам, принимавшим монгольскую службу), то Джучи отличался гуманностью и добротой. Так, во время осады Гурганджа совершенно измученные войной хорезмийцы просили принять капитуляцию, то есть, проще говоря, пощадить их. Джучи высказался за проявление милости, но Чингисхан категорически отверг просьбу о пощаде, и в результате гарнизон Гурганджа был частично вырезан, а сам город затоплен водами Амударьи. К сожалению, непонимание между отцом и старшим сыном, постоянно подогреваемое интригами и наговорами родственников, со временем углубилось и перешло в недоверие государя своему наследнику.

Чингисхан заподозрил, что Джучи хочет приобрести популярность среди завоеванных народов и отделиться от Монголии. Вряд ли это было так, но факт остается фактом: в начале 1227 г. охотившегося в степи Джучи нашли мертвым, со сломанным позвоночником. Страшные подробности происшедшего неизвестны, но, без сомнения, отец был единственным человеком, заинтересованным в смерти Джучи и способным оборвать жизнь ханского сына.

В противоположность Джучи, второй сын Чингисхана, Чагатай, был человеком строгим, исполнительным и даже жестоким. Потому он получил должность «хранителя Ясы» (нечто вроде генерального прокурора или верховного судьи). Чагатай соблюдал закон совершенно неукоснительно и без всякой пощады относился к нарушителям.

Третий сын великого хана. Угэдэй, подобно Джучи, отличался добротой и терпимостью к людям. Но самой характерной чертой Угэдэя была страсть к степной охоте и выпивке в компании друзей. Разницу в поведении Угэдэя лучше всего иллюстрирует следующий случай: однажды в совместной поездке братья увидели у воды мывшегося мусульманина. По мусульманскому обычаю, каждый правоверный обязан был несколько раз в день совершать намаз и ритуальное омовение. Монгольская традиция, напротив, запрещала человеку мыться где-либо в течение всего лета. Монголы полагали, будто мытье в реке или озере вызывает грозу, а гроза в степи очень опасна для путников, и потому «вызов» грозы рассматривался как покушение на жизнь других людей. Нухуры (дружинники) безжалостного законника Чагатая схватили мусульманина. Предвидя кровавую развязку — несчастному грозило отсечение головы, — Угэдэй послал своего человека, чтобы тот велел мусульманину отвечать, что он уронил в воду золо-

той и всего лишь искал его там. Мусульманин так и сказал Чагатаю. Тот велел искать монету, а за это время дружинник Угэдэя подбросил золотой в воду. Найденную монету вернули «законному» владельцу. На прощание Угэдэй, вынув из кармана горсть монет, протянул их спасенному им человеку и сказал: «Когда ты в следующий раз уронишь в воду золотой, не лезь за ним, не нарушай закон».

Самый младший сын Чингисхана, Тулуй, родился, как указывает китайская хроника, в 1193 г. Как мы знаем из «Мэн-да Бэй-лу», Чингисхан находился в чжурчженском плену до 1197 г. На сей раз неверность Бортэ была вполне очевидна, но Чингисхан и Тулуй признал своим законным сыном, хотя внешне Тулуй не напоминал Борджигина. Всех Борджигинов отличали зеленые или синеватые глаза, китайские историки называли их «стеклянными», и светлые с рыжиной волосы, а Тулуй имел вполне обычную монгольскую внешность — черные волосы и темные глаза.

Из четырех сыновей Чингисхана младший обладал наибольшими талантами и проявлял наибольшее нравственное достоинство. Хороший полководец и незаурядный администратор, Тулуй оставался любящим мужем и отличался благородством. Женился он на дочке погибшего главы кераитов Ван-хана, которая была набожной христианкой. Сам Тулуй не имел права принимать христианскую веру: как Чингисид, он должен был исповедовать религию предков — бон¹. Но своей жене сын хана разрешил не только отправлять все христианские обряды в роскошной «церковной» юрте, но и иметь при себе священников и принимать монахов. Смерть Тулуя можно без всякого преувеличения назвать героической. Когда Угэдэй заболел, Тулуй добровольно принял сильное шаманское зелье, стремясь «привлечь» болезнь к себе, и умер, спасая своего брата.

Все четыре сына имели право наследовать Чингисхану. После устранения Джучи наследников осталось трое, и когда Чингиса не стало, а новый хан еще не был избран, улусом правил Тулуй. На курултае 1229 г. великим ханом выбрали, в соответствии с волей Чингиса, мягкого и терпимого Угэдэя. Угэдэй, как мы уже упоминали, обладал доброй душой, но доброта государя часто бывает не на пользу государству и подданным. Управление улусом при нем очень ослабло и осуществлялось в основном благодаря строгости Чагатая да дипломатическому и административному умению Тулуя. Сам великий хан предпочитал государственным заботам кочевки с охотами и пирами в Западной Монголии.

Внукам Чингисхана были выделены различные области улуса или высокие должности. Старший сын Джучи, Орда-Ичэн, получил Белую

¹ Бон — древняя тибетская религия, ответвление митраизма.

Орду, находившуюся между Иртышом и хребтом Тарбагатай (район нынешнего Семипалатинска). Второй сын, Батый, стал владеть Золотой (большой) Ордой на Волге. Третьему сыну, Шейбани, отошла Синяя Орда, кочевавшая от Тюмени до Арала. При этом трем братьям — правителям улусов — было выделено всего по одной-две тысячи монгольских воинов, тогда как общая численность армии монголов достигала 130 тысяч человек.

Дети Чагатая тоже получили по тысяче воинов, а потомки Тулуя, находясь при дворе, владели всем дедовским и отцовским улусом. Так у монголов установилась система наследования, называемая минорат, при которой младший сын получал в наследие все права отца, а старшие братья — лишь долю в общем наследстве.

У великого хана Угэдэя тоже был сын — Гуюк, претендовавший на наследство. Увеличение клана еще при жизни детей Чингиса вызвало раздел наследства и огромные трудности в управлении улусом, раскинувшимся на территории от Черного до Желтого моря. В этих трудностях и семейных счетах таились зерна будущих распрей, погубивших созданное Чингисханом и его соратниками великое государство.

2. Лицом на восток

КАЛКА

Бросив самый общий взгляд на историю создания огромного Монгольского улуса, мы вправе теперь вернуться на Русь. Но, прежде чем приступить к рассказу о тогдашних русско-монгольских отношениях, напомним читателю о самой Руси начала XIII в.

Как уже говорилось, в отличие от «молодых» монголов, Древняя Русь переходила тогда из инерционной фазы в фазу обскурации. Снижение пассионарности в конечном счете всегда ведет к разрушению этноса как единой системы. Внешне это выражается в событиях и деяниях, не совместимых ни с моралью, ни с интересами народа, но вполне объяснимых внутренней логикой этногенеза. Так было и на Руси.

Игорь Святославич, потомок князя Олега, герой «Слова о полку Игореве», ставший в 1198 г. князем черниговским, поставил себе целью расправиться с Киевом — городом, где постоянно укреплялись соперники его династии. Он договорился со смоленским князем Рюриком Ростиславичем и призвал на помощь половцев. В защиту Киева — «матери городов русских» — выступил князь Роман Волынский, опиравшийся на союзные ему войска торков.

План черниговского князя был реализован уже после его смерти (1202). Рюрик, князь смоленский, и Ольговичи с половцами в янва-

ре 1203 г. в бою, который шел главным образом между половцами и торками Романа Волынского, взяли верх. Захватив Киев, Рюрик Ростиславич подверг город страшному разгрому. Были разрушены Десятинная церковь и Киево-Печерская лавра, а сам город сожжен. «Сотворили великое зло, которого не было от крещения в Русской земле», — оставил сообщение летописец.

После рокового 1203 г. Киев уже не оправился. Что помешало восстановить столицу? Имелись в городе и талантливые строители, и оборотистые купцы, и грамотные монахи. Киевляне торговали через Новгород и Вятку, возводили крепости и храмы, уцелевшие до сего дня, писали летописи. Но, увы, не смогли вернуть городу его прежнего значения в Русской земле. Слишком мало осталось на Руси людей, обладавших качеством, которое мы назвали пассионарностью. И потому не было инициативы, не пробуждалось способности жертвовать личными интересами ради интересов своего народа и государства. В таких условиях столкновение с сильным противником не могло не стать для страны трагичным.

Между тем неукротимые монгольские тумены приближались к русским границам. Западный фронт монголов проходил по территории современного Казахстана, между реками Иргиз и Яик, и охватывал южную оконечность Уральского хребта. В тот период главным врагом монголов на западе были половцы.

Их вражда началась в 1216 г., когда половцы приняли кровных врагов Чингиса — меркитов. Антимонгольскую политику половцы проводили крайне активно, постоянно поддерживая враждебные монголам финно-угорские племена. При этом степняки-половцы были столь же мобильными и маневренными, как и сами монголы. А то, что путь от Онона до Дона равен пути от Дона до Онона, Чингисхан понимал прекрасно. Видя бесперспективность кавалерийских сшибок с половцами, монголы применили традиционный для кочевников военный прием: они послали экспедиционный корпус в тыл врагу.

Талантливый полководец Субэтэй и знаменитый стрелок Джэбэ повели корпус из трех туменов через Кавказ (1222). Грузинский царь Георгий Лаша попытался атаковать их и был уничтожен со всем своим войском. Монголам удалось захватить проводников, которые указали путь через Дарьяльское ущелье (современная Военно-Грузинская дорога). Так они вышли в верховья Кубани, в тыл половцам. Здесь монголы столкнулись с аланами. К XIII в. аланы уже потеряли свою пассионарность: у них не осталось ни воли к сопротивлению, ни стремления к единству. Народ фактически распался на отдельные семьи. Измученные переходом монголы отнимали у аланов пищу, угоняли лошадей и другой скот. Аланы в ужасе бежали куда

попало. Половцы же, обнаружив врага у себя в тылу, отступили к западу, подошли к русской границе и попросили помощи у русских князей.

Чуть раньше, говоря о событиях XI—XII вв., мы убедились, что отношения Руси и половцев никак не укладываются в примитивную схему противостояния «оседлый — кочевник». То же самое справедливо и для начала XIII в. В 1223 г. русские князья выступили союзниками куманов. Три сильнейших князя Руси: Мстислав Удалой из Галича, Мстислав Киевский и Мстислав Черниговский, — собрав рати, попытались защитить куманов.

Важно то, что монголы отнюдь не стремились к войне с Русью. Прибывшие к русским князьям монгольские послы привезли предложение о разрыве русско-половецкого союза и заключении мира. Верные своим союзническим обязательствам, русские князья отвергли монгольские мирные предложения. Но, к несчастью, князья совершили ошибку, имевшую роковые последствия. Все монгольские послы были убиты, а поскольку по Ясе обман доверившегося являлся непрощаемым преступлением, то войны и мщения после этого было не избежать.

Однако ничего этого русские князья не знали и фактически вынудили монголов принять бой. На реке Калке произошло сражение: восьмидесятитысячная русско-половецкая армия обрушилась на двадцатитысячный отряд монголов (1223). Эту битву русская армия проиграла из-за полной неспособности к самой минимальной организации. Мстислав Удалой и «младший» князь Даниил бежали за Днепр, они первыми оказались у берега и успели вскочить в ладьи. При этом остальные ладьи князья порубили, боясь, что и монголы смогут переправиться вслед за ними. Тем самым они обрекли на гибель своих соратников, у которых лошади были хуже княжеских. Разумеется, монголы убили всех, кого настигли.

Мстислав Черниговский со своим войском начал отступать по степи, не оставив арьергардного заслона. Монгольские всадники гнались за черниговцами, легко настигали их и рубили.

Мстислав Киевский расположил своих воинов на большом холме, забыв, что нужно обеспечить отход к воде. Монголы, конечно, легко блокировали отряд. Окруженный Мстислав сдался, поддавшись на уговоры Плоскини — вождя бродников, которые были союзниками монголов. Плоскиня убедил князя, что русских пощадят и не прольют их крови. Монголы, согласно своему обычаю, данное слово сдержали. Они положили связанных пленников на землю, прикрыли настилем из досок и сели пировать на их телах. Но ни капли русской крови действительно пролито не было. А последнее, как мы уже знаем, по монгольским воззрениям считалось крайне важным.

Вот пример того, как различно воспринимают народы нормы права и понятие честности. Русские считали, что монголы, убив Мстислава и других пленников, нарушили клятву. Но, с точки зрения монголов, клятву они сдержали, а казнь явилась высшей необходимостью и высшей справедливостью, ибо князья совершили страшный грех убийства доверившегося. Заметим, что и по нормам современного права насилие над парламентаром строго осуждается и карается. Каждый, однако, волен в данном случае принять позицию, наиболее близкую его моральному императиву.

После битвы на Калке монголы обратили своих коней на восток, стремясь вернуться на родину и доложить о выполнении поставленной задачи — о победе над половцами. Но на берегах Волги войско угодило в засаду, устроенную волжскими булгарами. Мусульмане, ненавидевшие монголов как язычников, неожиданно напали на них во время переправы. Здесь победители при Калке потерпели серьезное поражение и потеряли множество людей. Те, кто сумел переправиться через Волгу, ушли степями на восток и соединились с главными силами Чингисхана. Так закончилась первая встреча монголов и русичей.

ВЕЛИКИЙ ЗАПАДНЫЙ ПОХОД

Победа при Калке не означала окончательного разгрома половцев. А поскольку военная политика монголов формировалась в соответствии с принципом, сформулированным Чингисханом: «Война кончается с разгромом врага», борьбу с половцами следовало продолжать. Однако лишних сил у монголов не было, ибо параллельно с борьбой на западе монголы сражались с чжурчженской империей Кинь и тангутским государством Си Ся. Только после взятия Пекина (1215), тангутской столицы Чжунси (1227), крепостей Кайфына и Цыйчжоу (1234) у монголов появилась возможность завершить войну с куманам. Курултай монгольских нойонов, собравшийся в 1235 г. на берегу Онона, в районе современного Нерчинска, решил довести борьбу с половцами до конца. Начался Великий западный поход.

Великим его называли не зря. Войскам предстояло пройти всю Монголию и через проходы в горах выйти в казахские степи. Нужно было пересечь их и дойти до Арала, а ведь основная часть этого пути проходит по пустыне Бетпак-Дала, где растет только карагач. Монголы пересекли пустынные степи зимой, когда люди и лошади могли использовать снег вместо воды. На пути от Арала через плато Устюрт к Волге кое-где встречались караван-сарай и выкопанные источники, но и этот переход был тяжел. А в конце пути, в низовьях Волги, монголы ждали военные действия. Поскольку в среднем тумены проходили 25 километров в день, то весь поход протяженностью в 5 тысяч

километров, задуманный и начатый в 1235 г., окончился только осенью 1236 г.

Силы монголов, стянутые для западного похода, оказались невелики. Из имевшихся у них 130 тысяч воинов 60 тысяч приходилось направлять на постоянную службу в Китай, еще 40 тысяч ушло в Персию для подавления мусульман, а 10 тысяч воинов постоянно находились при ставке. Таким образом, для похода оставался двадцатитысячный корпус. Понимая его недостаточность, монголы провели экстренную мобилизацию. Из каждой семьи взяли на службу старшего сына.

Однако общая численность войска, пошедшего на запад, вряд ли превышала 30—40 тысяч человек. Ведь при переходе в несколько тысяч километров одной лошадейю не обойдешься. Каждый воин должен был иметь, кроме ездовой, еще и вьючную лошадь. А для атаки был необходим боевой конь, ибо сражаться на усталой или необученной лошади равносильно самоубийству. Требовались отряды и кони для перевозки осадных орудий. Следовательно, на одного всадника приходилось как минимум 3—4 лошади, а значит, тридцатитысячный отряд должен был иметь не менее 100 тысяч лошадей. Прокормить такое поголовье при переходе через степи очень непросто. Везти же провиант для людей и фураж для большого количества животных с собой было невозможно. Именно поэтому цифра в 30—40 тысяч представляется наиболее реальной оценкой монгольских сил во время западного похода. Она, кстати говоря, совпадает с известной оценкой Н. И. Веселовского.

Первыми подверглись нападению монголов волжские булгары, которые в 1223 г. разгромили отряд Субэтэя и Джэбэ. Город Булгар был взят и разрушен. Одновременно были покорены другие поволжские народы, выступившие против монголов, — буртасы и башкиры. После форсирования Волги монгольское войско разделилось. Основные силы, которыми руководил волевой и умный Мункэ-хан, сын Тулуя, начали преследовать главу половцев — хана Котяна, оттесняя его к границам Венгрии. Другая часть войска, возглавляемая ханом Батыем (Бату), подошла к границам Рязанского княжества.

Рязанские князья, равно как и суздальские и владимирские, не участвовали в битве на Калке, и поэтому Батый не собирался с ними воевать. Однако дальнейшее движение войска требовало постоянной смены лошадей, постоянного получения продуктов. И Батый послал в Рязань парламентеров, стремясь получить от рязанцев пищу и лошадей. Рязанские князья, не удосужившись узнать, с кем имеют дело, сказали: «Убьете нас — все будет ваше». Так и случилось.

Два войска сошлись недалеко от Рязани. Когда монголы развернулись лавой — рязанцы дрогнули и побежали. Покинув поле боя, они

затворились в Рязани. Город был лишь недавно отстроен, после того как в 1208 г. его разрушил суздальский князь Всеволод Большое Гнездо, и потому был плохо подготовлен к осаде. Рязань была взята, княжеская семья погибла, все имущество стало достоянием монголов, но войска у рязанцев еще оставались. Монголы же, взяв требовавшееся им продовольствие и лошадей, покинули Рязань. Деятельный рязанский боярин Евпатий Коловрат со своей дружиной нагнал уходивших монголов, ударил им в тыл и остановил их продвижение. Батый принужден был поворачивать фронт, чтобы разгромить Евпатия Коловрата. С обеих сторон воины сражались героически, но исход боя предугадать было нетрудно: соратники Евпатия и он сам погибли, хотя и нанесли значительный урон врагу.

Столкновение с отрядом Евпатия Коловрата подтверждает нашу оценку численности монгольского войска. В дружине Евпатия имелось около двух тысяч воинов. Если бы в рядах монголов действительно насчитывались сотни тысяч человек, то никаким героизмом Коловрат не смог бы задержать движение монгольской армии. Скорее всего, его отряд просто не был бы замечен. Но у Батыя наверняка имелось не более половины монгольских сил, то есть 15—20 тысяч воинов, и потому нападение Коловрата на монгольский тыл оказалось столь чувствительным.

От побежденной Рязани Батый повел войска к Владимирскому княжеству. К несчастью, владимирский князь Юрий Всеволодович был недалеким политиком и скверным полководцем. Еще в 1210-х годах он истощил силы своего княжества в распрях с собственным дядей, поддержанным новгородцами. В битве на Липице, завершившей эту усобицу, бессмысленно погибло девять с лишним тысяч русских людей, большей частью владимирцев и суздальцев, проигравших сражение. Поэтому что мог сделать Юрий зимой 1237/38 г., когда, взяв Рязань и рассеяв наспех собравшихся на реке Коломне русских, Батый двинул войска на Владимир? Князю оставалось или попытаться договориться с монголами, или, оставив владимирские города и земли, отойти на север и укрепиться в труднопроходимых лесах.

Юрий выбрал третий вариант — самый неудачный. Он приказал оборонять Владимир, не обеспечив его гарнизоном, причем оставил в городе свою собственную семью. Сам же князь под предлогом собирания войска ушел на берега Мологи и остановился в месте впадения в нее маленькой речки Сити. Разумеется, Владимир был монголами взят. Но так как город, в соответствии с приказом Юрия, не сдался сразу, то пострадал он довольно сильно. Сам Юрий на Сити был случайно застигнут отрядом монгольского тысячника Бурундая. Монголы наткнулись на незащищенный и неохраняемый стан русских, поскольку князь не выставил дозора и не выслал разъезды. Как видим,

Юрий не сделал ничего из того, что должен был бы сделать полководец, ведущий войну с умелым и сильным врагом. Конечно же, весь отряд, захваченный врасплох, погиб вместе со своим князем.

К лету 1238 г. монголы вернулись на Нижнюю Волгу, где и перезимовали. Новое движение на запад, захватившее и южную Русь, началось весной 1239 г. В Новгородской земле монголам отказался подчиниться город Торжок, потому что Новгород обещал оказать ему помощь. Однако новгородцы собирались слишком долго и не успели к сражению. Торжок был монголами взят, а его население вырезано.

Затем монголы пошли на юг. На их пути лежал город Козельск, под стены которого их вела память о Калке. Ведь 15 лет назад князь черниговский и козельский Мстислав был участником убийства монгольских послов. И хотя Мстислав к тому времени уже умер, монголы, руководствуясь понятием коллективной ответственности, стремились отомстить «злому» городу за поступок его князя. Конечно, с точки зрения современных людей, поведение степняков может казаться неоправданно жестоким. Но не будем забывать, что они точно так же следовали своим представлениям, как мы следуем своим. По мнению монголов, все подданные князя разделяли с ним равную ответственность за злодеяние уже потому, что соглашались иметь его своим князем. Вероятно, причины жестокой расправы с Козельском были хорошо понятны современникам: монголы осаждали Козельск семь недель, и никто из русских не пришел на помощь этому городу.

Но не все города постигла участь Владимира, Торжка и Козельска. Жители богатого торгового Углича, например, довольно быстро нашли общий язык с монголами. Выдав лошадей и провиант, угличане спасли свой город; позже подобным образом поступили почти все поволжские города. Более того, находились русские, пополнявшие ряды монгольских войск. Венгерский хронист называл их «наихудшими христианами».

Батый взял Чернигов, после был взят не оправившийся от внутренних усобиц Киев. Покинутый князем и защищаемый тысяцким Дмитрием, город не располагал силами для борьбы — защищать стены Киева было некому. Затем Батый прошел через Волынь. Мнения волынян разделились: некоторые противостояли монголам, но жившие на южной окраине Волыни болховские князья предпочли договориться с монгольским ханом.

Преследуя отошедших в Венгрию половцев, монголы через Галицию двинулись дальше, стремясь установить нерушимую западную границу своей державы. Сначала их послы посетили Польшу, но были убиты поляками. В начавшейся войне монголы взяли Краков, а после — в битве при Лигнице в Силезии — разгромили польско-немецкое войско. Гибель постигла монгольских послов и в Венгрии. Мон-

голы ответным ударом разбили войска венгерского короля в битве на реке Шайо, сожгли большую часть венгерских крепостей и городов. Вероятно, наученные горьким опытом, к чехам монголы послов у же не посылали. Монгольский отряд и чешское войско встретились в битве при Оломоуце, и чехи одолели степняков.

К 1242 г. Великий западный поход был окончен: войска Батые вышли к Адриатическому морю. Итоги похода оказались очень благоприятными для монголов, и дальнейшая война не имела для них никакого смысла. Безопасность своей западной границы монголы обеспечили, ибо ни чехи, ни поляки, ни венгры не могли достичь Монголии: для этого у них не было ни желания, ни возможностей. Исконные враги Монгольского улуса — половцы — тоже не могли ему угрожать: они были загнаны в Венгрию, и их судьба оказалась печальной.

Половецкий хан Котян подчинился венгерскому королю, но приход половцев вызвал неудовольствие венгерских магнатов, которые убили хана и стали обращаться с половцами пренебрежительно и жестоко. Тогда часть кочевников ушла через Балканы в Византию и поселилась около города Никеи в Малой Азии. Другая часть половцев задержалась в Трансильвании. Позже они приняли католичество и в значительной мере пополнили ряды мелкого венгерского дворянства.

Великий западный поход Батые правильнее было бы называть великим кавалерийским рейдом, а поход на Русь у нас есть все основания называть набегом. Ни о каком монгольском завоевании Руси не было и речи. Гарнизонов монголы не оставили, своей постоянной власти и не думали устанавливать. С окончанием похода Батый ушел на Волгу, где основал свою ставку — город Сарай. Фактически хан ограничился разрушением тех городов, которые, находясь на пути войска, отказались замириться с монголами и начали вооруженное сопротивление. Исключением можно считать лишь Козельск, но с ним, как мы помним, монголы расправились, мстя за убийство своих послов.

По своим последствиям западный поход также был типичным набегом кочевников, хотя и грандиозного масштаба. Надо полагать, современники великолепно понимали характер и цели похода. И с этой точки зрения, не стоит осуждать русских людей XIII в. за столь слабое сопротивление монголам. Никакого смысла не имело вести лишние военные действия, когда без них можно было обойтись. Ведь в течение 20 лет после Батые с северных русских княжеств никакой дани, податей, налогов монголы вообще не взимали. Правда, с южных княжеств (Чернигова, Киева) налоги брали, но население нашло выход. Русские стали активно переезжать на север: в Тверь, Коломну, Мо-

скву, Серпухов, Муром и другие города Залесской Руси. Так все русские традиции вместе с людьми переместились с окраин лесостепи и степи в лесную полосу. Этот географический фактор — смена ландшафта в результате миграции — оказался крайне значимым для дальнейшего хода этногенеза нашей страны.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР И ХАН БАТЫЙ

В XIII в. Западная Европа являла собой постоянно растущую угрозу для Руси. В предыдущие десятилетия избыточная пассионарность западноевропейцев «сгорала» в первых попытках колониальной экспансии — крестовых походах в Палестину. Теперь же император Фридрих II решил направить немецких крестоносцев из Палестины в Прибалтику. Решение было вполне разумное: немецкие рыцари постоянно конфликтовали с французами и итальянцами, ведя себя высокомерно и заносчиво. Поэтому император, послав немцев на Балтику и поручив им покорять местные языческие племена, действовал в интересах и рыцарей, и империи в целом. В 1237 г. рыцари-монахи двух орденов — Тевтонского и Меченосцев, объединившись, создали мощный Ливонский орден. Фактически образовалось «военно-духовное» государство, целью существования которого стал захват Прибалтики, продвижение на Русь и насильственное окатоличивание покоряемого населения.

Начавшееся завоевание шло трудно. Прибалтику тогда населяли древние балтские народы: эсты, литва, жмудь, ятвяги и пруссы. Все они находились в состоянии гомеостаза (равновесия с природной средой), и сил этих народов хватало только на выживание в родном ландшафте. Потому в борьбе с немцами прибалты ограничивались обороной. Но поскольку оборонялись они до последнего, в плен сдавались только мертвыми, первоначально особых успехов немцы не имели. Помогло рыцарям то, что их поддерживало очень воинственное племя — ливы. Кроме того, рыцари нашли ценного союзника — шведов, подчинивших себе финские племена сумь и емь.

Постепенно немцы обратили в крепостное состояние леттов, но эсты отказались покориться им, имея значительные связи с русскими. Существование этих связей подтверждает такой факт: города, которые ныне называются Таллинн и Тарту (до революции соответственно: Ревель и Дерпт), имеют вполне русские исторические имена Кольвань и Юрьев (по христианскому имени основателя этого города Ярослава Мудрого).

К русским немцы и шведы относились еще более жестоко, нежели к прибалтам. Если, к примеру, захваченных эстов обращали в крепостное состояние, то русских просто убивали, не делая исключения

даже для грудных младенцев. Угроза немецко-шведской агрессии стала для Руси очевидной, ее опасность нарастала день ото дня.

В 1240 г. шведский флот вошел в устье Невы, подошел к месту впадения в нее реки Ижоры и высадил десант, готовый начать наступление на Новгород. В Новгороде, как и во всех славянских городах, не столько готовились к защите, сколько спорили между собой о том, с кем лучше связать свою судьбу — с суздальским князем Ярославом или со шведским королем. Пока новгородцы спорили, сторонники Владимиро-Суздальской Руси призвали на помощь молодого князя Александра Ярославича, известного благодарным потомкам под именем Александра Невского. Тогда ему шел лишь двадцать второй год, но это был умный, энергичный и храбрый человек, а главное, настоящий патриот своей Родины.

Больших сил Александру собрать не удалось. Со своим маленьким суздальским отрядом и с немногими новгородскими добровольцами Александр форсированным маршем достиг Невы и атаковал шведский лагерь. В этом бою новгородцы и суздальцы покрыли себя вечной славой. Так, один новгородец по имени Гаврила Олексич верхом ворвался на шведскую ладью, дрался со шведами на их корабле, был сброшен в воду, остался жив и снова вступил в бой. Героически погиб слуга Александра — Ратмир, пешим бившийся сразу со многими противниками. Не ожидавшие нападения шведы были разбиты наголову и ночью бежали на кораблях с места разгрома.

Жертвенностью и доблестью соратников Александра был спасен Новгород, но угроза для Руси осталась. Тевтонские рыцари в 1240—1241 гг. усилили натиск на Изборск, стремясь к завоеванию Пскова. А в Пскове среди бояр обнаружилась сильная прогерманская партия. Опираясь на ее помощь, немцы к 1242 г. захватили этот город, а также Ям и Копорье, и снова начали угрожать Новгороду.

Зимой 1242 г. Александр Невский со своими суздальскими, или, как тогда говорили, «низовскими», дружинами при поддержке новгородцев и псковичей напал на стоявший в Пскове немецкий отряд. Освободив Псков, он двинулся на главные силы ливонцев, которые отступали, минуя Чудское озеро. На западном берегу озера, у Вороньего камня, немцам пришлось принять бой.

Количество собственно рыцарей было небольшим — всего несколько десятков, но каждый рыцарь был грозным бойцом. Кроме того, рыцарей поддерживали пешие наемники, вооруженные копьями, и союзники ордена — ливы. Рыцари построились «свиньей»: самый мощный воин впереди, за ним — двое других, за теми — четверо, и так далее. Натиск такого клина был неотразим для легковооруженных русских, и Александр даже не пытался остановить удар немецкого войска. Напротив, он ослабил свой центр и дал возмож-

ность рыцарям прорвать его. Тем временем усиленные фланги русских атаковали оба крыла немецкого войска. Ливы побежали, немцы сопротивлялись отчаянно, но, так как время было весеннее, лед треснул и тяжеловооруженные рыцари стали проваливаться в воду Чудского озера. Новгородцы же не давали врагу вырваться из губительной западни. Поражение немцев на Чудском озере 5 апреля 1242 г. отсрочило их наступление на Восток — *Drang nach Osten*, — которое было лейтмотивом немецкой политики с 1202 по 1941 год.

Надо сказать, что, выиграв это сражение, Александр не решил политических задач. Победа не ликвидировала возможности немецкого наступления, ведь сил у рыцарей было гораздо больше, чем у новгородцев. Города-крепости Рига, Кенигсберг, Ревель служили удобными плацдармами для наступающего с Запада европейского рыцарства. При этом немцы могли постоянно пополнять свои войска, так как в XIII в. в Европе было огромное количество добровольцев, мечтавших найти применение своим силами. Натиск западного суперэтноса на Русь был по-прежнему угрожающе реален.

Новое поколение русских людей, ровесников князя Александра, быстро осознало масштабы опасности, грозящей стране с Запада, и потребность в сильном союзнике. Обрести этого союзника Руси помогли логика событий и гений Александра Невского.

В 1242 г. умер великий хан Угэдэй. Его смерть коренным образом изменила положение в Орде победителя народов — хана Батыея. Еще во время похода 1238—1239 гг. Батый поссорился со своим двоюродным братом — сыном Угэдэя Гуюком. Гуюк оскорбил Батыея, назвав его старой бабой и пригрозив оттаскать за волосы. Не лучше поступил и их кузен Бури — сын хана Чагатая, бывшего, как мы помним, верховным судьей всего Монгольского улуса. Бури собрался «поленом бить Батыея по груди и по животу». Батый, как верховный главнокомандующий похода, выслал обоих зарвавшихся царевичей из армии к их отцам. Угэдэй и Чагатай сурово наказали своих сыновей: за нарушение воинской дисциплины их выгнали из ханской ставки и лишили всех чинов.

Понятно, что после смерти Угэдэя Гуюк и Бури дали волю своей ненависти и начали совместную борьбу против Батыея. Теперь, когда на месте великого хана мог оказаться Гуюк, положение Батыея стало сложным, если не сказать — губельным. Его собственные силы ограничивались четырьмя тысячами воинов, а в распоряжении Гуюка, стань он великим ханом, оказалось бы не менее 100 тысяч человек. Батыею стал жизненно необходим союзник, и дальнейшие события лишь подтвердили это.

В 1246 г. собравшийся великий курултай избрал Гуюка великим ханом. Казалось, судьба Батыея была предрешена. Понимая безвы-

ходность положения, Батый попытался обрести поддержку на Руси. Действительно, политических поводов для продолжения войны между русскими и монголами не было никаких. Но, что еще важнее, уже исчезли, по-видимому, и эмоциональные мотивы противоборства. Так, русские называли Батю «добрым ханом». И монголы смотрели на войну с Русью вполне трезво, несмотря на то, что под Коломной погиб Кюлькан — любимый сын Чингиса от красавицы Хулан. Ведь в отношении к любой смерти на войне монголы руководствовались принципом: «За удаль в бою не судят». Итак, союз между Русью и Батыем стал возможен.

Препятствовало этому союзу лишь одно обстоятельство. Великий князь владимирский Ярослав, отец Александра Невского, присутствовавший на торжествах по случаю избрания нового хана, умер от яда. Яд этот, по версии папского агента Плано Карпини, был дан Ярославу матерью Гуюка — ханшей Туракиной. Причиной столь серьезного поступка явился донос боярина Федора Яруновича, который оговорил князя, сообщив, будто Ярослав вступил в союз с папой римским Иннокентием IV.

Однако и после смерти Ярослава Северо-Восточная Русь не стала зависимой от Орды. Это видно даже из того, что в 1248 г. Батыем был утвержден новый великий князь владимирский Святослав Всеволодич, брат погибшего Ярослава. Однако, прокняжив меньше года, он был свергнут Михаилом Ярославичем Тверским. Дни свои Святослав закончил в Орде, тщетно добываясь справедливости. Но в его судьбе был виноват не Батый, а центральное правительство в Каракоруме, где после смерти в том же 1248 г. Гуюка правила его вдова — найманка Огуль-Гаймыш. Она отдала власть на Руси детям отравленного Ярослава: Александру — великое княжение и разрушенный Киев, а Андрею — богатое Владимирское княжество.

Александру предстоял тяжелый выбор союзника. Ведь выбирать приходилось между Ордой, в которой погиб его отец, и Западом, с представителями которого новгородский князь был хорошо знаком еще со времен Ледового побоища. Нужно отдать должное Александру Ярославичу: он великолепно разобрался в этнополитической обстановке и сумел встать выше своих личных эмоций ради спасения Родины.

В 1252 г. Александр приехал в Орду Батю, подружился, а потом побратался с его сыном Сартаком, вследствие чего стал приемным сыном хана. Союз Орды и Руси осуществился благодаря патриотизму и самоотверженности князя Александра. В соборном мнении потомков выбор Александра Ярославича получил высшее одобрение. За беспримерные подвиги во имя родной земли Русская православная церковь признала князя святым.

ЗА ДРУГИ СВОЯ

К сожалению, среди современников, безвозвратно терявших пассионарность, политический курс Александра Ярославича популярностью не пользовался. Никто не думал благодарить князя за его героические усилия по спасению Русской земли.

Большинство новгородцев твердо придерживались прозападной ориентации. Как следствие этого после Невской битвы Александру «указали путь» из Новгорода. Но когда немцы захватили Псков, новгородцы тут же пригласили князя обратно. Он выгнал немцев из Пскова, одержал победу на Чудском озере — его удалили снова! Попытки наиболее здравомыслящих новгородцев возражать против самоубийственного поведения субпассионариев успеха не имели. В самом Новгороде сторонников князя-воина грабили и отстраняли от дел. Между двумя партиями — «молодших» и «лутчих» людей — дело дошло чуть ли не до войны. «Лутчие» (сторонники князя) все же победили, хотя и с огромным трудом, и настояли на окончательном вокняжении Александра в Новгороде.

Как видим, жизнь князя легкой не назовешь. Каждый раз он приходил «по зову новгородскому», оказывал Новгородской земле огромные услуги: сражался на Неве, на Чудском озере, усмирлял воевавшее против Новгорода племя воть — и за это... отстранялся от руководства сторонниками Запада при помощи «демократической» процедуры — вечевого голосования.

Даже среди близких родственников не находил князь Александр понимание. Его родной брат Андрей сам был западником и объявил, что он заключает союз со шведами, ливонцами и поляками с целью избавиться от монголов. Монголам стало известно об этом союзе, вероятно, благодаря самому Александру Невскому. Батый, выполняя союзнические обязательства, послал на Русь полководца Неврюя (1252), который разбил войска князя Андрея, и тот был вынужден эмигрировать в Швецию. При этом «Неврюева рать» нанесла Руси ущерб больший, нежели поход Батя.

Активно выступал против татар и князь Даниил Галицкий. Сразу после ухода Батя на Волгу он напал на союзных монголам болоховских князей, перебил всю аристократию, а население княжества разогнал. Политический курс Даниила состоял в том, чтобы выделить Галицко-Волынское княжество в самостоятельное феодальное государство, ориентированное на Запад.

Но вспомним, что в Средние века и Запад не отличался единством. Гибеллины, сторонники германских императоров, боролись с гвельфами, поддерживавшими папский престол. В середине XIII в., в частности, это были сторонники императора Фридриха II и сторонники

папы Иннокентия IV. Интересно, что Фридриха II воспитали паписты, а он, став германским императором (1212—1250), сделался злейшим врагом папского престола. Точно так же сам Фридрих II воспитал будущего первосвященника, возвел его на папский престол и получил в его лице смертельного врага.

Вот лишнее доказательство того, что любой человек не столько может приказывать, сколько должен поневоле выполнять полувывысказываемые желания своего окружения. Если кардиналы и епископы, окружавшие папу, были довольны его распоряжениями, то папа сидел на троне как самостоятельный государь. Когда же он поступал вопреки их желаниям, у него обычно начинались какие-то болезни, а затем наступала «внезапная» смерть. Несколько увереннее чувствовал себя император, у которого были верные войска. Но ведь вассалы императора в большинстве своем ненавидели иерархов католической церкви. Мог ли император с этим не считаться? Конечно, нет! Вот и завел Фридрих II переписку с Батыем и Гуюком в то самое время, когда папа требовал войны с монголами.

Отец князя Даниила — Роман — был гибеллином и пытался оказывать помощь своим немецким союзникам. Даниил, казалось бы, должен был следовать политике отца, но папа пообещал ему королевский титул и полную самостоятельность. Ни монголы, ни Фридрих II ничего не обещали галицкому князю, и его симпатии явно склонились на сторону римского первосвященника. Даниил стал сторонником папы и получил из его рук обещанную золотую корону.

Надо сказать, что прозападная партия на Руси, ненавидевшая монголов за их набеги и связанная с Западной Европой торговыми, карьерными, культурными связями, была достаточно многочисленна, чтобы отстаивать свою политическую линию. Программа западников заключалась в следующем: опираясь на помощь рыцарей, объединить силы всех русских князей и изгнать монголов. К сожалению, будучи крайне привлекательной теоретически, эта программа никак не могла быть выполнена практически. Во-первых, рыцари Ордена, купцы Ганзы, папа и император вовсе не собирались тратить свои силы на объединение чужого им государства. Они ставили перед собой другую задачу — использовать русских ратников в борьбе с монголами, обескровить Русь и покорить ее, подобно Прибалтике.

Во-вторых, к середине XIII в. идея объединения Руси уже стала полностью иллюзорной. Это хорошо понимал Александр Невский и совершенно не понимал Даниил. Русь окончательно распалась на Юго-Западную, Северо-Восточную и Новгородскую земли. В первых двух правили две линии Мономашичей: старшая — на северо-востоке, младшая — на юге. Между этими двумя ветвями шли жестокие войны. Вмешательство черниговских Ольговичей в общерусскую

борьбу обычно было безрезультатно и неудачно для них самих и для Руси в целом. Полоцкие князья превратили свои владения в самостоятельное княжество. Отрицание власти Владимирского княжества было характерно и для Рязани — рязанцы много воевали против Владимира, Суздаля, Киева. И винить в этом одних князей нельзя, так как не столько они господствовали над своими городами и окрестными землями, сколько городское население, многочисленное и активное, указывало своим князьям ту или иную линию поведения. Например, когда в очередную новгородско-владимирскую войну суздальцы (так называли войска владимирского князя) подошли к Торжку, город был готов сдаться и просил князя Всеволода «взять мир», «снизойти в милость». Горожане обещали подчиниться, принять все условия, уплатить дань. Великий князь Всеволод Большое Гнездо хотел уже принять предложение Торжка, но его воины категорически отказались, сказав: «Мы не целовать их пришли». Торжок был взят и разграблен вопреки воле князя.

Требовали от своих князей проведения политики сепаратизма и жители Минска, Гродно и других городов северо-запада Русской земли. Стремление к самостоятельности стало всеобщим, распад был неминуем. К нему вело снижение пассионарности населения Руси. Ведь достаточно мощной силы, которая связала бы многочисленные княжества, подчинила их Киеву, уже не было. Киев растерял свою пассионарность, а на окраинах ареала она еще сохранилась. Наступившая фаза обскурации обрекала на неудачу попытку воссоздания единой Руси в XIII в.

Понятно, что в этих условиях усилия западников по консолидации русских были обречены на провал. Деятельность самого Даниила Галицкого кончилась для него плохо. После нескольких удачных операций против небольших монгольских отрядов во главе с военачальником Куремсой (1254) Даниил столкнулся с опытным тысячником Бурундаем. Бурундай довольно легко разбил галицкого князя и заставил его срыть все крепости, чтобы Галиция и Волынь не имели возможности отделиться.

Каковы же были реальные результаты союза с монголами, заключенного Александром Невским? Русские князья сохранили большую свободу действий. Когда Мункэ-хан послал на Русь несколько мусульман («бесермен») с целью переписать население для сбора налога — «дани», все переписчики и сборщики были перебиты населением. По предположению такого знатока проблемы, как А. Н. Насонов, побоище было инспирировано самим князем Александром. Мотивы предполагаемых действий князя вполне понятны: отправка русских денег в Монголию была не в его интересах. Александра интересовала перспектива получения от монголов военной помощи для противостоя-

ния натиску Запада и внутренней оппозиции. Именно за эту помощь Александр Ярославич готов был платить, и платить дорого.

Но вскоре Александру Невскому пришлось испытать невероятное потрясение: под угрозой оказалась вся его политическая линия. В 1256 г. умер его союзник Батый, и в том же году из-за симпатий к христианству был отравлен сын Батыев Сартак. И кем? Братом Батыев Берке-ханом, который опирался на ордынских мусульман. Берке принял ислам, вырезал несториан в Самарканде, отравил своего племянника, казнил свою родственницу Боракчин и установил мусульманскую диктатуру, хотя и без дальнейших религиозных гонений.

Верный своему принципу борьбы за интересы Отечества, Александр Ярославич и на этот раз «положил душу за други своя». Он отправился к Берке и договорился об уплате дани монголам в обмен на военную помощь против литовцев и немцев. Но когда в Новгород вместе с князем пришли монгольские переписчики, чтобы определить сумму налога, новгородцы устроили бунт, во главе которого оказался Василий Александрович — старший сын великого князя, дурак и пьяница.

Александр вывел «татарских» послов из города под своей личной охраной, не дав их убить. Тем самым он спас Новгород от гибели — ведь мы знаем, как поступали монголы с населением городов, где совершалось убийство послов монгольского хана. С вожаками смуты Александр Ярославич поступил жестоко: им «вынимали очи», считая, что глаза человеку все равно не нужны, если он не видит, что вокруг делается. Только такой ценой удалось Александру подчинить новгородцев, утеравших вместе с пассионарностью здравый смысл и не понимавших, что тот, кто не имеет сил защищаться сам, вынужден платить за защиту от врагов. Конечно, отдавать свои деньги всегда неприятно, но, наверное, лучше уж расстаться с деньгами, чем с независимостью и жизнью.

КОНЕЦ И ВНОВЬ НАЧАЛО

Итак, союзный договор с Ордой стал реальностью. Русские первыми оказали военную помощь татарам, приняв участие в походе на аланов. Союз с татарами оказался благом для Руси, с точки зрения установления порядка внутри страны.

В 1261 г. в Сарае усилиями Александра Невского и монгольских ханов Берке и Мэнгу-Тимура было открыто подворье православного епископа. Он не подвергался никаким гонениям; считалось, что епископ Сарский является представителем интересов Руси и всех русских людей при дворе великого хана. Если на Руси начиналась княжеская усобица, хан присылал сарского епископа с татарским беком (обяза-

тельно христианином), и они решали спорные вопросы на княжеских съездах. Если кто-то не считался с принятым решением и пытался продолжать удельную войну, его принуждали к миру с помощью татарской конницы.

Опираясь на союз с Берке, Александр решил не только остановить движение немцев на Русь, но и подорвать самую его возможность. Он заключил с литовским князем Миндовгом, своим ровесником, союз, направленный против крестоносцев. Как правителя Миндовга отличали хитрость и изворотливость. В 1250 г. он принял католичество, но «крещение его льстиво бысть», — говорит летописец. Через 10 лет Миндовг отказался от насильно навязанной ему религии и стал злейшим врагом крестоносцев и католиков.

Александр Ярославич находился на пороге своей второй, не менее значительной, чем в случае с Ордой, дипломатической победы. Но в 1263 г., в разгар подготовки совместного похода против Ливонского ордена, возвращаясь из очередной поездки в Орду, князь скончался. Можно предположить, что Александр Ярославич умер, выражаясь современным языком, от стресса. Действительно, столь сложные дипломатические акции, блестящие победы, борьба с соотечественниками требовали слишком большого нервного напряжения, которое не каждому по силам. Однако кажется странным то, что вскоре умер и Миндовг. Невольно напрашивается мысль, что причиной смерти князя Александра был не стресс; скорее, в смерти Александра и Миндовга следует видеть усилия немецких сторонников, действовавших на Руси и в Литве.

В условиях, когда среди русских западников находились люди, которых можно было купить и использовать в борьбе против Отечества, надежный союзник на Волге был вдвойне необходим русским княжествам. В 1268 г., через шесть лет после смерти Александра, новгородцы пошли на принадлежавшую датчанам крепость Раковор (современный город Раквере, недалеко от Таллинна). По дороге на новгородские полки напали немцы, и произошла жуткая сеча — Раковорская битва. Новгородцы одолели союзные войска немцев и датчан. Те, недолго думая, призвали большое количество воинов и рыцарей из Западной Европы, для того чтобы, перейдя реку Нарову, захватить Новгород. Но тут в Новгород, согласно договору с Ордой, явился татарский отряд в 500 всадников. Немцы, даже не зная точно размеров этого отряда, тотчас же «замиришася по всей воле новгородской, зело бо бояхуся имени татарского». Новгород и Псков уцелели.

Как видим, положительные стороны союза с Ордой проявлялись и после смерти Александра Ярославича. Там, где вступали в дело татарские войска, крестоносный натиск быстро останавливался. Таким

образом, за налог, который Александр Невский обязался выплачивать в Сарай — столицу нового государства на Волге, — Русь получила надежную и крепкую армию, отстоявшую не только Новгород с Псковом. Ведь точно так же благодаря татарам в 70-е годы XIII в. сохранил независимость Смоленск, находившийся под угрозой захвата литовцами. Смоленяне в 1274 г. предложили своему князю добровольно подчиниться Орде, и поскольку Смоленск стал находиться под защитой татар, литовцы не рискнули его штурмовать. Так союз с Ордой во второй половине XIII в. принес Северо-Восточной Руси вождеденный покой и твердый порядок.

Более того, русские княжества, принявшие союз с Ордой, полностью сохранили свою идеологическую независимость и политическую самостоятельность. Например, после победы в Орде мусульманской партии в лице Берке никто не требовал от русских обращения в ислам. Одно это показывает, что Русь была не провинцией Монгольского улуса, а страной, союзной великому хану, выплачивавшей некоторый налог на содержание войска, которое ей самой было нужно.

Какова же этническая интерпретация этих грандиозных событий XIII в.? Мы уже упоминали, что в XI — начале XIII в. Русская земля представляла собой единый суперэтнос. Но с падением пассионарности в XIII в. единство оказалось утраченным. Отдельные подсистемы ослабевшего суперэтноса вошли в состав более молодых этнических миров. Так, Северо-Восточная Русь вошла в монгольский суперэтнос. Именно поэтому преемники Батыея — ханы-немусульмане, а потом и ханы-мусульмане, типа Берке, — заняли место византийских императоров в иерархии русских геополитических представлений. Ранее на Руси считалось, что существует лишь один царь — базилевс в Константинополе. В Русской земле правили князья — самостоятельные властители, но вторые лица в иерархии государственности. После взятия крестоносцами Константинополя (1204) и крушения власти византийских императоров титулом «царь» на Руси стали величать ханов Золотой Орды. Их так и называли: «добрый царь» Джанибек или «суровый царь» Узбек.

Те русские княжества, которые отказались от союза с татарами, были захвачены частично Литвой, частично Польшей, и судьба их была очень печальной. В рамках западноевропейского суперэтноса русичей ждала участь людей второго сорта.

Таким образом, вошедшая в фазу обскурации Русская земля была разорвана надвое могучими силами пассионарности Запада и Востока. При этом с точки зрения этнической истории крайне важен ответ на вопрос: какую Русь представлял Александр Ярославич Невский? Был ли он последним крупным удельным князем Древней Руси или

же первым князем будущей Великороссии? Можно ли его поставить в один ряд с Владимиром Мономахом или следует сравнить с Дмитрием Донским?

Полагаю, что князь Александр, так же как его соратники, принадлежал к поколению новых людей, поднявших Русь на недосягаемую высоту. Для такого вывода есть весомые основания. Жертвенное поведение Александра Ярославича и его соратников слишком разительно отличается от нравов древнерусских удельных князей. Сформулированная Александром доминанта поведения — альтруистический патриотизм — на несколько столетий вперед определила принципы устройства Руси. Заложенные князем традиции союза с народами Азии, основанные на национальной и религиозной терпимости, вплоть до XIX столетия привлекали к России народы, жившие на сопредельных территориях. И наконец, именно потомками Александра Ярославича Невского строилась в XIV в. на развалинах древней Киевской Руси новая Русь.

Сначала она называлась Московской, а с конца XV в. стала называться Россией.

Все вышесказанное дает нам возможность достаточно уверенно говорить о том, что в начале XIII в. на территории Руси имел место пассионарный толчок. Мы даже можем с учетом нашего допущения довольно точно определить дату этого толчка. «Новые» люди начали рождаться около 1200 г., а исторической силой они стали в конце XIV в. — около 1380 г. Следовательно, инкубационный период фазы пассионарного подъема продолжался около 180 лет, что практически не противоречит данным по другим известным нам примерам этногенеза.

Утверждение о пассионарном толчке на Руси в XIII в. легко проверить. Дело в том, что пассионарный толчок, если он происходит, никогда не затрагивает одну страну, один этнос. Как глобальное, планетарное явление взрыв этногенеза охватывает протяженные узкие полосы на земной поверхности, проходящие через разные регионы, населенные разными народами. На этих простирающихся на тысячи километров полосах и начинаются одновременно этногенезы разных народов. Так было и в XIII в.

Данный толчок прослеживается в Прибалтике: на берегах Немана в результате смешения литовских племен со славянским населением возник новый литовский этнос. В зоне толчка оказались долина Припяти и Приднепровье: отсюда началась миграция смешанного русско-польского населения, которое впоследствии составило этнос, называемый украинским. Одновременно с процессами в Северо-Восточной Руси и Литве начался этногенез в западной части Малой Азии. Уже в конце XIII в. там создался новый, османский, этнос. Турки-ос-

маны были совершенно отличны от турок-сельджуков (туркменов), населявших восточную часть Малой Азии. Вероятно, с действием толчка XIII в. было связано и возникновение этноса крымских татар, позднее присоединившихся к османам.

3. Появление России СЫНОВЬЯ И СЫНОВЦЫ

Часто говорят, что на детях великих людей природа отдыхает. У Александра Ярославича Невского было несколько сыновей, но всем им было далеко до своего великого отца. Старший, Василий, посаженный Александром в Новгороде, сначала не поладил с горожанами и был выгнан, затем попытался, как мы помним, поднять Новгород на татарских послов, организовав восстание против своего отца. Александр проявил великодушие: Василию дали тихо и спокойно умереть от пьянства. Более деятельными князьями были Дмитрий и Андрей Александровичи. Дмитрий придерживался западнического направления, Андрей поддерживал ханов Золотой Орды.

В Орде к концу XIII в. явственно обозначились признаки новой фазы монгольского этногенеза — акматической. Количество энергичных, алчных, готовых на все ради славы, почестей и добычи людей сильно выросло, и как следствие между ними постоянно возникали трения. Темник Ногай, правитель западных областей Орды (причерноморских степей и северного Крыма), попытался сбросить власть золотоордынских ханов и стал фактически независимым государем. Опираясь Ногай на половцев, аборигенов причерноморских степей. К тому же, нуждаясь в поддержке на Руси, он договорился о союзе с Дмитрием Александровичем. В итоге честолюбивый темник достиг больших успехов, контролируя ханов Орды и проводя политику по собственному усмотрению. Так продолжалось до тех пор, пока хан Тохта, оказавшийся человеком энергичным, не договорился, в свою очередь, о союзе с князем Андреем Александровичем, войска которого пришли ему на помощь.

В 1299 г. в решающей битве где-то между Днепром и Днестром (место битвы точно не установлено) волжские татары, поддержанные русским войском, а также сибирскими и среднеазиатскими татарами Синей и Белой Орды, одержали верх.

Сам Ногай попал в плен. Пленил грозного темника русский ратник, который не отвел его к хану, а отрезал пленнику голову, которую и принес Тохте. Поступок был, с точки зрения военной монгольской этики, неприличным: Ногай полагалось казнить как преступника по

ханскому приговору, а вовсе не убивать самосудом как пленника. И Тохта велел отрубить голову русскому ратнику. В дальнейшем Тохта, ставший после усмирения бунта Ногая вполне самостоятельным владыкой, показал себя решительным сторонником Руси и поддерживал русских князей, которым давал «ярлыки». В частности, князь Андрей с его помощью вскоре победил своего брата Дмитрия.

Младший сын Александра Невского, Даниил, получил «во княжение» крохотный городок в глуши — Москву. Даниил, получил в отличие от других князей, воевал мало. Московский князь занимался хозяйством: отстраивал свой город, развивал земледелие, заводил ремесла. Единственным его завоеванием стала Коломна, принадлежавшая рязанским князьям. Благодаря своей мирной политике Даниил приобрел большой авторитет и к началу XIV в. стал одним из влиятельных князей на Руси.

После смерти Андрея Александровича (1304), жившего в Городец, великим князем при поддержке Тохты стал Михаил Ярославич Тверской, племянник Александра Невского. Михаил Ярославич был по своему складу похож на былинного богатыря: храбр, силен физически, верен слову, благороден. Такие качества импонировали хану, и Михаил Тверской пользовался его полным доверием. С переходом «великого стола» к Михаилу Тверскому реальная власть ушла из рук сыновей Александра Ярославича.

Итак, уже в начале XIV в. прежняя Киевская Русь канула в небытие. Ни политического, ни этнического единства русских больше не существовало. Люди остались, но сама система власти и организации отношений между людьми оказалась разрушенной окончательно. Вместо старых городов Поднепровья появились новые центры. Наиболее важными из них были: Тверь — прекрасный богатый город на Волге, имевший выгодное географическое положение; Смоленск — западный щит Руси; Рязань — служившая защитой от беспорядочных набегов степных грабителей; отвоеванный у мордвы Нижний Новгород — торговый город и колонизационный центр на границе с волжскими булгарами; маленькая, затерянная в лесах Москва.

Но и эта небольшая часть Руси, принявшая благодаря политике Александра Невского татарскую ориентацию, не представляла из себя целостного государственного образования. Сразу после смерти Михаила Тверского Тверь сделалась противницей Москвы. Суздаль и Нижний Новгород хотя и признавали власть великого князя, но тяготели к самостоятельности. Рязанцы, привыкшие к войне, столь же охотно «ратились» с москвичами, как и с татарами. Республиканский Новгород временами вообще переставал считать себя частью Русской земли, имея все шансы превратиться в особый славянский этнос. Новгородцы, обладая более высокой пассионарностью и сохранив тра-

дицию вечевого правления, противопоставляли себя всей остальной Руси — «низовским землям». Устойчиво сохранял Новгород и свои западнические симпатии. Например, некоторые новгородские попы принимали западных вольнодумцев и часто выступали против канонического византийского православия. Не случайно, как мы увидим в дальнейшем, Новгород в XIV—XV вв. не однажды становился источником церковных ересей на Руси.

Когда князь становился «великим князем Владимирским», получив ярлык от «царя», то есть золотоордынского хана, он фактически приобретал в качестве подданных только население своего удела — москвичей, тверичей или суздальцев. И если им не нравился этот князь или установленный им порядок, они могли совершенно свободно перейти за несколько десятков верст в любое соседнее княжество и там чувствовать себя вполне независимо.

Единственной связующей нитью для всех русских людей XIV в. оставалась православная вера. Всякий, кто исповедовал православие и признавал духовную власть русского митрополита, был своим, русским. И хотя «низовцы», считая новгородцев православными, ни на минуту не сомневались, что их надо бить, теологическая основа единства сохранялась. И потому только православная церковь противостояла тогда распаду Руси. Дальнейшие события подтвердили безусловный рост авторитета духовной власти среди народа.

Во время княжения Михаила Тверского произошло событие, на первый взгляд достаточно незначительное, но в действительности сыгравшее решающую роль в образовании будущего Московского государства. В 1305 г. митрополитом владимирским (митрополичий престол с 1299 г. находился именно во Владимире) был избран собором набожный волынский монах Петр. Новый митрополит, поселившийся во Владимире, посещал приходы и монастыри, занимался своим любимым делом — писанием икон. Словом, шло его архипастырское служение хорошо и гладко. К несчастью, епископы, фавориты князя Михаила Тверского, начали интриговать против митрополита Петра и обвинили его в грехе симонии, попросту говоря, во взяточничестве. Продажа церковных должностей считалась серьезным преступлением, грозившим иерарху лишением сана, но для того, чтобы низложить митрополита, требовалось решение собора.

Далее случилось непредвиденное: на собор пришло множество мирян из Владимира, Ярославля, Москвы, Костромы, Рязани и других городов. И когда епископы начали заседание, то народ, приняв участие в «прениях», заставил князя и собор оправдать Петра. Естественно, после этого Петр старался не навещать Тверь, но стал часто ездить в Москву, где его очень хорошо принимали, относясь к владыке с должным уважением. Последствия ссоры с митрополитом,

сделавшей главу русской церкви сторонником Москвы, сказались не сразу, но для князя Михаила и всего Тверского княжества они стали роковыми.

У московского князя Даниила было двое сыновей. Старший — Юрий, человек неукротимый, беспринципный и недалекий, был полной противоположностью младшему — тихому, богобоязненному и хозяйственному Ивану. Сближало Юрия с Иваном лишь одно: оба они лишились великого княжения и оба были готовы на все, чтобы его вернуть. Унаследовавший Московское княжество Юрий Данилович ненавидел владевшего великокняжеским ярлыком Михаила Тверского. И судьба улыбнулась московскому князю: сменился хан в Золотой Орде.

Покровитель Михаила — Тохта, направляясь на летнее кочевье, умер при невыясненных обстоятельствах, и власть захватил царевич Узбек (1312). Поддерживали Узбека многочисленные ордынские мусульмане, которые исстари селились в поволжских городах, и таким образом в Сарае пришла к власти новая партия — исламская.

Наследник традиций хана Берке — Узбек — проявил себя как крайне жестокий правитель. Приняв ислам, он под страхом смертной казни потребовал того же от всех своих подданных. Дотоле репрессии по религиозным мотивам в Орде никогда не применялись, поэтому не было ничего удивительного в том, что многие отказались принять «веру арабов». Ведь, по Ясе Чингисхана, хан не мог вмешиваться в вопросы веры, а свобода совести всегда понималась монголами как личная свобода человека. Узбек без колебаний отверг этот принцип — все, отказавшиеся обратиться в мусульманство, в том числе 70 царевичей Чингисидов, были казнены. Но большому количеству татар (христиан и язычников), отказавшихся принять ислам, удалось уехать на Русь и при Узбеке, и впоследствии.

Сменой власти в Орде и решил воспользоваться Юрий Данилович Московский в своей борьбе с Михаилом Тверским. Тверь была богаче и воинственнее, чем Москва, но военные столкновения Москвы и Твери не принесли решительного перевеса ни одной из сторон, поэтому без помощи нового золотоордынского хана Юрию Даниловичу обойтись было трудно. Юрий много раз ездил в Орду и сумел не только заручиться поддержкой Узбека, но и стать ханским родственником, женившись на сестре хана — Кончаке. Получив татарскую помощь под тем предлогом, что тверичи «тянут» к врагам татар — литовцам, и заключив союз с Новгородом, Юрий двинулся на Тверь.

Однако полководец из московского князя вышел никудышный. Михаил разбил войско Юрия и захватил в плен его жену, в крещении названную Агафьей. Увы, этот успех погубил тверского князя. Агафья, прожив некоторое время в плену, умерла при очень странных обстоя-

ятельстввах. Юрий не замедлил воспользоваться этим в своих интересах: прибыв в Орду, он обвинил Михаила в преднамеренном убийстве Кончаки — Агафьи, и судьба великого князя была решена.

Юрий получил «великий стол», отнятый у Михаила Тверского, а тверской князь был вызван в Орду. Не желая подвергать разгрому родной город, Михаил поехал к Узбеку и был казнен по приказанию хана. Привели приговор в исполнение люди Юрия Московского и его соратника, татарина Кавгадыя. Великого князя, посаженного в колодку, долго мучили: плохо кормили, издевались над пленником и наконец зарезали.

Убийство невинного не пошло на пользу инициаторам расправы. Кавгадыя вскоре уличили в преступлениях и тоже казнили. Юрий же встретил в Орде сын Михаила, Дмитрий Грозные Очи, и молодой тверич зарубил московского интригана. Так как право суда и казни в Орде принадлежало исключительно хану, Дмитрия Михайловича казнили за самосуд. Наследник тверского князя погиб, и смерть его имела исключительные последствия. Младший сын Михаила, Александр, узнав о смерти брата, отказался от традиционного союза с Ордой и сделал ставку на Литву.

ДЕЛА ЛИТОВСКИЕ

Положение Литвы по сравнению с Владимирским княжеством было весьма выигрышным. Литву, как мы знаем, тоже задел пассионарный толчок XIII в., возродивший к жизни несколько литовских племен. Судя по топонимике, литовские племена в древности занимали территорию чуть ли не до нынешнего Тамбова, но к интересующему нас периоду на юге Русской (Восточно-Европейской) равнины они уже исчезли, слившись с местным угро-финским и славянским населением. Древнелитовские племена сохранились только в Прибалтике и Белоруссии, но и там они уже много веков находились в состоянии гомеостаза. Центральную часть литовского ареала занимало собственно племя литва, или литовцы; к западу от него жила жмудь, еще дальше на запад — пруссы. На востоке современной Белоруссии располагались ятвяги, а племя голядь обитало в районе Коломны.

Властителем, создавшим из этих разрозненных осколков единую Литву, стал уже упоминавшийся нами ровесник Александра Ярославича Невского — литовский князь Миндовг (Миндаугас). После трагической смерти Миндовга произошло то, что всегда происходит в начале фазы пассионарного подъема: литовские князья весь XIII в. боролись между собой за власть. И только в начале XIV в. один из них — Гедимин — окончательно победил соперников и начал проводить завоевательную политику.

Первым его завоеванием стала Черная Русь — местность около города Гродно, самая западная часть Руси. Затем Гедимин подчинил города, ныне относящиеся к Белоруссии: Полоцк, Минск, Витебск. После этого литовцы стали постепенно проникать на Волынь и в Галицию, где правили потомки «короля Малой Руси» Даниила Романовича Галицкого — Лев и Андрей. Сил у галицких князей было настолько мало, что они не могли сопротивляться должным образом ни татарам, ни литовцам, ни полякам, ни венграм. Правда, татары в то время подавляли мятеж Ногая и им было не до Волыни, но литовцы активно пытались овладеть этим регионом.

Однако Гедимину не удалось подчинить Галицию. В результате череды мелких войн, перечислять которые не имеет смысла, Галицию заняли поляки, Закарпатскую Русь — венгры, а литовцам досталась лишь восточная Волынь. На очереди был Киев. Киевский князь Станислав решил защищать свой город, на котором еще лежали отблески славы великого прошлого. Станислав пригласил на помощь других русских князей, в том числе северского. У реки Ирпень в 1321 г. он столкнулся с войсками Гедимины. Литовцы победили и затем осадили Киев. Поскольку никакой надежды на помощь не было, киевляне подчинились великому князю Гедимину на основе вассалитета: все «имения» были оставлены за ними, а князь киевский стал просто «подручником» литовского князя Гедимины.

После взятия Киева экспансия литовцев продолжилась. Под натиском неукротимой литовской конницы пали все русские города до Курска и Чернигова. Так при Гедимине и его сыне Ольгерде создалось могучее Великое княжество Литовское. Надо сказать, что характерной чертой Литвы XIII в. было сохранение древней языческой веры в воинственного бога Перуна и весьма плохое отношение к христианам, как к западным, так и к восточным. Однако Гедимин, человек волевой и умный, сам будучи язычником, умел считаться с христианским русским населением.

Политику Гедимины продолжили его сыновья Ольгерд и Кейстут. Русские летописи много сообщают о первом и почти совсем не упоминают о втором, а хроники крестоносцев, напротив, часто рассказывают о Кейстуте и почти не замечают Ольгерда. Это связано с тем, что братья разделили сферы влияния. Кейстут сидел в Жмуди и боролся с немцами, а Ольгерд, стараясь захватить как можно больше русских земель, воевал с Москвой и татарами. При этом Ольгерд и его племянник Витовт приняли, хотя и формально, православие. Литовские князья женились на русских княжнах и объединяли вокруг себя уцелевших Рюриковичей из Турово-Пинской земли. Так, исподволь, свершалось включение древнерусских земель в состав Великого княжества Литовского.

Ольгерду удалось подчинить себе огромную территорию с границами почти у Черного моря и Дона. В 1363 г. в решающей битве с татарами у Синих Вод (ныне река Синюха, приток Южного Буга) Ольгерд разбил степняков и, овладев таким образом западной частью Великой степи между Днепром и устьем Дуная, вышел к Черному морю.

Но Литва оставалась зажатой между православной Русью и массивом католической Европы. Литовцы активно воевали с немцами — антипапистскими Ливонским и Тевтонским орденами, — и потому их объективными союзниками могли стать сторонники партии гвельфов, прежде всего католики Польши. Вероятно, в связи с этим Гедимин разрешил своим подданным принимать католическую веру. К тому же он, наверное, учитывал, что, кроме идеологического единства, у литовцев была еще одна основа союза с поляками. Литовцы постоянно совершали набеги на Польшу, и прежде всего на Мазовию, откуда привозили польских девушек. Так начался мощный процесс польско-литовской интеграции.

Вспомним чудесную балладу А. Мицкевича, переведенную А. С. Пушкиным: «Три у Будрыса сына, как и он, три литвина...» Старик литвин посылает сыновей на войну: одного — грабить русских в богатом Новгороде, другого — на Балтику против крестоносцев, «проклятых крыжаков», а третьего сына шлет в Польшу:

В Польше мало богатства и блеску,
 Сабель взять там не худо, но уж верно оттуда
 Привезет он мне на дом невестку.
 Нет на свете царицы краше польской девицы.
 Весела, что котенок у печки,
 И как роза румяна, а бела, что сметана;
 Очи светятся, будто две свечки!
 Был я, дети, моложе, в Польшу съездил я тоже
 И оттуда привез себе женку;
 Вот и век доживаю, и всегда вспоминаю
 Про нее, как гляжу в ту сторонку.

Конец баллады таков: все трое сыновей отправились в Польшу и привезли оттуда по невесте.

Предпосылки для развития польско-литовского контакта были. Польша, не задетая пассионарным толчком, находилась в состоянии глубокого кризиса. Мазовия граничила с владениями Ордена, захватившего Пруссию; Малая Польша (историческая область с центром в Кракове) с трудом избавилась от господства чехов, которых выгнал талантливый польский король из династии Пястов — Владислав Локетек.

После прекращения династии Пястов (1370) власть в стране перешла к французскому Людовику Анжуйскому, а он в свою очередь передал польскую корону своей дочери Ядвиге. Но когда Ядвига захотела выйти замуж за любимого ею Вильгельма, сына Леопольда Австрийского, вмешались польские магнаты и предложили королеве ради государственных интересов сочетаться с литовским князем Ягайлой, дабы таким образом объединить силы Польши и Литвы и остановить экспансию немцев. В итоге Вильгельм был отправлен назад в Австрию, а Ядвига пришлось пойти к алтарю с насоро окрещенным литвином.

Женившись на Ядвиге, Ягайло стал полноправным властителем объединенной Польши и Литвы и как таковой приказал всем нехристианам Литвы принять католичество. Так состоялась Кревская уния (1386). Однако далеко не все встретили такое решение с восторгом. Те литовцы, которые уже связали себя с русскими — потомки Гедимины и соратники Витовта, не хотели принимать католичество. Сам Витовт был сторонником религиозного компромисса, но значительное число ревностных православных в Литве отнюдь не помогало его достижению. Таким образом, литовская пассионарность вследствие пограничного положения Литвы между Польшей и Владимирской Русью оказалась «оттянутой» соседями. Часть литвинов приняла католичество, а другая сочла более приемлемым православие. Таково было следствие пассионарного взрыва.

ЦЕРКОВЬ И МОСКВА

Усиление влияния католицизма в Литве и ориентации на Литву князя Александра Тверского имели огромные последствия для Москвы. Поскольку Александр заручился поддержкой язычника, литовского князя Гедимины, это сделало его врагом татар, шедших с христианами на компромисс. И потому русская православная церковь высказалась в поддержку Москвы.

Преемник митрополита Петра — грек Феогност — предпочел иметь дело с Москвой, которая показала себя опорой митрополичьего престола, а не с Тверью, ставшей союзницей католиков. Тем временем московское княжение перешло к Ивану Даниловичу Калите, брату погибшего Юрия (1325). Основой политики Калиты стало стремление использовать в интересах Москвы союз с татарами. Кроме того, князь Иван старался покупать у обедневших удельных князей их владения, а тем ничего не оставалось, как продавать свои вотчины: мелкие княжества не могли соперничать с богатой Москвой, которую создал Даниил и унаследовал Иван Калита. За годы своего княжения Иван Калита довольно существенно расширил пределы княжества, в частности, приобрел большой старинный город Ростов.

Но основная заслуга Ивана Калиты, до сих пор, как кажется, не оцененная традиционной историографией, состоит в другом. При Иване Калите получил свое окончательное воплощение новый принцип строительства государства — принцип этнической терпимости. В отличие от Литвы, где предпочтение отдавалось католикам, в отличие от Орды, где после переворота Узбека стали преобладать мусульмане, в Москве подбор служилых людей осуществлялся исключительно по деловым качествам. Калита и его наследники принимали на службу и татар (христиан и язычников, бежавших из Орды после победы ислама и не желавших поступаться религиозными убеждениями), и православных литовцев, покидавших простых русских людей, все богатство которых заключалось в коне да сабле. Никаких владений у этих людей не было, и потому они искали службы, то есть государственных военных обязанностей, за выполнение коих от князя московского следовало вознаграждение в виде «корма» с небольшой деревеньки. Силой, связующей всех «новонаходников», в Москве стала православная вера. Ведь обязательным условием поступления на московскую службу было добровольное крещение. Креститься необходимо было и для заключения брака. Множество татар — ордынских выходцев — женились на русских красавицах, а татарки выходили замуж за русских.

Так, исподволь, во всей Северо-Восточной земле восторжествовало православие, хотя при этом сохранились и некоторые языческие обычаи.

Усиление христианских традиций в Северо-Восточной Руси XIV в. коснулось прежде всего служилых людей. Как в Киевской Руси после крещения, так и на Руси XIV в. человек мог стать дружинником, гриднем у князя или ближним у боярина лишь будучи христианином. Поскольку это условие соблюдалось совершенно неукоснительно, для принципиальных противников христианства (пассионариев-язычников) и для принципиальных противников каких-либо принципов (лентяев-субпассионариев) не было возможности делать на Руси карьеру. И тут на помощь русским язычникам пришли татары. Ведь монгольские ханы брали на службу всех, кого угодно. Русские язычники в составе ханских войск шли сначала на Волгу, а затем и на Дальний Восток, в Китай. Так около Пекина возникли русские слободы, жители которых составляли в монгольских войсках отдельные дивизии, ходившие в Индокитай, в Бирму, где сражались и одерживали победы для монгольского хана. Русские поселения в Китае просуществовали до конца XIV в., пока в ходе антимонгольских восстаний не были уничтожены китайцами вместе с их обитателями.

Таким образом, активная антихристианская часть населения Руси просто исчезла в результате миграции, а количество активных хри-

стиан в Москве, наоборот, увеличилось из-за притока пассионариев Орды, Литвы и окраинных русских княжеств. Русские православные люди на Москве (общность, сложившаяся из различных субстратов) считали своим главой духовного владыку Руси — митрополита, и потому лейтмотивом, поведенческой доминантой у возникавшей новой этнической целостности стало действенное православие. Сей факт отразился и в названии новой общности. Именно в это время, в XIV столетии, Русь получила название «Святая». Характерный эпитет указывал, что на месте старой Киевской Руси возник совершенно новый этнос — великорусский, со своей этносоциальной системой — Московской Русью.

Поскольку русские владыки и их паства считали своим идеалом соблюдение канона византийского православия, отношения Руси с Константинополем претерпели существенные изменения. Палеологи, захватившие трон базилиевсов в 1261 г., оказались императорами без империи, владетелями полуразрушенного города, окруженного со всех сторон врагами. Базилиевсы, не имевшие ни сил, ни средств, должны были искать союзников, самыми сильными из которых могли быть на Востоке — турки-османы, на Западе — крестоносцы. Поскольку турки наступали на Византию, а крестоносцы покинули Константинополь, то Палеологи попытались заключить договор с папским престолом и получить от Запада необходимую помощь, чтобы оттеснить турок и не дать мусульманам захватить Малую Азию. Но папский престол непременным условием помощи грекам поставил заключение религиозной унии. Это означало, что православная церковь должна подчиниться Риму и принять католический «символ веры», хотя и сохранив основные формы восточных церковных обрядов. В этническом смысле уния означала бы вхождение Византии в западноевропейский суперэтнос со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Отметим и еще одно обстоятельство. Обещая грекам помощь в борьбе против турок, Рим был фактически не в состоянии эту помощь оказать. Войны с германскими императорами, особенно с Фридрихом II, альбигойцами, неудачи в Святой земле лишали престол возможности серьезно и действительно заниматься греческими делами. Да и положение самого папского престола было довольно шатко. Анжуйцы выгоняли из Неаполя папу Николая III Орсини. Французы схватили и посадили в тюрьму папу Бонифация VIII, причем один из его врагов, граф Колонна, даже ударил римского первосвященника по лицу. И кроме того, латиняне не особенно стремились помогать грекам: что им было беспокоиться о «схизматиках»?

Тем не менее переговоры греческих императоров с папами начались, и, естественно, среди искренних православных греков возник-

ла устойчивая оппозиция идее унии. Одним из центров оппозиции стало войско. Греческие полководцы хорошо понимали, что реальной помощи от Рима получить невозможно, а значит, защищаться все равно придется самим. Вторым оплотом оппозиции стали православные интеллектуалы — священники и монахи, отвергавшие унию принципиально, по теологическим соображениям. Поскольку в столице противников унии не жаловали, поборникам православия приходилось покидать Константинополь, и они начали уходить в монастыри на горе Афон.

Так как Афон тоже подчинялся центральному правительству, то и пребывание там особых возможностей для религиозной пропаганды не давало. Тогда православные монахи Афона создали новую форму религиозной жизни — исихазм (от *греч.* hesychia — покой, безмолвие). Исихасты, приняв обет молчания, говорили только в редких случаях, когда это было необходимо. Понятно, что против монахов-молчальников правительство оказалось бессильно. Так и сложились в Византии два религиозных центра: стремившийся к унии Константинополь и Афон, не только продолжавший православные традиции, но и развивавший их. Родилась новая религиозная система, которая в том же XIV в. была перенесена на Русь.

На Руси люди были прекрасно осведомлены о подоплеке религиозных споров в Византии. Русичи признавали духовную власть константинопольского патриарха, но не могли не понимать, что поскольку патриарха ставил император, склонный к унии, то практически подчиняться ему означало действовать во вред себе. К тому времени русские вполне успели оценить последствия союза с Западом. Ведь Палеологи, нуждаясь в помощи, открыли Босфор и Дарданеллы для итальянских кораблей. Так как Венеция была против нищей Византии, то предпочтение отдали генуэзцам. Генуэзцы построили крепости в Крыму и развернули бойкую торговлю сначала в Поволжье среди татар, а потом и на Руси, распространив свое влияние вплоть до Великого Устюга. Ничего хорошего для местного населения из этого не вышло: недаром Данте в своей «Божественной комедии» писал, что самые нижние круги ада заняты генуэзцами, которые сплошь — мерзавец на мерзавце.

А вот учение афонских монахов вполне соответствовало устремлениям Москвы, поэтому исихазм и киновии (монашеские общежития) получили в XIV в. на Руси заметное распространение. Основателем первой киновии с самым строгим монастырским уставом был великий русский подвижник Сергей Радонежский. Говорил Сергей мало: выполняя свое послушание, он в основном носил воду в монастырь да стоял церковные службы. Но зато, когда Сергей что-нибудь говорил, его слушали, ибо он говорил дело. Эта система поведения нашла

много последователей. Вокруг обители Сергия создался ореол святости и уважения, а ученики подвижника стали сами, по его благословению, основывать общежительные монастыри.

Эффективность такого рода духовной экспансии была огромной. Каждый монастырь играл роль не только церкви, но и больницы, и школы, и библиотеки. Конечно, врачей среди монахов было меньше, чем в современной поликлинике, а книг — меньше, чем в библиотеке Академии наук, но врачи лечили, а книги читались. Влияние игуменов и иноков-подвижников росло. Люди, приходившие в монастырь, начинали верить, что православная Русь может жить, помогая сама себе, не опираясь на силы татар или литовцев. И это крепнущее убеждение принципиально отличало русских от византийцев, у которых без помощи турок или итальянцев ни одна партия не достигала успеха. Растущая пассионарность русских людей оказалась направлена ортодоксальным православием к единой цели строительства Святой Руси. В этих условиях Москва смогла перехватить инициативу во внутренней и во внешней политике.

Вопрос о том, почему именно Москва оказалась в наиболее выигрышном положении, ставился на протяжении, по крайней мере, полутораста лет. Многие видели причину в географическом положении Москвы: она-де находилась в центре Русской земли, на перекрестке дорог. Но ведь и Тверь была в «центре», а Углич или Кострома находились в гораздо более выгодном положении по отношению к торговым путям, однако столицами новой Руси — России — эти города не стали.

С точки зрения пассионарной теории этногенеза, причина возвышения Москвы состоит в том, что именно Московское княжество привлекло множество пассионарных людей: татар, литовцев, русичей, половцев — всех, кто хотел иметь и уверенность в завтрашнем дне, и общественное положение, соответствующее своим заслугам. Всех этих пришельцев Москва сумела использовать, применяясь к их наклонностям, и объединить единой православной верой. При этом на Москву большей частью шли люди энергичные и принципиальные. Так, татары-золотоордынцы, бежавшие после переворота Узбека в Москву, составили костяк русского конного войска, которое впоследствии и обеспечило победу на Куликовом поле.

Совершившийся на московской земле этнический синтез в фазе пассионарного подъема оказался решающим фактором. Пассионарный потенциал Москвы «возобладал» над богатствами Новгорода, удастью Твери и династическими претензиями Суздалья. Еще в первой половине XIV в. Иван Калита, опираясь на поддержку вначале хана Узбека, а затем его сына Джанибека, взял на себя функцию выплаты дани за всю Русь. Теперь Москва собирала дань как налог со всех русских княжеств и выплачивала в Орду то, что называлось «выход».

И если, например, тверичи призывали против Москвы литовцев, то татарские отряды, приходившие с Волги, защищали источник доходов хана. Москва стала практически неуязвимой с запада, в то время как Смоленск был захвачен Витовтом, Тверь ослабла, а Новгород погряз во внутренних конфликтах. Падение пассионарности в древних русских центрах являло собой разительный контраст по сравнению с ростом ее в Москве. Те же новгородцы, которые еще в XII—XIII вв. считались настолько буйным народом, что князья отказывались к ним ехать, ибо с ними нельзя было совладать, к XIV в. превратились в тихих обитателей спокойного «мещанского» города.

В то время, когда Новгород терял свои позиции, московские князья усилились и начали реально претендовать на новгородские владения: уже в XIV в. к Москве был присоединен Великий Устюг, что резко усилило ее вражду с Новгородом. Новгородцы традиционно стремились эксплуатировать огромную территорию севера вплоть до Каменного пояса, то есть до Уральского хребта. Устюжане тоже претендовали на роль колонизаторов севера и были для новгородцев естественными конкурентами. Отряды новгородских ушкуйников, пытавшиеся объясчить заволоцкую чудь — потерявший пассионарность реликтовый этнос, обитавший в бассейне Северной Двины и Сухоны, — встречали сопротивление не только самой заволоцкой чуди, но и устюжан. Всех без исключения пойманных новгородцев устюжане убивали. Естественно, и новгородцы совершали карательные экспедиции в Великий Устюг, также истребляя пленных.

Как видим, война была фактически трехсторонней, а северные территории до Белого и Баренцева морей и до Урала, которые на всех исторических картах показываются новгородскими, являлись лишь зоной новгородского влияния, но не более. И поэтому Новгород усиливал торговлю с Западной Европой. Хотя сами новгородцы не ходили по Балтийскому морю, так как балтийский путь целиком контролировался немцами, западноевропейские купцы приезжали в Новгород и совершали там выгодные торговые сделки. Казалось бы, этого было достаточно для того, чтобы этот древний город мог существовать самостоятельно. Но на самом деле на пути к его полной независимости лежали естественные преграды.

В XIV в. зона увлажнения Евразийского континента сместилась к северу. На северо-западе Евразии часто шли дожди, а значит, постоянно имели место неурожаи. В Новгороде при всем его богатстве хронически не хватало своего хлеба. Поскольку везти зерно из Европы в то время было невозможно, новгородцы получали хлеб «с низу». Следовательно, тот, кто владел областью между Окой и Волгой, всегда мог, остановив караваны с хлебом, принудить Новгород к капитуляции.

Владевшие волго-окским междуречьем сначала суздальские, а потом и московские князья широко пользовались сложившейся ситуацией. Исключение московские князья делали лишь тогда, когда Новгород заключал с ними союз против Твери, ибо Тверь была объявлена Москвой княжеством с изменническими, пролитовскими устремлениями. Отчасти так оно и было, но для нашей темы существенно другое: сложившаяся на московской земле новая этническая общность — москвиты — уже при Иване Калите начала противопоставлять себя населению других городов и княжеств, претендовать на роль третьей-ского судьи в общерусских спорах.

В тот же период москвичи столкнулись с претендовавшей на самостоятельность Рязанью. Назвать рязанцев изменниками православия оказалось трудновато: Рязань, лежавшая в степном пограничье, боролась против татарских набегов, так что обвинить рязанских князей в предательстве было неудобно, но москвичи и с этой задачей справились, выдумав, будто рязанский князь Олег тоже имеет контакты с Литвой. Конечно, никакой дружбы с Литвой Олег не вел, но цель была достигнута: Рязань оказалась в изоляции.

Такая политика, выражавшая стремление Москвы к лидерству и утверждению православия, неуклонно продолжалась и после смерти Ивана Калиты (1340). Заметим, что дети Ивана — Симеон Гордый и Иван Иванович Красный — особыми талантами не обладали. Но при общем пассионарном подъеме этноса иметь на престоле государя, не блиставшего яркой индивидуальностью, было скорее благом, чем злом. Такой князь с удовольствием отдавал инициативу своим ближним боярам, среди которых было много и талантливых воевод, и изворотливых дипломатов, и толковых хозяйственников. Князья Симеон и Иван не мешали таким людям «делать» внутреннюю и внешнюю политику Москвы по своему разумению и ограничивали свой вклад соблюдением придворного этикета, раздачей наград и наложением наказаний.

Фактическим главой государства после смерти Ивана Калиты стал его крестник митрополит Алексей, сменивший на архипастырском служении Феогноста. Алексей происходил из знатного боярского рода Плещеевых и был человеком огромного ума, большого такта, широкого политического кругозора. Он имел поддержку среди большинства православных людей, живших в Московском княжестве, что по тем временам имело решающее значение. В качестве верховного главы русской церкви Алексей обладал вполне реальной властью над всеми русскими князьями без исключения.

Оппонентами Москвы при Алексее стали, помимо тверских, и суздальские князья. У них была собственная система политической ориентации, достаточно гибкая и имевшая глубокую основу. По существу,

суздальские князья стояли за Древнюю Русь с ее удельными порядками, хотя в XIV в., как мы помним, большинство исконных земель Киевской Руси было почти без сопротивления отдано литовцам, а удержались лишь те из них, которые находились под властью татар. Традиция близости с татарами у суздальских князей тоже была и, как отмечал А. Н. Насонов, тянулась еще со времен Батые. Суздальцы поддерживали политику Александра Невского, но категорически не хотели никаких перемен. Близость с татарами, спокойными и веротерпимыми, требовавшими минимального «выхода», обеспечивала им беспечальное существование: ведь в состав Суздальского государства входили богатые поволжские города, главным из которых был Нижний Новгород. Богатство, приносимое торговлей, позволяло без труда выплачивать татарам налог на содержание войска, и потому все усилия суздальских князей были направлены на развитие торговли в своем княжестве, а отнюдь не на объединение страны, как это имело место в Москве. Потому и дружили суздальцы с татарами вовсе не так, как москвичи.

Если на Москве татары принимали православие, женились на русских женщинах и в следующем поколении интегрировались в общую массу московитов, сохраняя (или даже не сохраняя) лишь память о своем происхождении, то в Суздальском княжестве никакого слияния не происходило. Суздальские князья не крестили татар, принимая их на службу; они просто избрали своим политическим союзником татар-мусульман, продолжавших жить на Волге. Это и понятно: суздальские ревнители седой старины стремились к самостоятельности своих городов, к получению доходов от торговли и вовсе не желали ими делиться.

Поскольку Москва, в лице митрополита Алексея, провозгласила иную доминанту, став, по существу, объединяющей теократической монархией, то для суздальских князей Алексей был врагом номер один. Попытка Суздаля перехватить инициативу вылилась в войну двух Дмитриев: Дмитрия Константиновича Нижегородского и Дмитрия Ивановича Московского. Конфликт закончился примирением и браком Дмитрия Ивановича и суздальской княжны (1366). Митрополит Алексей и на этот раз добился желанного, хотя пока и не прочного, мира на Руси.

Прочным этот мир быть не мог, ибо далеко не все разделяли стремление Москвы к единству. Новгород, Тверь, Рязань, тот же Суздаль по-прежнему мечтали сбросить укрепляющуюся власть московского князя, отнять у московитов великое княжение. Оппозиция Москве четко зафиксирована и в литературных памятниках. Так, В. Л. Комарович, рассматривая Китежскую легенду, показал, что слово «татары» использовалось в ней в качестве цензурной зашифровки. Под «татара-

ми» в легенде подразумевалась... Москва, которая, захватывая город за городом, устанавливала в них новые порядки, очень неприятные для ревнителей старины¹.

Столь опытный политик, как митрополит Алексей, не мог не понимать той угрозы московской власти, которую представляла собой оппозиция. Ведь ярлык на великое княжение по-прежнему выдавали ордынские ханы, и, следовательно, потеря ярлыка москвичами могла свести на нет все многолетние усилия московских князей по собиранию русских земель. У Алексея оставался единственный выход — отказаться от древней системы передачи власти на Руси и попытаться сделать великое княжение частью неотторжимого владения московских государей. Эту огромную по значимости задачу Алексей, опираясь на поддержку всей Москвы, выполнил с честью. Но чтобы понять, почему это стало возможным, необходимо обратиться к рассмотрению ситуации того времени в Орде.

ДЕЛА ОРДЫНСКИЕ

В XIV столетии в Орде произошли колоссальные перемены. Мы уже упоминали, что Золотая (Большая) Орда, как и весь некогда единый Монгольский улус, к началу XIV в. стала переходить в новую фазу этногенеза — акматическую. В момент фазового перехода этнос всегда ослабевает из-за потери сил, затрачиваемых на структурную перестройку. Не стали исключением и монголы. Затраты сил были столь велики, что этнос утерял свою прежнюю доминанту, сменив ее на новую — исповедание ислама (1312). Переворот Узбека в Орде стал знамением времени.

Первое время после переворота традиционные взаимоотношения Орды и Руси еще сохранялись. Наследовавший Узбеку его сын, хан Джанибек, будучи уже мусульманином, все еще старался поддерживать отношения, установившиеся при домусульманских ханах Золотой Орды. Ориентируясь на союз с Симеоном Гордым, Джанибек, человек добрый, честный и дельный, противостоял проникновению в Поволжье и в Причерноморье католиков-генуэзцев — союзников константинопольских императоров.

Противостояние вылилось в открытую войну после того, как татарские кочевья постиг джуд (гололедица). Скот падал, люди голодали, и, спасаясь от голода, татары продавали сыновей и дочерей гену-

¹ Необходимость зашифровки вполне понятна. Неодобрительно писать про Москву и московскую митрополию даже в те времена было слишком опасно, и поэтому вместо Москвы книжники называли татар. В.Л. Комарович нашел и рукопись, в которой действительно говорится о Москве, но это, скорее, исключение из общего правила.

эзцам. Генуэзцы с удовольствием скупали девочек и мальчиков в чайнии высоких барышей. Узнав об этом, Джанибек страшно возмутился: по татарским понятиям, можно и нужно было стремиться к получению военной добычи, но наживаться на несчастье соседа считалось аморальным. Войска Джанибека осадили сильную генуэзскую крепость Кафу (современная Феодосия). Поскольку генуэзцы имели флот, а татары — нет, крепость была для них практически неприступна. И тогда Джанибек приказал забросить катапультной в крепость труп умершего от чумы человека. Труп перелетел через стену и разбился. Естественно, в Кафе началась чума. Генуэзцы вынуждены были оставить Кафу, и уцелевшая часть гарнизона отправилась домой.

По дороге покинувшие Кафу остановились в Константинополе — чума пошла гулять по Константинополю и пришла в Европу. В это же время происходила миграция с востока на запад азиатской землероющей крысы-пасюка. Поскольку крысы — это переносчик чумы, «черная смерть» поползла по всей Западной Европе. Тогда вымерла большая часть Южной Италии, три четверти населения Германии, около 60% населения Англии; через Германию и Швецию «черная смерть» попала в Новгород, через Новгород и Псков — в Москву, где от нее умер и князь Симеон Гордый (1354).

Несмотря на огромные людские потери во время эпидемии, Московское княжество быстро восстановило не только количественный, но, и это главное, «качественный» состав своего населения. Да это и неудивительно: пережить смерть своих боевых товарищей, друзей и близких, сохранив волю к жизни и деятельности, гораздо лучше удалось людям энергичным, активным, способным бороться в сложной обстановке, то есть пассионариям. После эпидемии для них сложились самые благоприятные условия, ибо все — князь, бояре, митрополит — в час разорения нуждались не в лодырях и слунтях, а в людях толковых и духом не падавших. И потому, несмотря на чуму, период царствования Джанибека был крайне благоприятным временем для Москвы.

В немалой степени этому способствовало и то обстоятельство, что сам митрополит Алексей сумел установить доверительные отношения с Джанибеком и его старшей женой — Тайдулой. Тайдула, «первая дама» ханского двора, была женщина редкой красоты и выдающегося ума. Однако ее постигло несчастье — тяжелая глазная болезнь (по всей видимости, трахома). У ложа царицы побывали знаменитые персидские и арабские врачи, степные шаманы, но тщетно: болезнь прогрессировала. И лишь Алексей, посетивший Тайдулу в Орде, смог помочь жене хана. Тайдула, женщина благородная, не забыла услуги и всегда оставалась верным другом московской митрополии, а тем самым и Московского княжества.

Финал царствования «доброего царя» Джанибека был трагичен. Один из его многочисленных детей — Бердибек — стал отцеубийцей, захватил трон и казнил всех своих братьев, дабы упрочить свои права на престол. Но изверга-отцеубийцу никто не собирался поддерживать, и вскоре Бердибек был убит. После этого объявился целый ряд самозванцев. Кульпа, Навруз и другие называли себя уцелевшими детьми Джанибека. Все они претендовали на престол, а их истинным происхождением никто не интересовался. В результате стабильность в Орде была утрачена — за десять лет сменилось несколько десятков ханов, большинство из которых были чисто номинальными политическими фигурами. Русские летописцы очень точно назвали происходившее в Орде «Великой замятней».

«Замятней» и воспользовался митрополит Алексей. Используя нужду очередного хана в русском серебре, он сумел в обмен на финансовую поддержку получить ханскую грамоту, удостоверяющую, что великое княжение является наследственным правом московских князей из династии Ивана Калиты. Таким образом, политическая традиция Киевской Руси была отменена окончательно. Ей на смену пришел абсолютно новый принцип наследственной, династической монархии. Итоги «Великой замятни» оказались для Золотой Орды плачевными. Хан Синей Орды Хызр привел свои сибирские полки и захватил все Поволжье. Хызра наши летописцы тоже называли добрым, кротким и человеколюбивым. За свое короткое правление он сумел провести только одно мероприятие — поручить русским князьям переловить новгородских ушкуйников, которые свирепствовали на Волге и Каме, и казнить их, что князья с удовольствием и проделали, ведь разбойники-ушкуйники ни в ком не вызывали ни малейшей симпатии.

Ханы Синей Орды были слабо связаны с Сараем. Если Белая Орда, граничившая с Джагатайским улусом и мусульманской частью Средней Азии, без воодушевления, но все же перешла в ислам, то Синяя Орда, находившаяся, как мы помним, в Западной Сибири, по-видимому, об исламе вообще не имела никакого представления. Вельможи, окружавшие ханов, назывались там не «эмиры», а «тояба» (слово это переводу не поддается, понятно лишь, что имеется в виду военная аристократия, командный состав армии, не подвергшийся никаким культурным воздействиям — ни христианизации, ни исламизации). И потому вскоре территориальная целостность Золотой Орды была утрачена: отделились камские булгары, мордва и гузы, которые жили на Яике, а оставшаяся территория распалась на две части.

Восточной частью стали владеть потомки Хызра (их было много, и они часто сменялись на престоле), а в Причерноморье пришел к власти темник Мамай. Мамай первоначально командовал тьмой —

десятью тысячами воинов. Он не принадлежал к роду Чингизидов, но был талантливым полководцем и умным политиком. Вероятно, именно поэтому он оперся на бывших врагов монголов — придонских половец, которые к тому времени тоже стали называться татарами.

Отношение этих двух частей бывшей Золотой Орды к Руси было различным. Наследники ханов Синей Орды — прежде всего Тохтамыш — придерживались традиционной политики союза с Русью, проводимой со времен Батые. Мамай же опирался на союз с Западом, главным образом с генуэзскими колониями в Крыму. Это различие оказалось решающим в дальнейшем ходе событий.

СИНЯЯ ОРДА

Утрата единства Золотой Орды позволяла литовцам добиться значительных успехов на территории, потерявшей покровительство татар. Киев все в большей степени становился литовским городом, а Чернигов и Северская земля постоянно переходили из рук в руки — от Москвы к Литве и обратно. Литовский князь Ольгерд, не симпатизировавший православию, несколько раз устраивал в Полоцке и Витебске гонения на христиан. Это, конечно, не прибавляло ему популярности на Руси, и Москва была категорически против литовской политики. К тому же Ольгерду приходилось считаться с тем, что большинство населения разбухшей от завоеваний Литвы составляли православные русские. Поэтому, чтобы обеспечить их если не преданность, то лояльность и ослабить влияние московского митрополита, Ольгерд попытался установить в Киеве особую митрополию, которой подчинялись бы православные русские.

Митрополит Алексей вполне оценил опасность, таящуюся в плане Ольгерда для власти Москвы и для судьбы Руси. К счастью, вопрос об учреждении новой митрополии мог быть решен только в Константинополе. В Константинополе же Палеологов сменил Иоанн Кантакузин — полководец, ставший императором. Кантакузин, видя гибель ромейской державы, использовал помощь османского султана Урхана, одержал победу над Палеологами и занял Константинополь. Поскольку идейную поддержку Кантакузину оказали афонские монахи — противники западников-Палеологов, — с его приходом к власти было восстановлено каноническое православие и пресечены все попытки заключения унии с Римом.

Естественно, что политика Кантакузина, опиравшегося на дружбу с турками и отказавшегося от услуг рыцарей из Франции, Италии и Сицилии, квалифицировалась западноевропейцами и их греческими друзьями как государственная измена. Такая точка зрения из французских и немецких сочинений перекочевала и в русскую ли-

беральную историографию XIX в., хотя, по справедливости, эта точка зрения должна быть признана, по крайней мере, однобокой. Ведь в действительности Кантакузин оказал огромную услугу митрополиту Алексею в сохранении церковного единства Руси. Император и поставленный им патриарх Филофей Коккин выступили против разделения русской митрополии на восточную и западную. Опираясь на поддержку императора и патриарха, митрополит Алексей сумел, будучи в Константинополе, добиться от патриархии отказа Ольгерду. Через некоторое время Кантакузин, покинутый своими сторонниками, отрекся от престола и ушел на Афон, где окончил свои дни монахом и духовным писателем. Палеологи вернулись к власти, но русская митрополия осталась единой.

Однако далеко не все на Руси поддерживали антилитовскую, а значит, и антизападническую политику Москвы. За Ольгерда стояли противники Москвы — суздальские князья; имелась мощная партия сторонников Литвы и в Новгороде. Точно так же две партии, как мы помним, сложились и в двух частях бывшей Золотой Орды: западническую возглавлял темник Мамай, а партию сторонников Московской Руси — хан Тохтамыш.

Тохтамыш был сыном эмира Мангышлака, убитого правителем Белой Орды Урус-ханом. Но эмиры и беки Белой Орды не захотели подчиняться наследникам Урус-хана, людям ничтожным, глупым, пьющим и ленивым. Недолго думая они призвали Тохтамыша, сына жертвы Урус-хана. Началась внутренняя усобица, вылившаяся в военные действия. Тохтамыш проиграл решающий бой, спасаясь, бросился в Сырдарью, под градом стрел, раненый, переплыл реку и выбрался на другой берег. Там его подобрала люди Железного Хромца — Тимура. Тохтамыша накормили, перевязали рану, одели, а потом представили самому Тимуру. Тимур сказал: «Ты, видимо, мужественный человек; иди, возвращай себе свое ханство, и ты будешь моим другом и союзником». Тохтамыш вернулся с войсками Тимура и овладел Белой Ордой, а Синюю получил по праву наследования. После этого он двинулся на запад, чтобы изгнать из Причерноморья узурпатора Мамаю.

Мамай прекрасно понимал грозящую ему опасность. Для того чтобы собрать достаточное количество людей (волжские татары неохотно служили Мамаю, и в его войске их было немного), Мамай привлек ясов, касогов, крымских караимов. На содержание такого войска нужны были деньги, и немалые. У самого Мамаю денег не было, а получить финансовую помощь Мамай мог лишь от своих друзей — генуэзцев. Те обещали помочь, но потребовали взамен концессии для добычи мехов и торговли на севере Руси, в районе Великого Устюга. Мамай попытался договориться с князем Дмитрием Московским и некото-

рыми русскими боярами о том, что за предоставление концессий он поможет устройству их личных дел, а молодому князю Дмитрию даст прыжок на великое княжение.

Если бы Дмитрий согласился на эту сделку, Московская Русь в очень короткое время превратилась бы в торговую колонию генуэзцев. И хотя многим в Москве предложение показалось выгодным, свое слово сказала церковь. Преподобный Сергей Радонежский заявил, что с латинянами никаких дел быть не может: на Святую Русскую землю допускать иноземных купцов нельзя, ибо это грех. Авторитет Сергия был настолько высок, что с ним нельзя было не считаться, к тому же его поддержал митрополит Алексей. Москва отвергла предложение генуэзцев и тем самым продемонстрировала верность союзу с законным наследником ханов Золотой Орды — Тохтамышем, стоявшим во главе волжских и сибирских татар.

Мамай, рассерженный на неуступчивого московского князя, решил подавить Москву, взыскать с Дмитрия повышенную дань и таким образом угодить своим друзьям-генуэзцам. Для этого он вступил в союз с Ягайлой, сыном Ольгерда, который, как и его отец, мечтал о захвате части Руси. Мамаю и Ягайлу свела вместе идея раздела Руси, при котором часть ее территории досталась бы литовцам, а часть Мамай подчинил бы себе и создал бы на ее основе свое новое государство.

На Руси не было общего мнения о том, какую политику проводить по отношению к Мамаю. Одни говорили, что надо договориться с ним, договориться с Палеологами, генуэзцами и сохранить мир: в подчинении, мол, ничего страшного нет. Другие — их оппоненты — хорошо понимали, что за мусульманином Мамаем стоят католики, а католики для Руси — враги.

В канун решающих событий умер старый московский митрополит Алексей, и сторонники союза с Западом попытались воспользоваться удобной ситуацией. Надо сказать, что молодой князь Дмитрий очень тяготился опекой митрополита Алексея и влиянием преподобного Сергия, которому Алексей хотел передать митрополичий престол. Дмитрий желал иметь митрополитом своего духовника Митяя. Поскольку Сергей отказался надеть митрополичий клобук, дело устроилось для западников наилучшим образом: Митяй был фигурой лояльной. По приказу князя этого человека быстро постригли в монахи, дав имя Михаил, произвели в высокий сан и послали в Константинополь для получения сана митрополита. Но не все люди одинаково патриотичны, бескорыстны и честны. Среди посланных с Митяем оказался некто Пимен, беспринципный честолюбец, вынашивавший далеко идущие планы, оказавшиеся для Митяя роковыми.

Мамай, считая, что Дмитрий и новый митрополит помогут ему удовлетворить претензии генуэзцев, пропустил корабль Митяя,

плывший по Дону. Посольство благополучно добралось до побережья Черного моря, и там Митяй, совершенно здоровый человек, умер при невыясненных обстоятельствах. Как показали дальнейшие события, выгодно это было прежде всего тому самому Пимену. Приехав в Константинополь, он предстал перед лицом патриарха, получил от него благословение и вернулся в Москву уже как митрополит. Но москвичи тоже были не глупы. Князь Дмитрий, хоть и не читал детективов, выводы делать умел. С Пимена сорвали белый клобук, все митрополичьи регалии и отправили в ссылку в Чухлому.

Следует отметить, что последователи покойного Алексея и преподобного Сергия проявили себя не только в разоблачении этой подлой интриги. Горячим сторонником войны с татарами был приверженец Сергия суздальский епископ Дионисий. Так как Суздаль был маленьким городом, по существу крепостью, епископ Дионисий жил в богатом Нижнем Новгороде, принадлежавшем суздальским князьям. И когда Мамай прислал туда посольство, чтобы договориться о мире и союзе, епископ Дионисий возбудил народ против татар. Нижегородская чернь накинулась на посольство. Сам посол, мужественно защищаясь, выстрелил в епископа, но Дионисия спасло широкое облачение — стрела просто пробила платье. Все татары были умерщвлены самым жестоким образом: их, раздев донага, выпускали на лед Волги и травили собаками.

Мамай, придя от этого в негодование, послал на город ушедшего с волжского левобережья царевича Арапшаха. (Видимо, у Тохтамыша, стоявшего на левом берегу Волги, тоже не все обстояло благополучно, и не все его поддерживали, раз Арапшах решил сменить службу хану на службу темнику Мамаю.) Суздальские князья были застигнуты врасплох, и на реке Пьяне (любопытно, что многие суздальцы действительно были тогда пьяны) их войска оказались вырублены воинами Арапшаха. После этого был взят Нижний Новгород и там учинена резня. Думается, что епископ Дионисий просто пожертвовал вверенной ему паствой в угоду своему честолюбию.

Затем Мамай двинул войска дальше, чтобы окончательно подавить русских, но на реке Ворскле московские войска одержали полную победу над мурзой Бегичем, командовавшим войсками Мамаю. В открытом бою московская рать сломала сопротивление татар и показала, что она по боеспособности не уступает татарской.

После всего происшедшего столкновение русских с Мамаем стало неизбежным. Понимая это, князь Дмитрий вынужден был использовать общерусский авторитет Сергия Радонежского. Преподобный благословил эту войну, и потому все православные сочли своим долгом восстать на защиту Русской земли от басурман и латинян. Русские войска двинулись навстречу Мамаю.

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

Общее количество русских ратников, собравшихся под знаменами Дмитрия Московского, исчислялось 150 тысячами человек. Это войско состояло из княжеских конных и пеших дружин, а также ополчения, вооруженного копьями, рогатинами и топорами. Конница (около 20 тысяч дружинников) была сформирована из крещеных татар, перебежавших литовцев и обученных бою в татарском конном строю русских. В войсках Мамаю была генуэзская пехота, а также аланы (осетины), касоги (черкесы) и половцы, мобилизованные на генуэзские деньги. Общая численность войск грозного темника составляла приблизительно 200 тысяч человек.

И у Мамаю, и у русских имелись союзники. На помощь темнику двигался литовский князь Ягайло. А союзником Дмитрия Ивановича, естественно, выступал поддерживаемый Москвой хан Тохтамыш. Поскольку Тохтамыш с войском из сибирских татар двигался к Сарая, Мамаю задумал вначале разбить Дмитрия, предварительно соединившись с войсками Ягайлы. В противовес этому князь Дмитрий принял решение выйти навстречу Мамаю и не дать ему соединиться с литовцами.

Встреча войск Дмитрия и Мамаю произошла в месте впадения в Дон речки Непрядвы. Ночью русские форсировали Дон и тем самым отрезали себе все пути к отступлению: им оставалось либо победить, либо умереть. Вся русская пехота была расположена глубокими цепями, чтобы каждый ратник чувствовал за своей спиной товарища, а вперед был выдвинут конный отряд. Русские прибегли и к типично татарскому приему: десяти тысячный засадный полк конницы был спрятан за небольшой рощей.

Наутро татары пошли в атаку. Передовой полк русских был смят и вскоре целиком уничтожен. Татары на полном скаку врезались в густые цепи москвичей, выставивших копья. Татарские кони перематывали через копья, татары кривыми саблями рубили направо и налево, и, как пишет летописец, «москвичи, яко не привычные к бою, побежаху». Казалось, что битва уже проиграна. Правда, отдельные смельчаки становились спинами друг к другу, выставляли копья (это называлось «ежики») и отбивались, но татары, не сходясь вплотную, расстреливали их из длинных луков. Близился полный разгром русской рати. И в этот момент развернутой лавой пошел засадный полк — 10 тысяч свежих бойцов, которые с ходу ударили по уже потерявшей строй татарской коннице. Удар засадного полка вызвал панику в рядах врага; татары обратились в бегство, и на протяжении 20 верст русские преследовали их и рубили, не давая пощады никому.

Победа была одержана, но потери русских оказались очень велики: из 150 тысяч человек в строю оставалось 30 тысяч, 120 тысяч погибло или было ранено. Однако жертвы эти были не напрасны. Этническое значение происшедшего в 1380 г. на Куликовом поле оказалось колоссальным. Суздальцы, владимирцы, ростовцы, псковичи пошли сражаться на Куликово поле как представители своих княжеств, но вернулись оттуда русскими, хотя и живущими в разных городах. И потому в этнической истории нашей страны Куликовская битва считается тем событием, после которого новая этническая общность — Московская Русь — стала реальностью, фактом всемирно-исторического значения.

Никак не уменьшая героизма русских на Куликовом поле, заметим, что немаловажным для победы оказалось отсутствие в битве восьмидесятитысячного литовского войска. Ягайло опоздал к битве всего на один дневной переход. И это было не случайно. Оказывается, Олег Рязанский, которого обвиняли в измене и предательстве, с пяти тысячным отрядом сумел, искусно маневрируя, задержать литовцев. Когда же литовцы отогнали Олега, битва уже закончилась. И тогда воины Ягайлы напали на русские обозы и перерезали раненых.

Как видим, война приняла истребительный характер, что характерно для конфликтов на суперэтническом уровне. Если же учесть, что большинство в войске Ягайлы составляли русские из-под Минска, Полоцка, Гродно, то легко понять, каково в тот период было единство некогда могучей Киевской Руси. К 1380 г. Древняя Русь «растворилась» в Литве и Московской Руси. Дальнейшие события лишь подтверждают этот тезис.

Литовский князь Кейстут, возмущенный расправой с ранеными, отрешил Ягайлу от престола. Он объявил себя великим князем Литвы и попытался завести дружбу с Московским княжеством и Дмитрием, получившим прозвище Донской. Таким образом, Кейстут повернул политику Литвы на 180 градусов. Но Ягайло при помощи немцев и папских агентов сумел заманить Кейстута на пир, где тот был убит. Сын Кейстута — Витовт — был схвачен и заточен в тюрьму.

На этом примере хорошо видны изменения, происшедшие в стереотипе поведения литовцев с ростом их пассионарности. Убить на пиру собственного дядю и арестовать двоюродного брата, обрекая его на смерть, — это предательство самого скверного толка. Да и сам Витовт, энергичный и смелый человек, уже не был таким принципиальным, как его отец и дядя. Жизнь Витовту, по странной прихоти судьбы, спас тот же рост пассионарности литовцев. Девушка, которая носила Витовту пищу, пожалела несчастного и, жертвуя собой, поменялась с ним одеждой — Витовт в женском платье покинул тюрьму

и бежал к немцам. Этим он нарушил традиции отца — непримиримого борца с Орденом.

После устранения соперников Ягайло заключил союз с Польшей и папой римским и велел своим подданным принимать католичество. Так возникло единое литовско-польское королевство, где потомки Ягайлы — Ягеллоны — правили до тех пор, пока не сменилась эпоха и королевство не стало республикой — Речью Посполитой.

Между тем на Руси, несмотря на победу на Куликовом поле, по-прежнему далеко не все являлись сторонниками объединения страны под эгидой Москвы. Старинные соперники московского княжеского дома — суздальские князья — и не думали сдавать позиций, хотя многие суздальцы погибли в бою с Мамаем за русское единство.

Брат суздальского князя Дмитрия Константиновича — Борис и его племянники Василий и Семен всеми силами стремились избежать ненавистного им подчинения Москве. Для этого они использовали очень древние и довольно действенные приемы: клевету и провокацию. Стремясь поссорить Дмитрия Донского с ханом Тохтамышем, Борис с племянниками состряпали хитрый донос о том, что Москва и Рязань хотят перейти на сторону Литвы — главного противника татар. Тохтамыш поверил доносу: сибиряку и в голову не пришло, что его обманывают. И дело было не только в наивности человека, незнакомого с ложью. Перед нами результат изменения уровня пассионарности в самой Орде, ибо лучшая ее часть, наиболее интеллектуальная и опытная, погибла во время «Великой замятни», истребленная теми же татарами-сибиряками, и подать хану дельный совет было просто некому. А ведь Тохта, Узбек или Джанибек и их советники никогда бы не позволили обмануть себя так примитивно.

В 1382 г. Тохтамыш организовал набег на Москву. Переправившись через Волгу и Оку, татары внезапно объявились под стенами города. Большая часть московских бояр, духовенства, воинов, как и всегда летом, выехала из Москвы в близлежащие деревни. В Москве оставались лишь великая княгиня и митрополит Киприан. Киприану и было поручено защищать город, но, не будучи военным человеком, митрополит не смог организовать оборону. Поэтому татарам удалось окружить Москву, но взять ее они не смогли. Москва к тому времени уже обладала высокими каменными стенами, на которых стояло огнестрельное оружие, называемое по-русски «тюфяк» (от персидского слова «тупанг» — трубка). Тюфяк заряжался порохом и картечью и мог сделать до пяти выстрелов. Правда, дальность стрельбы была небольшой, но для охраны крепости такие орудия были очень удобны: когда нападавшие подступали, картечные залпы мешали им достичь стен.

Этот набег Тохтамыша был бы совсем не страшен, если бы не характер населения, осевшего в Москве за несколько предыдущих спокойных десятилетий. Чего хотел посадский люд? Выпить и погулять. Поэтому население Москвы, простые московские люди, сев в осаду, прежде всего направились к боярским погребам, сбили замки, вытащили оттуда бочки с медом, пивом, винами и основательно напились. Затем, показывая свою «неустрасимость», они шли на стены и ругали татар, сопровождая брань соответствующими жестами. А татары, особенно сибирские, народ очень обидчивый, и они крайне рассердились на москвичей за их поведение. Митрополит же сделать ничего не мог: его никто не слушал, а когда владыка захотел уехать из Москвы (полной осады не было, и выйти из города мог любой), его, как и великую княгиню, посадские обобрали до нитки.

После отъезда Киприана народ продолжал гулять и пропивать свое и чужое имущество. Через некоторое время, когда был выпит весь запас спиртного, москвичи решили договориться с татарами: татарам было предложено изложить свои условия мира, для чего осажденные собрались впустить в город посольство. Но когда открывали ворота, никому из представителей «народных масс» не пришло в голову выставить надежную охрану, дабы пропустить только послов. Посадские просто открыли ворота, татары ворвались в город и устроили резню. Погибло почти все население Москвы, город был razорен.

Слух о предательском нападении Тохтамыша быстро достиг окраин московских земель. Те, кто не мог сражаться, уехали в Тверское княжество, так как Тохтамыш категорически запретил своим войскам нападать на тверские земли. Московские бояре, быстро собрав дружинников, начали нападать на татарские отряды, которые были рассеяны по волостям. Тохтамыш, увидев, что воевать приходится всерьез, немедленно снялся, бросил захваченную Москву, перебрался через Оку в Рязанское княжество, ограбил его и после ушел восвояси. Легко понять, что выиграли от набега Тохтамыша только предатели — суздальские князья. Но все, связанное с набегом, имело далекие и глубокие последствия. Взятие Москвы испортило те тесные дружественные отношения, которые ранее существовали между Ордой и Московским княжеством. Тем не менее Москва не начала войны с Ордой, так как ближние бояре Дмитрия прекрасно поняли, в чем дело. Московские дипломаты отнюдь не заблуждались насчет истинных виновников происшедшей трагедии. И воевать с Тохтамышем, который был просто орудием зла, лжи и человекоубийства, они не считали нужным. Но симпатии к Орде необратимо исчезли.

В следующем столетии этот эмоциональный разрыв существенно повлиял и на историю России, и на историю Орды.

4. Возмужание

ТОХТАМЫШ И ТИМУР

Столкновение с Тохтамышем сильно ослабило положение великого князя Дмитрия. Ведь ярлык на великое княжение, как и раньше, давал хан, поскольку Куликовская битва не изменила политических взаимоотношений Орды и Москвы: великое княжение связывалось с княжением московским «волей» ордынского царя.

«Нелюбим», возникшим между Дмитрием и Тохтамышем, решила воспользоваться Тверь. Но попытки тверского князя Михаила Александровича получить от хана великое княжение успеха не имели: Дмитрий послал в Орду своего сына, княжича Василия, и тому удалось сохранить великое княжение за Москвой. Правда, Тохтамыш оставил Василия Дмитриевича в Орде в качестве заложника, но уже в 1385 г. ему удалось бежать в Молдавию, откуда он попал в Литву, где был пленен Витовтом. Витовт поставил условием освобождения княжича женитьбу на Софье Витовтовне, и наследник московского престола вынужден был согласиться.

В Москве, как мы помним, установилось наследственное владение государей Калитиной династии. Не случайно в своем завещании Дмитрий Донской благословлял сына Василия великим владимирским княжением, говоря об изменении отношений с Ордой в более далекой политической перспективе: «А переменит Бог Орду, дети мои не имут выходу в Орду платить, и который сын мой возьмет дань на своем уделе, то тому и есть». В этих словах — эмоциональные перемены, внесенные во взаимоотношения с Ордой сожжением Москвы Тохтамышем. Власть хана еще признается как данность, но уже представляется тягостью, от которой все русские готовы с удовольствием избавиться, тем более что к концу XIV в. союз с Ордой уже не приносил Москве прежних выгод. Такое восприятие ханской власти и отражала политика московского князя после 1382 г.

Хан Тохтамыш, объединивший Белую, Синюю и Золотую Орду и тем самым восстановивший улус Джучиев, не сумел сохранить с таким трудом завоеванную власть. Виной тому была все та же ограниченность Тохтамыша как политика. Вспомним, что возвышением в Орде Тохтамыш первоначально был обязан помощи Железного Хромца — Тимура. Сам Тимур происходил из монгольского рода Барлас и не принадлежал к числу Чингизидов. Ревностный мусульманин, одинаково хорошо знавший и тюркский, и персидский языки, Тимур был не только воином, но и писателем. Этот великий завоеватель был человеком своей эпохи — эпохи смешения нравов и традиций в Монгольском улусе конца XIV — начала XV в. Но сам он принадлежал уже

к исламскому суперэтносу и развивал традиции мусульманской культуры, а не Ясы Чингисхана. Опирался Тимур на мусульманское население оазисов Средней Азии. Если войска Чингисхана представляли собой ополчение кочевников, каждый из которых умел ездить верхом и стрелять из лука, то военные силы Тимура формировались на иной основе. Мобилизовывать не умевших держать в руках саблю дехкан не имело смысла, и среднеазиатское войско Тимура составлялось из профессиональных вояк — «гулямов» (удальцов). Профессионалы рисковали своей жизнью, разумеется, не даром — их служба очень хорошо оплачивалась. Но для того чтобы получить хорошее жалование, воин-гулям должен был продемонстрировать свое умение: например, на всем скаку снять копьем кольцо, которое проверявший держал в двух пальцах. Легко представить, сколько уходило усилий на подобную подготовку. Вместе с тем от гулямов требовалась абсолютная дисциплина, безоговорочное послушание командующим — эмирам.

В рассматриваемый период Средняя Азия являла собой сплошной театр военных действий. Последние монгольские ханы боролись со своими эмирами, а эмиры — с джетэ (слово «джетэ» означает «разбойничья банда», «партизанский отряд»). Джетэ, составлявшиеся из всех желавших жить грабежом и не слушать никакого начальства, имели немалые успехи. Они создали отдельное от Джагатайского улуса государство Могулистан в Семиречье, где преобладало тюркское, а не монгольское население. Власть монгольских ильханов в Иране тоже оказалась уничтоженной вследствие восстания персидских патриотов — сарбадаров. («Сар ба дар» — лозунг этого движения, главный: «Пусть голова на воротах висит».)

В это время окончательного распада монгольских государств, в трагичную эпоху войны всех против всех, Тимур во главе своих гулямов оказался наиболее сильным и удачливым военачальником. Столкнувшись с городским ополчением заговорщиков-сарбадаров, Тимур разбил их наголову. Крепости сарбадаров были взяты, а тех из них, кто имел неосторожность сдаться, по приказу Тимура живьем замуровали в стены. Конечно, это была сверхъестественная жестокость, но поскольку так же жестоко расправлялись сарбадары со сторонниками Тимура, то понять его можно.

Затем Тимур овладел всей Ферганой. Своей столицей завоеватель сделал город Кет, ныне Шахрисабз; подчинил себе Самарканд. В 1379 г. Железный Хромец захватил Балх. Эмир Балха Гусейн, бывший союзник Тимура в борьбе против сарбадаров, сдался на условиях сохранения ему жизни, но, не выдержав нервного напряжения, бежал. Его поймали и казнили, потому что Тимур посчитал, что Гусейн нарушил договор, совершив побег.

На юге противниками Тимура были Музаффариды — последняя персидская династия, правившая в Фарсе и Исфахане. Тимур взял Исфахан, пощадив жителей, но они, восстав, перебили его гарнизон. После этого Исфахан был уничтожен, а из голов убитых построены пирамиды. Однако Музаффариды продолжали сопротивление. Тимур подошел к Ширазу, у стен которого храбрец султан Музаффарид хотел сам сразиться с Тимуром, но был убит прежде, чем смог прорваться к своему врагу.

С пребыванием Тимура в Ширазе связан интересный эпизод. В этом городе жил Хафиз, великий поэт, славившийся на весь мусульманский мир. Среди прочих своих творений он написал и такое любовное четверостишие:

Если эта прекрасная турчанка
Понесет в руках мое сердце,
За ее индийскую родинку
Я отдам и Самарканд и Бухару.

Тимур, конечно, знал эти стихи. И вот, взяв Шираз, он сел на ковре в центре площади среди моря жестокости и насилия: гулямы грабили дома, гнали пленных, насиловали женщин и резали последних сопротивлявшихся. Не обращая на это никакого внимания, Тимур приказал привести поэта Хафиза. Через некоторое время к нему подвели знаменитого стихотворца, одетого в простой халат. И завоеватель сказал поэту, намекая на известное четверостишие: «О несчастный! Я всю жизнь потратил для того, чтобы украсить и возвеличить два моих любимых города: Самарканд и Бухару, а ты за родинку какой-то потаскухи хочешь их отдать?» Хафиз ответил: «О повелитель правоверных! Из-за такой моей щедрости я и пребываю в такой бедности». Тимур оценил находчивость поэта — он рассмеялся, приказал дать Хафизу роскошный халат и отпустил его восвояси.

Разумеется, порядки и поступки Тимура можно осуждать, но вряд ли он мог поступать иначе. Начав войну, Тимур должен был ее продолжать: гулямам надо было платить, и война кормила войско. Остановившись, Тимур остался бы без армии, а затем и без головы.

Однако вернемся к Тохтамышу. Встав во главе Джучиева улуса, он не мог ориентироваться на порядки, установленные Тимуром в Средней Азии. Если бы он даже и хотел придерживаться подобной стратегии, его нойоны и местные сибирские вожди никогда не смирились бы с ролью простых слуг султана, а не вольных дружинников хана. Народ Тохтамыша требовал выступления против агрессии мусульман, захватывавших область за областью в Западной Сибири. Кроме того, по завещанию Чингисхана весь Хорезмский оазис принадлежал потомкам Джучи. И в 1383 г. Тохтамыш сделал первую попытку обрести

самостоятельность — попытался отнять Хорезм у Тимура. На какое-то время это ему удалось, но впоследствии Тимур вернул себе Хорезмский оазис.

С этого времени и началась война между двумя культурами: степной евразийской и исламской, представителем которой был Тимур, восстановивший прежнюю мощь мусульманских армий. По существу, действия Тимура были попыткой регенерировать угасавшую идеологию и культуру ислама. Делалась эта попытка, с учетом деятельности Тимуридов, сто лет, и в течение этого времени главными врагами мусульман Средней Азии являлись населявшие евразийскую степь кочевники.

В 1385 г. Тохтамыш нанес новый удар по владениям Тимура. Войска Тохтамыша прошли через Дарьяльское ущелье и захватили Тебриз в Азербайджане, который, опять-таки по разделу Чингиса, должен был принадлежать улусу Джучи. Тимур отогнал армию татар, захватив многих в плен. Пытаясь отсрочить решающее столкновение, он вернул пленникам свободу и отправил их под конвоем в родные степи. Но изменить ход дальнейших событий ему не удалось.

Через два года Тохтамыш, собрав довольно большие силы, перебросил их через казахскую степь и, пройдя через пустыню Бетпак-Дала, миновав Ходжент и Самарканд, дошел до Термеза. По пути хан ограбил все кишлаки, которые там были, но не взял ни одной крепости: они были надежно укреплены. Тимур, воевавший в это время в Персии, с отборными частями своей армии форсированным маршем вернулся в Среднюю Азию. Тохтамыш стал отступать, но Тимур настиг его в Фергане и разбил, после чего Тохтамыш убежал с остатками войск в Западную Сибирь.

Тимур понимал, что война с Тохтамышем может быть выиграна только в собственно татарских владениях. Но Синюю Орду и Поволжье защищали от мусульман Средней Азии не столько татарские войска, сколько огромные расстояния. Для того чтобы вести степную войну, надо было иметь достаточное количество лошадей, а для них — необходимый фураж или подножный корм. Обширные же степи, отделяющие Волгу от оазисов Средней Азии, покрыты травой не круглый год. В этой ситуации Тимур продемонстрировал незаурядный талант стратега. Он учел, что весной среднеазиатская степь покрывается травой сначала на юге, потом в центральном Казахстане, а уж затем на севере. Тимур собрал войско и двинулся в поход в буквальном смысле слова «вслед за весной»; лошади питались травой, которая не успевала завянуть. Войско запасалось провизией, проводя обильные охоты в степи.

Тохтамыш не ожидал мусульманского броска через степь, но начал быстро собирать все имевшиеся в его распоряжении силы.

В это время, в 1389 г., скончался московский великий князь Дмитрий Иванович. И хотя он, как мы помним, завещал, противно всем древним обычаям, великое княжение своему сыну Василию, утвердить это решение мог лишь законный хан Русского улуса — Тохтамыш. Тохтамыш подтвердил права Василия Дмитриевича и, что вполне естественно, в преддверии столкновения с Тимуром, потребовал от него помощи. Князь Василий войско привел, но никакого желания сражаться за Тохтамыша у русского князя не было: слишком свежа оставалась память о разорении Москвы в 1382 г. Таким образом, в решительный момент столкновения со среднеазиатскими тюрками хан Тохтамыш остался без союзника.

Тимур, совершив стремительный бросок, с ходу прижал ханские войска к Волге. Несмотря на все мужество татарской конницы, Тохтамыш потерпел поражение. Регулярная армия Тимура, его грозные гулямы одержали решительную победу в битве при реке Кондурче — одном из притоков Волги. Сам Тохтамыш успел переправиться на правый берег Волги, но дело его было проиграно. Василий, увидев, как поворачиваются события, повел свое войско в низовья Камы и тоже ушел на правый берег Волги, спасаясь от Тимура. Тимур не стал переходить реку, и московский князь удачно избежал столкновения.

После этой победы Тимур начал отступать. Он уходил, спасаясь от холода и голода, тем же путем, каким шел весной. Ему удалось вывести большую часть своей армии. Поход Тимура на Волгу был победоносным, но он не решил своей основной задачи — защиты Средней Азии. Ядро, самое сердце владений Тимура с прекрасными городами Самаркандом и Бухарой, оставалось беззащитным от ударов со стороны казахской степи. И действительно, Тохтамыш вскоре снова выступил против Тимура. Он двинулся из приволжских степей на юг по западному берегу Каспийского моря. Тимур вышел ему навстречу, и оба войска встретились на Тереке, где и произошла кровопролитная битва. Татары проявили исключительный героизм, но татарское ополчение снова не выдержало натиска регулярной армии. Тимур одержал победу, причем он сам сражался в рядах воинов. Тохтамыш вынужден был бежать. А Тимур двинулся дальше, прошел через прикаспийские степи и вторгся в центр Золотой Орды — волго-донское междуречье.

Храбрее всех сражался против Тимура талантливый военачальник Бек-Ярык-оглан. Он успел отвести свои войска к Днепру, но Тимур бросил туда одного из лучших своих полководцев — эмира Османа. Осман окружил степняка на берегах Днепра. Однако Бек-Ярык снова вырвался и с частью своего войска устремился на восток, ибо другого пути у него не было: к западу располагалась враждебная татарам Литва. Только у русского города Ельца эмир Осман настиг Бек-Ярыка.

Эмир осадил Елец. Защищаемый русско-татарскими войсками, город сопротивлялся отчаянно, но в конце концов пал. И снова Бек-Ярык-оглан со своим старшим сыном прорвался через ряды осаждавших и ушел на Русь. Тимур был настолько поражен мужеством, стойкостью и верностью татарского вождя, что, захватив в плен его семью, приказал отправить ее вслед герою под конвоем, дабы никто не обидел женщин и детей.

Теперь Тимур намеревался пройти дальше на Русь и захватить Рязань и Москву. Вероятно, это удалось бы ему, если бы не восстание в тылу среди черкесов, осетин и татар. Тимуру пришлось повернуть назад. Пройдя Перекоп, он собрал на Крымском полуострове дань и накормил свое войско. И хотя восставшие черкесы выжгли степи к северу от Кубани, войска Тимура сумели пройти через выжженную степь, нанести черкесам жестокое поражение и заставили их укрыться в горах. Миновав Дербентский проход и выйдя в Азербайджан, Тимур ликвидировал крепости восставших в Закавказье и в горах Эльбурс, а затем вернулся в Самарканд — город, «подобный раю».

Но на этом победоносные войны Тимура не кончились. Ему пришлось жестоко воевать с турками-османами, и в 1402 г. он разбил османского султана Баязета с его дотоле непобедимой пехотой — янычарами. Затем Тимур подошел к стенам Смирны, занятой крестоносным гарнизоном рыцарей-иоаннитов. Турки осаждали Смирну 20 лет и не могли взять, а Тимур взял крепость штурмом за несколько дней. Когда же к Смирне прибыли венецианские и генуэзские корабли с помощью и припасами для осажденных, то воины Тимура забросали их из катапульта головами рыцарей ордена Иоанна. После этого властелин Средней Азии снова вернулся в Самарканд и, расплатившись со своей армией, продолжал подавление вечно бунтовавшего Могулистана.

Меж тем, во время отступления Тимура из Поволжья, некоторые офицеры татарского происхождения (мурза Едигей и царевич из Белой Орды Корейчак) просили у Тимура разрешения остаться в степях и были отпущены. Тимур возложил на них задачу упорядочить татарскую Орду. Но военачальники уехали и не вернулись к мусульманскому владыке, нарушив присягу. Очевидно, фактор этнической принадлежности был сильнее. Мурза и царевич-татарин не стали помогать завоевателю, а предпочли соединиться со своим народом. Так в разбитой Тимуром Золотой Орде утвердились новые властители. Правда, сын Урус-хана из Белой Орды царевич Корейчак, молодой и достаточно энергичный человек, через некоторое время умер, и власть перешла к его двоюродному брату — Темир-Кутлугу. Новому хану, лишившемуся из-за предательства Корейчака поддержки Тимура, вскоре пришлось защищать свой престол от Тохтамыша. У последнего

оставалось достаточное количество сторонников, главным образом за Уральским хребтом. Тохтамыш захватил Сарай, но Темир-Кутлуг разгромил его и вступил в тесный союз с мурзой Едигеем, которого назначил правителем двора, фактически — главой правительства.

Поскольку союз с Москвой был для Тохтамыша уже невозможен, разбитый, он ушел на запад, в литовские пределы.

ВАСИЛИЙ, ВИТОВТ И ЕДИГЕЙ

Литва, как мы помним, в 1386 г. заключила унию с Польшей, укрепленную династическим браком литовского князя Ягайлы и польской королевы Ядвиги. И хотя Ягайло, приняв имя Владислав, начал поддерживать католическую экспансию, ввести Великое княжество Литовское в состав Польского королевства оказалось не так-то просто. Уния очень плохо воспринималась не только огромным большинством православного русского населения, но и представителями языческой литовской знати, желавшей сохранить свою независимость от поляков. Удельные литовские князья боролись с политикой Ягайлы, и бежавший из плена Витовт принял в этой борьбе живейшее участие. К 1392 г. сын Кейстута стал великим князем Литвы и фактически перестал считаться с Ягайлой.

Именно с Витовтом и договорился в 1395 г. Тохтамыш о разделе Московской Руси. Он согласился уступить все русские земли Витовту, с тем чтобы Витовт оказал ему помощь в возвращении престола в Сарае. Витовт же, давно стремясь расширить Великое княжество Литовское за счет присоединения Руси, достиг к этому времени некоторых дипломатических успехов. Так, в 1390 г. великий князь московский Василий I, выполняя данное в плену обещание, женился на дочери Витовта Софье. К моменту соглашения с Тохтамышем Витовт захватил Смоленское княжество, а чуть позднее присоединил к Литве стоявший на Оке город Любутск (около современной Калуги). Поэтому предложение Тохтамыша хорошо вписывалось в далеко идущие планы Витовта. Посадив на престол Золотой Орды «своего» хана, он получил бы реальную возможность покорить Москву.

Договоренность между Витовтом и Тохтамышем, хотя и выгодная для обеих сторон, была, однако, трудноосуществима. Темир-Кутлуг, владевший Золотой Ордой, отнюдь не собирался уступать престол Тохтамышу и потребовал у Витовта выдачи беглеца. Витовт отказал. Законный хан, естественно, находился в союзе с враждебным Тохтамышу Московским княжеством, но Москве не пришлось даже участвовать в вооруженной борьбе коалиций.

Навстречу Витовту и Тохтамышу, которые собрали огромное войско и двинули его в Подолию, вышел сам Темир-Кутлуг с небольшим

татарским отрядом. Витовт потребовал безоговорочной капитуляции. У него было около 100 тысяч человек: литовцы, белоруны, поляки и немецкие рыцари. Темир-Кутлуг постарался оттянуть начало битвы, поскольку ожидал, когда к нему на помощь подойдет из причерноморских степей мурза Едигей, и вступил с Витовтом в переговоры. Литовский князь предъявил Темир-Кутлугу требование, согласие на которое по этикету XIV столетия означало полное подчинение: чеканку ордынской монеты с его, Витовта, изображением, — обосновывая необходимость такого шага тем, что он много старше Темир-Кутлуга. «Рассматривая» требования Литвы, татары выиграли время, и подошедший с войском Едигей тоже получил возможность принять участие в «переговорах». Умный мурза ехидно заявил литовцу следующее: «Я понимаю, славный князь, ты старше нашего законного хана Темир-Кутлуга, но ты младше меня, и если уж судить по старшинству, то это ты должен чеканить деньги с моей печатью».

Взбешенный Витовт прервал переговоры и двинул свои войска на татар. Едигей выставил против огромного войска врага свой небольшой отряд и начал медленное отступление. Артиллерия мало помогла литовцам, потому что артиллерийский огонь по разбросанным целям был малоэффективен: ядра наносили лишь случайный ущерб. Тем временем Темир-Кутлуг со своим отрядом совершил глубокий обход, оказался в тылу войск Витовта и, ударив литовцам в спину, вызвал панику. Бежали все: и поляки, и немецкие крестоносцы, и белорусские ратники, и сами доблестные литовцы. Они беспорядочно отступали почти 600 верст, до самого города Луцка, где надеялись найти спасение. Татары настигали и рубили беглецов, сами почти не неся потерь. Любопытно, что Тохтамыш, знавший тактику татар и способности их полководцев, еще до битвы предпочел увести свое войско вдоль южнорусской границы в Сибирь.

Войско Витовта, по-европейски технически оснащенное, не сумело противостоять татарам, опиравшимся не на технику, а на подготовку воинов и хорошее командование, то есть на личные качества людей. Европейское войско погибло, сам Витовт бежал. Таковы были итоги знаменитой битвы на Ворскле (1399). Но как это ни странно, в результате больше всех пострадал не Витовт, не Тохтамыш, а победитель Темир-Кутлуг. Через короткое время он почему-то исчез с арены истории, причем источники очень туманно говорят о причинах происшедшего. И в этом нет ничего странного, если учесть, что каждый золотоордынский хан конца XIV в. должен был выбирать, кого предать: или захватчика Тимура, который дал ему власть, или свой народ, который совершенно не хотел подчиняться Тимуру и Тимуридам. Вероятно, Темир-Кутлуг сделал выбор в пользу своего народа, и это не прошло ему даром. Темир-Кутлуга на ханском

престоле сменил его брат Шадибек, человек также довольно талантливый.

Самый большой выигрыш от битвы на Ворскле получила Москва. Поражение Витовта спасло ее от угрозы литовского захвата, а литовский князь даже потерял на время Смоленск (1401). Однако Витовт вскоре сумел поправить положение дел и к 1405 г. вновь прочно завладел Смоленском и Вязьмой. Сил для самостоятельной борьбы с возобновленным литовским натиском у Москвы не было. Василий Дмитриевич не смог помешать захвату Витовтом верхнеокских княжеств: Перемышльского, Одоевского, Новосильского, Воротынского. Стало ясно, что без татарской помощи не обойтись.

Вовремя почувствовав реальную литовскую угрозу, Василий Дмитриевич обратился за содействием к ордынскому хану. Шадибек хотел вернуть политику Орды предыдущего века, то есть традиционную политику союза с Москвой, и прислал москвичам войско для борьбы с Литвой. Как видим, татары, даже не имея такой цели, волею судеб служили преградой на пути католических сил, давая возможность усилиться Московскому княжеству. Но, увы, Шадибек тоже недолго просидел на престоле. Он куда-то исчез, очевидно, был убит, и его заменил Пулад-Темир, еще совсем мальчик, которого возвел на престол победитель при Ворскле — Едигей.

Фактический новый правитель Орды Едигей потребовал от Василия оплаты своей дальнейшей военной помощи в виде «выхода». Московский князь платить не захотел, и тогда Едигей для вразумления своего вассала предпринял стремительный набег на Москву (1408). Разграбив города Нижний Новгород, Ростов, Переяславль, Едигей осадил столицу великого княжества. Князь Василий Дмитриевич перед осадой покинул город и ушел на север собирать войска. И снова Москву спасла ситуация, сложившаяся в самой Орде: Едигей получил весть о том, что власть его ставленника Пулад-Темира в опасности. Заторопившись домой, Едигей вступил с москвичами в переговоры и, замирившись на «откупе» в три тысячи рублей, снял осаду.

Вернувшись в Орду, Едигей столкнулся с открытым сопротивлением. Сыновья Тохтамыша восстали против власти Едигея; сам Тохтамыш к тому времени погиб в Тюмени. Отряды Едигея встретились с войсками сыновей Тохтамыша, предположительно в низовьях Сырдарьи. В жестоком сражении старик Едигей, который одержал столько побед и отстаивал свои принципы до конца, погиб как настоящий воин — на коне, с саблей в руке.

Смерть Едигея и очередной переворот в Орде (1411) не сулили Василию Дмитриевичу ничего хорошего. Ведь власть Едигея оказалась в руках ставленника злейшего врага Руси — литовского князя

Витовта. Но Золотая Орда в это время начала постепенно раскалываться. Татары уже не воспринимали себя как единое целое. Одни из них, поддерживавшие Едигея, стали называться ногаями. Это были, видимо, потомки очень древнего народа — гузов, живших на Яике. Другие, сторонники Корейчака и Темир-Кутлуга, получили название Узбекской орды, хотя этих татар нельзя считать узбеками, ибо такое название они приняли только в 1428 г., при хане Абульхайре, восставшем независимость своего народа. Абульхайр продолжил войну против среднеазиатских тюрок, а внук Абульхайра Шейбани-хан завоевал Среднюю Азию, которая с тех пор стала владением кочевых узбеков.

МЕЧ И КРЕСТ

В начале XV столетия у Витовта не было возможности последовательно проводить политику захвата и подчинения Руси. Ведь на северо-западных рубежах Великого княжества Литовского шла непрерывная война с немцами Ливонского ордена.

В 1409 г. жмудь подняла восстание против господства немецких рыцарей, и Орден объявил войну Ягайле. Численность войск Ордена превышала 50 тысяч человек, но собственно рыцарей было по-прежнему очень немного: основную массу орденского войска составляли завербованные добровольцы — кнехты.

Исполняя решение Кревской унии 1386 г., Витовт выступил в решающей схватке с Орденом на стороне Ягайлы. Основную силу войска Витовта составляли русские, прежде всего смоленские, полки. В войске Ягайлы было множество галичан, чехов и венгров. Соединенные силы Польши и Литвы немного превышали численность войск противника. Понимая, что решающая схватка обещает быть жестокой, Ягайло попытался вступить в переговоры с магистром Ордена Ульрихом фон Юнгингеном, но глава крестоносцев ответил высокомерным отказом.

Войска противников сошлись 15 июля 1410 г. на Грюнвальдском поле (к юго-западу от устья Вислы). Витовт, начав сражение, нанес удар несокрушимой литовской конницей по левому флангу орденского войска. Немцы ответили атакой на правом фланге и сумели заметно потеснить войска Витовта и Ягайлы. Однако окончательно сломить их оборону рыцари не смогли, в первую очередь потому, что наткнулись на ожесточенное сопротивление трех смоленских полков. Введя в бой свежие резервы, Витовт и Ягайло сумели достичь победы — рыцари были окружены и разгромлены, сам великий магистр фон Юнгинген, так опрометчиво отказавшийся от переговоров о мире, погиб в этом кровопролитном сражении. Грюнвальдская битва положила конец господству Ордена в Прибалтике, ибо окончательно

сломила его могущество¹. Немцы были вынуждены на тягостных для себя условиях заключить с Витовтом Торуньский мир.

Однако гораздо более значительными оказались последствия победы 1410 г. для польско-литовских отношений. Союз Польши и Литвы заметно окреп: Городельская уния 1413 г. усилила католическое влияние на Литву, ибо Великое княжество Литовское было вынуждено признать сюзеренитет польской короны. Все бояре и служилое сословие Литовского государства по Городельской унии получили равные права с польскими магнатами и шляхтой, но лишь при условии принятия католичества. Естественно, искренние православные из числа подданных Витовта таким оборотом дела обрадованы не были. Противостояние католиков и православных вновь обострилось, однако попытка Витовта ослабить религиозные противоречия в Литве успеха не имела. Начав хлопоты об унии между православной и католической церквами, Витовт сумел добиться лишь разделения митрополии: для Литвы был поставлен свой митрополит — ставленник князя Григорий Цамвлак. Однако успеха на переговорах с легатом папы римского во время Констанцкого собора новый митрополит достичь не смог, и Витовту пришлось отказаться от идеи религиозной унии.

Поскольку Орден не представлял более опасности для Литвы, Витовт смог вновь обратить свое внимание на восток. Смерть великого князя Василия Дмитриевича (1425) сильно облегчила задачу Витовта по расширению сферы литовского влияния. Ведь, умирая, Василий Дмитриевич «поручил» свою жену и десятилетнего сына вниманию ее отца — Витовта. Сделавшись законным опекуном московского великого князя, Витовт начал энергично проводить политику подчинения себе всех остальных русских княжеств. Вскоре после смерти Василия он заключил союзные договоры с двумя главными соперниками Москвы — Тверью и Рязанью. Таким образом, к концу 20-х годов XV в. Витовт сумел устранить препятствия к расширению территории своего государства и со стороны Ордена, и со стороны Руси. Неудивительно, что следующий его шаг был связан со стремлением избежать зависимости от Польши: великий князь литовский деятельно хлопотал перед немецким императором о пожаловании ему королевской короны.

Но снова в помыслы человеческие вмешалась природа. Смерть не дала Витовту реализовать его обширные планы (1430). Со смертью великого государственного деятеля Литвы в его княжестве начались внутренние столкновения. Поскольку дело церковной унии не

---

¹ Европа перестала пополнять силы Ордена, ибо после христианизации Литвы само существование Ордена, ориентированного на борьбу с язычниками, потеряло смысл.

было доведено до логического конца, православные подданные продолжали бороться с неравенством, провозглашенным Городельским привилеем 1413 г. Однако возглавлявший православную партию сын Ольгерда — Свидригайло — оказался лидером, мало достойным своего положения. Став великим князем литовским сразу после смерти Витовта, он проявил себя как человек, не обладающий ни талантом полководца, ни способностями администратора.

Брат Витовта Сигизмунд, опиравшийся на католиков, легко отнял великое княжение у Свидригайла. Стремясь обеспечить себе поддержку католиков, Сигизмунд первым делом заключил новый договор об унии Литвы и Польши, но поскольку большинство его подданных по-прежнему составляли православные, то князь был вынужден как-то учесть их стремления. В 1432 г. он издал указ, в соответствии с которым православные русские князья и бояре уравнивались в правах с католиками. Такое решение в известной мере ослабило сопротивление политике Сигизмунда среди русских вельмож и сделало положение Свидригайла крайне сложным.

Свидригайло в сложившейся ситуации утратил последние признаки благоразумия и прибег к тактике запугивания. Жертвой его неумной подозрительности стал православный митрополит Герасим, поставленный Константинополем по просьбе самого же Свидригайла. Заподозрив владыку в измене, князь без долгих размышлений приказал схватить и сжечь несчастного. Жестокое и бессмысленное злодеяние погубило Свидригайла окончательно: он лишился всякой поддержки своих православных сторонников. Вскоре после казни митрополита Свидригайло сошелся с Сигизмундом в решающей битве на реке Свенте, притоке Вилии, и, наголову разбитый, вынужден был отказаться от своих претензий на трон великого князя Литвы.

С поражением Свидригайла последние надежды на торжество православия в Литве оказались похоронены. И хотя Сигизмунд через несколько лет после своей победы на Свенте пал жертвой заговора (был убит в своем собственном замке в Тракае), дальнейшего хода событий сей факт уже не изменил. Великим князем был провозглашен другой сын Ягайлы — Казимир (1440), а после того как его брат, польский король Владислав III, погиб в битве с турками при Варне, Казимир занял еще и трон Польши, уравнив в правах своих польских и литовских подданных. Литва окончательно превратилась в католическое государство.

А вот в Москве, которая также управлялась внуком Витовта, сыном Софьи Витовтовны — великим князем Василием Васильевичем, попытка католиков достичь победы осталась безрезультатной. После гибели митрополита Герасима кафедра митрополитов вся Руси какое-то время оставалась вакантной, и Василий Васильевич решил